

КРЕПОСТЬ

повесть

ПРОЛОГ

Друзья зовут меня Тим, а родные – Тимур. Отец настоял, чтобы меня так называли в честь великого завоевателя Востока, но, честно говоря, вояка из меня никакой, не люблю я это дело – драться, хотя вспыльчивый до чёртиков. Уже больше года я занимаюсь греблей на байдарках, и для своих лет довольно выносливый и крепкий мальчишка. Цвет глаз у меня мамин, говорят, что и характер тоже. Я такой же, как и она, упрямый и неуступчивый. В семье я младший – поздний ребёнок. Мама родила меня, когда ей было уже тридцать девять лет, иногда они с отцом это вспоминают, говорят, что я свалился, как снег на голову, – не ждали.

Есть ещё у меня брат и сестра. Рома учится на четвёртом курсе истфака, а Ритка – десятиклассница, собирается поступать на экономический.

Отец у меня военный, ракетчик, служит в соседнем городке в крепости, там у них типа секретная часть, хотя о ней знает вся округа. Мама преподаёт математику в той же школе, где учусь я.

Рома – это гордость нашей семьи, до сих пор в школе его вспоминают учителя и ставят мне в пример.

Ритка живёт своей жизнью (охи, вздохи, звонки ухажёров по вечерам, тайные долгие разговоры); мама к ней постоянно придирается – то не так, это не эдак. Ритка мечтает поскорей сбежать из дома и не скрывает этого.

Я прочитал в одной книжке, что с годами у людей хорошие черты затухают, а плохие, наоборот, развиваются, так вот моему брату и моей сестре выпало ещё более-менее счастливое время, а мне – так одно мучение.

В семье у нас всё подчиняется строгому военному распорядку. Утром мы вскакиваем под звуки гимна России (хотя эта страна за тысячу километров отсюда), и день начинается с громкого крика отца: «Рота, подъём!». Хорошо, если он пришёл вчера домой трезвый, и всё это у него типа зарядка. Но если они вчера ещё и поцапались с мамой, тогда – держись.

В общем, до восьми у нас казарма, а потом интернат для умников и бесконечная уборка, в доме всё должно быть идеально чисто, не дай бог, ты уронишь на пол крошку хлеба, тебе тут же кричат сухим математическим голосом, в котором слышится хруст перемалываемых кристалликов льда: «Тимур, у тебя что, руки отсохли, и в кого ты такой неряха!».

«Ну, подумай логически», – говорит мне мама, если я не могу решить задачку, и смотрит на меня так, будто я разбил её любимую вазу.

К счастью, моим воспитанием она занимается довольно редко, потому что, если не сидит над тетрадками и не убирает квартиру, то висит на телефоне, перетирая косточки всем знакомым со своей подругой, парикмахершей из салона «Ника». О чём можно болтать столько по телефону, я не знаю, но только это длится часами. Хорошо, что почти весь свой воспитательный пыл она израсходовала на старших, а то бы мне вообще было невесело.

Отец служит лет двадцать уже, но дослужился только до майора; как говорит Ромка, просто ему эти звания пофиг, всё равно он лучший специалист по ракетам в части, и его оттуда никогда не уволят. Мама его постоянно пилит, всё-то ей денег мало; а иногда она даже обзывает его забулдыгой, хотя отец ни капли спиртного в рот не берёт. Зато он, когда разозлится, всегда стучит кулаком по столу, и вспоминает какого-то грузина, с которым её якобы застала моя бабушка. Она к нам приезжала в прошлом году, лучше бы не приезжала. Тут такое творилось, я вам скажу, чуть полицию не вызывали.

Да, Рома – это надежда семьи. В детстве он мечтал стать лётчиком, по всей квартире стоят сделанные им модели самолетов, типа Миг-29, Су-25. Но в девятом

классе мама спросила его как-то: «Ты что, хочешь, как твой отец, всю жизнь в сапогах ноги топтать?»

Ромка подумал-подумал и решил, что нет, «сапоги» – это не для него, и увлёкся историей.

Наша историчка им просто бредит. Когда она меня вызывает к доске и просит рассказать о Пунической войне, и я стою, молчу, шумно вздыхаю, она восклицает с таким, знаете, ехидством в голосе: «Боже мой, Тимур, и почему ты игнорируешь мой предмет, вот твой брат ... ах, как вспомню, какой был ученик!».

В такие минуты в классе все притихают, а мне хочется плюнуть на пол, растереть и выйти вон, хлопнув дверью. Терпеть не могу, когда мне поют песни о брате. Одно дело дома, там, понятно, он для родителей – идол. Но в школе это я переносу с трудом. Особенно когда на задней парте хихикает мой дружок, Мишка Гребень.

Да, брат для родаков – надежда. Ритка – так, дополнение к их спектаклям. А я – ноль, пустое место, «зеро», как любит говорить Мишка, что, впрочем, меня вполне устраивает. Если бы вы провели парочку дней в нашей семейке, вы бы меня поняли.

Родители – совершенно разные люди. Отец родился на Кавказе, в каком-то горном ауле, мамуля – из одесских полунемцев-полуевреев. Как и где они могли найти друг друга, мне до сих пор непонятно; брат рассказывал, что они случайно познакомились на дискотеке, в военном училище. Представляю, что это было за диско!

В общем, потанцевали они разок – и пошло, поехало: гарнизоны, переезды, жизнь в общежитиях. Я родился в одном задрипанном городишке на Дальнем Востоке. А в этот край нас занесло, когда мне уже исполнилось четыре года.

Да... но всё это так, к слову, сейчас я хочу рассказать вовсе не о нашей семейке, а о том, что произошло месяц назад. Честно говоря, у меня от всего этого до сих пор голова идёт кругом, до сих пор не пойму, как же оно всё так приключилось?! А ведь в то утро всё начиналось так замечательно...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Весной Днестр разливается, вымывая пласты земли и глины из берега, и с годами в склоне образовалась пещера, там-то мы и пропадали в то субботнее утро. Длинные косы вербы закрывали прозрачным зелёным занавесом вход, и снопы жаркого августовского солнца врываются в дымный сумрак, выхватывая из тени наши лица и освещая их рассеянным дрожащим светом. Уже к десяти часам парило нестерпимо, ветер шелестел листвой, не принося ни капельки свежести, и мы сидели в одних шортах, истекая потом, а рубашки и футболки валялись на траве. Внизу сквозь листву вербы блестела река, на дальний берег двигался катер с туристами, в этом году их приехало особенно много, и весь город был полон отдыхающих.

Я помню это утро, будто оно было вчера: «Ракета», пенящая воду, музыка Стинга, доносящаяся из динамиков на лодочной станции, голоса и крики купальщиков на пляже. Вот, заревев двигателем, понеслась на дальний берег «Казанка», вот вдалеке, за мостом показался буксир, и послышался его глухой рокот, высоко в небе медленно двигалась серебристая чёрточка реактивного самолёта, расчерчивающего небо дымными полосами.

– Дальше, – раздался голос Марио.

Но всё плыло, плыло ещё перед глазами.

– Твоё слово, спишь, что ли? – окликнул он меня.

На кону лежало по двадцать копеек, и в кармане у меня было много мелочи, которую, уезжая, как бы случайно, оставил брат на секретере. Но я не хотел рисковать и, увидев джокера и двух дам, произнёс:

– Дальше пятьдесят.

Мишка взглянул в свои карты, хмыкнул, и, заикаясь, сказал:

– Д-дальше. Ты чего кислый такой? Б-братан уехал, и ты в штаны наложил.

Я вспыхнул, я – очень вспыльчивый, иногда меня просто срывает с катушек, и я могу сделать любую глупость. Вот и сейчас я хотел крикнуть ему: «Заглохни, ты,

заика!». Но я сдержался, пожалел его, – настоящих друзей у Мишки не было. Только я мог его ободрить на уроке, когда он столбенел и не мог выдавить из себя ни звука.

Заикой Мишка был не всегда. Заикой он стал в пять лет, когда одним весенним вечером папашка избил его до полусмерти; неделю после этого пацан пролежал в больничке без движения и без слов. Правда, папашку его можно понять. В тот вечер он сидел с друзьями на кухне, распивал водочку. Сколько они приняли на грудь к тому моменту, как из коридора донёлся истошный вопль соседки, история умалчивает, известно только, что стало уже темнеть. Мишкина мать была в церкви, она ходила туда каждое воскресенье.

Ну, пили они, пили, а Мишка крутился там между ними, мешал им, батя его и выставил из кухни и дверь закрыл наглухо – нечего старших подслушивать.

Жили они тогда на первом этаже, в коммуналке. Была ранняя весна, только сошёл снег, за окном радостно чирикали воробьи. На подоконнике лежал коробок с яркой этикеткой, в котором что-то таинственно шуршало. Почему Мишка это сделал, он и сейчас не может объяснить, но тот случай круто изменил жизнь парня.

В общем, взял он спички, разложил газеты на диване, аккуратно так разложил – стопкой – и поджёг. Горят, горят газеты, дымище заполнил всю комнату, уже и в коридор просочился, а тем хоть бы что, – знай себе подливай, наяривай. Хорошо, соседка учуяла что-то неладное, стучит в дверь комнаты, а оттуда дым валит, – она тогда в крик: «Пожар, пожар! Помогите, люди добрые, горим! Рятуйте!».

Вот тогда, видимо, папашка с друзьями прозрели, вламываются они в комнату и видят: горит новый диван, неделю назад, как купили, дым столбом, и Мишка с улыбкой маленького Будды смотрит на огонь.

Ну, тут такое началось! Схватил обезумевший отец кусок кабеля и как перетянет им Мишку поперёк спины, в общем, начал он его убивать. Мишка орёт, будто режут его, пытается залезть под шкаф, да не тут-то было, голова и плечи влезли, а заднее место застряло. Приложился бывший «афганец» парочку раз так, что пока его друганы оттащили, пацан зашёлся в крике, а потом неделю молчал. Спустя ещё неделю он всё-таки заговорил, но так и остался заикой.

Странно, но у Мишки с тех пор к отцу особое отношение; он ездил к нему в больницу, когда тому на заводе оторвало палец на станке, и потом, когда батяня попал в профилакторий для алконавтов. Он тащил туда мать постоянно, приносил отцу сигареты, продукты и даже спиртное, тайком от матери.

Иногда думаешь: вот жизнь странная штука – любишь тех, кто тебя бьёт, но это для других. Для меня – нет. Я всегда даю сдачи.

После того случая Мишку прозвали «поджигатель». Но мы его зовём «химик». Слишком он повёрнут на опытах, любит делать всякие бомбочки. Однажды так шарахнул возле котельной, что в школе окна повывлетали. До сих пор бомбиста ищут.

И ещё есть у него одна манечка. Он часами зубрит английский. По всем предметам, даже по химии, едва успевает, а английский зубрит, как чокнутый. А как он, заика, сможет говорить по-английски, этого почему-то Элла Аркадьевна, наша англичанка, ему не объясняет. Ей-то что, ей всё равно, – пусть пацан мучается.

Придёт, объяснит по грамматике одно правило, даст переводить какой-нибудь рассказ из учебника и сидит, смотрит в окно весь урок, мечтает, закинув ногу на ногу, чулки у себя рассматривает.

Мишка пыхтит, старается, выговаривает каждый звук. Смешно, но иногда у него выходит даже лучше, чем у нашего старосты Юрки Белых, вот дела, почему так, не знаю. Может, от тренировок зависит, а ведь Юрка у нас считается признанным «англичанином», жил в Канаде несколько лет с родителями, и даже Эллу поправляет иногда, только она за это больше «четвёрки» ему не ставит, из вредности.

Так вот Мишка звучит даже лучше, чем Юрка. Чудеса, да и только. И диктанты он пишет отлично. Я у него постоянно списываю. Память у него «специальная», как говорит Марио. Поэтому он так много слов знает. А у меня память дырявая, решето, а не память. Зато я могу придумывать, вот что могу, это уж точно. Могу, например, написать сочинение про кнопку лифта, или про снег, да, про снег и всё.

Вот, смотрел я тогда на этого рыжего байбака, разозлил он меня сильно, хотел сказать ему: «Да заглохни ты, заика». А потом жалко его стало.

– Сам дурак, – вот что я ему тогда ответил, перевёл всё в шутку, так сказать, и продолжил, – Марио, твоё слово.

Марио потёр переносицу со значением, насупился.

По нему никогда не скажешь, о чём он думает и сколько у него на руках.

Вот он сложил карты, улыбнулся, сверкнув зубами, и, бросив пятьдесят копеек в банк, сказал:

– Пятьдесят дальше.

Наверняка он блефовал, но как проверить? Подловить его мог только Мишка, он чувствовал, когда Марио блефует. Мишка, как и Марио, прирождённый игрок. А я так, любитель, риск – это не для меня.

– Твоё слово, – нетерпеливо заёрзал на ящике Марио.

Глаза у него фиолетовые, как сливы, ничего в них не видно, только зрачки, которые плавают, как зёрнышки, в тёмно-синей глубине. В одном фильме показывали, что если человек испытывает боль, то у него зрачки расширяются, а вот что происходит, если он тебя обманывает, – по-моему, именно это пришло мне тогда в голову. Я услышал за спиной звук отъезжающей моторки и вдруг неожиданно брякнул:

– Рубль дальше!

– О-хо-хо, у Т-тима пруха, – покачал головой Мишка.

Он взглянул в свои карты, выудил из открытой пачки сигарету и невольно взялся за кожаный футляр, который висел у него на шее; там был его талисман, зажигалка, которую он сделал из пустой гильзы. Передумав, он взял с «игрового стола» спичку, – их там лежала целая россыпь, – чиркнул ею о приклеенную на ранте сандалия тёрку, затянулся, взглянул ещё раз на карты и, мастерски сплюнув между зубов, бросил карты рубашкой кверху:

– Я п-пас.

При этих словах Марио оживился и стал нервно гладить себя по затылку.

– Ну, теперь ты, – кивнул я ему.

– Дальше три рубля! – звонко произнёс Марио.

Я почувствовал, как у меня сразу вспотели ладони и сердце начало колотиться. Я, конечно, тоже азартный, но уже не раз попадал с этим Марио.

Его страсть – это игра на деньги: расшибалочка, сека, котёл. Никто не умеет так тасовать колоду, как он. Говорят, отец его научил, и Марио никого не разуверяет в этом. Хотя, честно говоря, отца его никто никогда не видел. Марио рассказывает, что он погиб где-то в Африке, защищая какого-то президента, но кто в это поверит? Все говорят, что просто мать Марио спуталась с негром, а он потом её бросил – вот и всё.

Марио мулат, волосы у него короткие и жёсткие, как щетина; когда он смеётся в темноте – зубы и белки глаз так и сверкают. Для нашего городка необычно, чтобы у местной женщины ребёнок был мулат. Многие косятся в сторону их семьи, насмеваются, хотя нам всегда говорят в школе, что в нашей стране все люди равны.

Вот что я по-настоящему ненавижу, так это вранье взрослых. Всегда врут, всегда говорят пустые слова, говорят о любви, а друг друга дубасят. Говорят о честности, а отец всегда просит сказать, что его нет дома, например, когда звонит бабушка из Одессы. Почему так, не знаю.

Когда Марио пришёл в наш класс, все как онемели, уставились на него, как на пугало, а Мишке всё пофиг, подошёл к нему на перемене, познакомились, а потом так мы втроём и склеились: Мишка, Марио и я – друганы не разлей вода.

Настоящее имя Марио – Лёнька, а фамилия Марин, но прозвище Марио, ему самому нравится.

Марио очень нервный и очень обидчивый. Стоит во время игры сгоряча выпалить: «Эй, ты, бебезь, а ну не мухлой!», как он тут же бросится на тебя с кулаками, так злится, аж синяя жилка у него на шее выступает, когда он кричит: «Я – русский, ты понял, я – русский!».

А ведь всегда кажется, что играет он нечестно. И когда в его маленьких смуглых руках мелькают карты и тебе выпадает три короля, и ты ставишь рубль дальше, дальше, потом поднимаешь ставку вдвое, а в кармане остаётся только на пирожок в школьном буфете, и ты кричишь: «Вскрываю!» и с уверенностью в

выигрыше уже протягиваешь руки, чтобы забрать банк, – Марио вдруг объявляет: «Три лба». И пока ты зависаешь в недоумении над его тузами, он ловко сгребаёт кучку полустёртых монет и смятых бумажек.

В такую минуту, конечно, можно сгоряча крикнуть: «Блин, да ты мухлюешь!». И кровь с шумом врывается в голову, и вот-вот кинешься на него, и, кажется, вот сейчас ты его разорвёшь на клочки, но в этот момент обычно Мишка кладёт тебе руку на плечо и говорит спокойно: «Тим, всё по-честному, просто ему везёт, ты же знаешь».

Да, Марио в карты всегда пруха, но и в котёл ему везёт, всегда попадает тогда, когда там уже целая горка монет. Пожалуй, в расшибалочку Мишка ему может нос утереть, ловко это у него выходит, умеет он ударить о самый край монеты и в самый нужный момент.

Есть и ещё у Марио страсть – лазанье по деревьям. Мы его подкалываем, говорим, что это у него от папика, который, наверное, с дерева и не слазил никогда. Странно, но он почему-то не обижается, может, потому, что действительно лазит сам, как мартышка. Иногда может такое выкинуть, что дух захватывает, например, взобраться на верхушку шелковицы, раскачиваться там, как сумасшедший, и орать: «А я – летучая мышь, я могу висеть вниз головой!». Один раз он уже сорвался, расцарапал себе в кровь всю спину и руки, но всё равно продолжает дурить.

Ещё он умеет стрекотать, как сорока, и выть, как самый настоящий волк, – где он этому научился, непонятно.

Мы учимся вместе с четвёртого класса, и сколько я его помню, он всегда был таким. Не говорю уже о том, что он легко может прыгнуть на любого, кто скажет что-то кривое о его матери. Почему он так к ней относится, я не знаю. Мать для него – святое. Хотя моя часто за глаза обзывает её «сукой».

Я видел однажды, как она буквально кидалась на отца с кулаками, крича: «Я же знала, я же знала, что ты пойдёшь к этой негритянской подстилке. Сука, чтоб она провалилась!»

Странно, тогда отец даже руки не поднял, чтобы защититься, а только пытался её облапить, приговаривая: « Милая, наговоры всё это. Ты у меня самая красивая, Ковалевская ты моя».

Это он так сказал, чтобы её хоть как-то умаслить. Хотя чего там сравнивать. Мама, конечно же, симпатичная. Но у Марио мать, как девушка, совсем молодая, почти как Ритка. Когда она идёт через наш двор, все мужики себе шеи сворачивают, а ей хоть бы хны, только каблуками по тротуару: «цок-цок». Кто-то прозвал её «золотая ножка», и когда она появляется, всегда можно услышать: «Вон, смотри, золотая ножка чешет!».

Они приехали из Архангельска, есть такой город на севере, там ещё, по словам Марио, деревянные доски вместо тротуаров на улицах. Там, кстати, Марио и родился. Чего они сюда переехали?

Мать его вроде бы училась в институте на врача, она работает в аптеке, лекарства продаёт.

Марио однажды принёс пару таблеток, от которых балдеешь, – взял, положил под язык, и потом голова становится лёгкая, а перед глазами всякие мультики так и крутятся. Этому Марио научился у матери, подсмотрел, как она так делала.

Нам понравилось, очень. Но когда его мать узнала, что у неё пропал целый пузырек этих пилюль, она чуть не прибила Марио. «Бешеная была», – как он нам потом рассказывал.

Да, так вот, взглянул я тогда на него и подумал, – скажу сейчас: «Вскрываю!» И выиграю аж пару рублей, а если потерпеть, вытянуть его на себя, то можно и десятку, и купить эластичный бинт для накачки бицепсов, и охотничий нож, чтобы чуть что – отбиться от одного гада, который преследовал меня.

– Дальше пять рублей, – услышал я свой ватный голос и заметил, как заёрзал Мишка, как он закосил глазом в мои карты.

Теперь Марио не улыбался, его маленькие уши заострились, а широкие африканские ноздри раздувались, как у гончей, почуявшей добычу. Я вздрогнул, когда Марио произнёс:

– Дальше!

«Что делать, что делать, – путались мысли, – вскрываться или нет?». И неожиданно для самого себя я выкрикнул:

– Дальше десять!

– Ого! – выдохнул Мишка.

На кону стояло почти двадцать рублей. Для нас, семиклассников, это были большие деньги, но Марио и бровью не повёл – что значит игрок.

– Вскрываю, – произнёс он спокойно.

Но голос у него дрожал, дрожал, это я точно помню.

– Три дамы, – выложил я карты.

– Три дамы! – эхом откликнулось издалека.

– Свара, – выдохнул Марио, голос у него вдруг осип.

– Вот это да! – присвистнул Мишка.

Я с трудом соображал, что происходит: у меня были две красные дамы, бубновая и червовая, а у него две чёрные, крестовая и пиковая, а рядом с каждой парой плясал клоун с бубенчиками на колпаке. Мои руки уже опустились на деньги, но Марио успел накрыть их и прижал. Я стал вырываться, не понимая, что происходит, и почувствовал, как в ладони горячими рёбрами врезались медяки. А Мишка мне орал в самое ухо: «С-свара! Свара!».

– Ну что, продолжим? – спросил Марио и кивнул Мишке, – вступаешь?

– Не-а, – отрицательно замотал головой тот.

– Делим, – выдохнул я.

– Давай продолжим! – Марио не унимался.

Почувствовав мою слабость, он, как питбуль, вцепился в меня:

– При своих же останемся!

– Пусть, – сказал я упрямо.

– А-а, засцал, да!? – нависал Марио, крепко прижимая мои руки к столу.

– А ну отпусти! – сказал я твёрдо и почувствовал, как в глаз попала капелька пота, и глаз стало пощипывать.

Неожиданно раздался звук осыпающихся камешков. Мишка сделал знак, и мы быстро спрятали карты и деньги в карманы.

Из кустов у входа в пещеру вынырнул Хас, его тень замаячила за прозрачным занавесом листвы. Большая голова на тонкой шее делала его похожим на инопланетянина, как в кино про НЛО. Хас выглядел так, будто ему только что сделали тёмную, даже веснушки, казалось, прыгали на лице от страха.

Он долго не мог отдышаться, щёки надувались, как у выброшенного на берег головастика. За глаза мы его так и называли «головастик»: во-первых, из-за формы головы, а во-вторых, из-за его умничанья, зазнайства. На все вопросы у него есть ответы. О чём бы вы не спорили, он всегда скажет: «Я знаю». Или спросит тебя: «А ты знаешь?». Очень это раздражает, я вам скажу.

Достаётся ему, правда, за это – кто же любит этих знаек? Только сами знайки и любят.

– А-а, Хаська приплёлся? – съязвил Марио.

Ему нравилось подначивать Хаса. Тот был трусоват, поколотить его мог любой, даже тот, кто был на голову ниже ростом. Подойти, цыкнуть на него, и он сдавался.

Я не понимал, почему такой амбал, ростом с девятиклассника, так запуган. Отец у него крутой, с бесцветным, как серая папка, лицом, за ним всегда джип «Гранд Чероки» приезжает по утрам; со мной он никогда не здоровался, если заставал у них дома, кивал и всё. Но мать мне казалась милой женщиной, хотя, конечно, с ней говорить нелегко, она сидит в своём кресле-каталке и смотрит сквозь тебя, будто тебя и нет на свете, а ты только и думаешь всё время, как бы побыстрее смыться. Знаете, тяжело общаться с этими инвалидами, как-то неловко себя чувствуешь, иногда хочется провалиться сквозь землю, честное слово.

– Слушайте, пацаны, я вам сейчас такое расскажу, обалдеете, – выговорил, наконец, Хас.

– Расскажи, расскажи, – хихикнул Марио, – обалде-ем, – передразнил он его.

– Сможете сегодня дёрнуть из дома до вечера? – продолжил Хас возбуждённо, не обращая на него внимания.

– Чего, чего? – уставились мы на него изумлённо.

Уж от кого-кого, а от Хаса услышать это было странно. Он-то жил по расписанию, утром зарядка, вечером пианино, чуть темнеет – уже баиньки.

– Ты что, Хаська, с книжной полки упал? – поддел его Марио.

– Да ну тебя! – отмахнулся Хас. – Пацаны, слушайте, хотите найти клад Мазепы?! – выпучил он глаза.

– Кого?! – разинули рты Мишка и Марио.

А я чуть не свалился с ящика, честное слово. Всё утро меня так и подмывало рассказать о том, что я услышал вчера вечером, – и тут такое. Мелькнула мысль, что Хас мог как-то подслушать спор отца и брата, а орали они, будь здоров, так, что было слышно, наверное, даже на улице, но потом я вспомнил, что было уже поздно, а в такое время Хаса всегда загоняли домой.

– Кого-кого? – переспросил его Марио.

– Я знаю место, где спрятано оружие и золото, – продолжил Хас возбуждённо.

При слове «оружие» Мишка стал вытирать вспотевшие ладони о шорты, а Марио вскочил, и, пританцовывая, переминался с ноги на ногу. «Золото» – было его манией.

– В-врёшь, – бросил Мишка, от волнения заикаясь ещё больше. – К-клад, к-какой клад? Где? – давился он каждым звуком.

– В кургане за старой турецкой крепостью.

– Ого! – присвистнул Марио, – сокровища турок.

– Сам ты турок, – оборвал его Хас. – Говорю тебе, это клад Мазепы.

– А кто это? – спросил Марио.

– Кто-кто, украинский царь; на кургане, за крепостью его захоронение, и там старинное оружие, золото, в общем, с ним положили всё, что может понадобиться в другой жизни.

– Другой жизни. Какой другой жизни? – спросил Марио с удивлением.

– Да ну тебя, – отмахнулся Хас.

– А откуда ты это знаешь? – спросил я, сглотнул и тут же добавил, стараясь, чтобы голос звучал безразлично. – Да там давно всё обчистили, если и было что!

– Тим прав, – махнул рукой Марио, – кто в это поверит?

Вспыхнувший было огонёк потух в его глазах, он достал карты и вновь стал их тасовать.

– Л-любишь ты басни сочинять, – подытожил Мишка и тоже уселся.

– Матерью клянусь, я сам слышал, как Кола и Жосан собирались идти за кладом, они идут туда сегодня!

Хас чуть не плакал, нервно скручивая свои большие ладони.

– Кто?! – уставились мы на него, и тогда впервые мне стало тоскливо и страшно.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Хас, которого зовут на самом деле Кирилл, а фамилия Хасян, прибился к нам случайно. Однажды, когда мы ездили с классом собирать яблоки в сады за рекой, к нему пристали местные; он отлучился по нужде, а те к нему и пристали, мол, нечего гадить в их садах, а что делать, если парню приспичило, подышать что ли? В общем, стал звать он на помощь, и пока все наши умники чухались, а ответственная, которая поехала с нами, Пьера Львовна, как назло, будто провалилась, ушла куда-то с физруком. Так вот, пока все соображали, что делать, мы с Мишкой и Марио помчались между рядами яблонь и спасли Хаса из очень неприятного положения.

А что он мог сделать один, да ещё со спущенными штанами, против этих быков? Но мы их быстро уgomонили. Особенно отличился Марио. Он тогда как раз записался в секцию бокса и успешно отработал на одном из них удар справа. Так что те перцы бежали дальше, чем видели.

Не сговариваясь, мы решили никому не болтать об этом. А после Хас пришёл ко мне домой.

Помню, в тот день лил дождь, и я маялся дома, как неприкаянный. Вдруг звонок в дверь, смотрю – стоит Хас. Стоит, переминается с ноги на ногу. Говорит, вот мол, хотел узнать, что задали по физике. А я не верю ни единому его слову. Чтоб Хас и не знал, что задали, ведь он у нас первый отличник был – да никогда не поверю. В общем, то да сё, а потом он мне выдал:

– Слушай, Тим, давай сидеть за одной партой.

У нас так заведено: отличники сидят впереди, а троечники, типа меня, в самом конце.

– Хочешь, будем вместе к урокам готовиться? – продолжает.

В общем, дружбу мне предлагает, именно мне, а не Мишке и не Марио. А Мишка-то был король класса. Наверное, решил через меня мостик перекинуть, внедриться, так сказать, по-тихому в наш круг, но только до меня это доехало слишком поздно.

Хас выше меня почти на полголовы, глаза у него розовые, как у кролика, волосы – солома, кожа на лице сальная, бугристая. Даже не знаю, почему мы за него вступились – просто напали чужаки, вот что главное, обижать своих мы никому не позволим. Пусть он плохой – зато свой.

Хаса все считают зубрилой и выскочкой. Чуть что, всегда первый руку тянет, хотя некоторые наверняка завидуют ему, из-за его папика-шишкаря. Зря завидуют. Видели бы они глаза его матери – не завидовали бы. После автомобильной аварии она теперь сидит в кресле-каталке годами. Не знаю почему, но Хас меня всячески ублажал, наверное, хотел влезть в доверие.

В комнате у него все полки уставлены книгами, прямо как в библиотеке. Столько книг я ни у кого прежде не видел. У нас дома всего несколько – те, которые дарили родители друг другу с подписями типа: «Гришка, ты очень похож на героя этого романа, оставайся всегда таким, твоя Зоя». Да ещё армейские уставы, да Ромкины журналы и учебники по истории, к которым я никогда не прикасался.

А у Хаса чего только нет: иллюстрированные энциклопедии, сборники фантастики, детективы, журналы о кино, старинные книжки с каким-то особым запахом...

Трудно поверить, но всё это Хас перечитал, и иногда, когда мы вместе собирались, он нам пересказывал некоторые истории. Рассказывал он интересно, но сами истории казались мне немного заумными.

Поэтому однажды, от нечего делать, чтоб как-то разбавить эту занудную мудрёность, я сам придумал рассказ про горбуна-часовщика, который воровал младенцев. Там всё началось с пирожка: мальчишка стал есть пирожок, а там – бах! – человеческий ноготь, ну и завертелось такое! Не знаю, во мне что-то щёлкнуло, и рассказ сложился, и пацаны обомлели – клёво так вышло.

Помню вечер, март, мы сидим в подвале нашей девятиэтажки, прижавшись друг к другу, вдруг слышим – скрип, не скрип, а скрежет двери. Слышим, как кто-то медленно ступает по рассыпанной щебёнке, я чувствую под рукой железный уголок, который валялся там с тех пор, как сваривали решётки на окна, раздаётся шёпот Марио:

– Это он.

– Кто он?! – таращится на него Хас.

– Горбун. Он пришёл за нами.

А Мишка говорит:

– З-зайдёт, кинемся на него.

– Не бросайте меня, пожалуйста, не бросайте меня, – хнычет Хас.

И когда шаги за стеной приближаются к самому входу, и мы уже вот-вот бросимся вперёд, вдруг из темноты раздаётся жемчужный, весёлый смех:

– А вот вы где! А я вас везде искала.

Так врасплох нас застала тогда наша нимфа – Лера.

Лера – это девчонка, с которой я ходил на греблю. Нельзя сказать, чтобы она была красивая, скорее смешная, – вот это точно. Но почему-то я смущался, когда

оставался с ней наедине, и ещё мне было не по себе, когда я видел её с Мишкой. Они жили в одном подъезде, и Мишка часто провожал её домой после школы.

Лера... Что-то в ней было такое необычное.

Жила она с братом (он, кстати, тренер по ушу) и бабушкой, которая, правда, сверстница моей мамы. Лера училась в нашем классе, и всё свободное время пропадала с нами. Ей было интересно, а нам и подавно!

И когда, например, она при всех говорила: «А ты, Тим, отчаянный», сердце билось чаще, а губы так и расплывались в улыбке. Но всё это ничего не значило. Такое она могла сказать каждому из нас. А уж как Марио нос задирал, вы бы видели, просто из штанов выпрыгивал. Что сказать, нравилась она нам очень. Но, как мне кажется, ко мне у неё было особое отношение. Сам не знаю, почему я так думаю. Но только однажды она мне приснилась, подошла, села на кровать, положила свои руки на мои и сказала: «Всё будет хорошо, Тим. Всё будет хорошо».

А на следующий день, когда я лежал в дремотной неге на пляже, она возникла вдруг как из-под земли и, смеясь, легла рядом, а потом мы ещё весь вечер прогуливались по набережной, говорили ни о чём, и я летал от восторга.

Забыл сказать, что Лера была немного помешана на тренировках: она тренировалась и в дождь, и в снег, могла отмахать на воде много километров, и плакала, когда проигрывала мальчишкам прикидки.

И ещё у неё был пунктик – водовороты, – никогда не обходила их. А это опасное дело, я вам скажу. Если вам когда-либо повезёт сесть в байдарку, вы поймёте, что держаться в ней гораздо сложнее, чем ехать на велосипеде, и вряд ли вы пройдёте больше нескольких метров, поэтому новичков сначала пускают на воду в байдарке с крылышками.

«Крылышки» – это такая перекладина, которая насаживается на корму, по краям у неё закреплены лопасти от вёсел, и когда лодка начинает крениться, эти крылышки не дают ей перевернуться. Но ты торопишься стать как все, торопишься стать взрослым и однажды идёшь на воду без крылышек – и попадаешь в водоворот, и глотаешь столько мутной воды, что потом уже ходишь только под берегом, а вот

Лерка ничего не боялась и бросалась в водовороты сама да ещё поднимала весло над головой, умела держать равновесие, как никто другой. Но кое-что и ей не удавалось.

По реке ходит много буксиров, и всегда можно ускориться, догнать буксир, если он толкает баржу в порт, стать у него в корме, в отработке, в этих кипящих струях воды, и подгребать, и нестись на гребне волны. Конечно, тут нужно особое бесстрашие, чтобы сделать такое, потому что если перевернёшься, тебя может легко затянуть под винт.

Завидев буксир, я всегда торопился к берегу и, поставив весло на баланс и направив нос лодки против волны, шёл, медленно переваливаясь с боку на бок, с восхищением наблюдая, как кто-то из старших устремлялся за буксиром вдогонку. И острый холодок возникал под ложечкой, когда я видел, как байдарка с гребцом ныряла между волнами, и мысль о том, что и я когда-нибудь смогу сделать это, не покидала меня.

У Леры была ещё одна странность – она никогда не рассказывала о родителях. Хас откуда-то знал, что у них свой бизнес в Турции. В это можно было поверить, потому что шмотки она носила дорогие, чем очень злила учителей. Но почему-то её родителей мы ни разу не видели за те несколько лет, что она училась с нами.

Говорила она с лёгким акцентом, чуть растягивая слова и смягчая букву «л». Она – гагаузка, и стеснялась этого, хотя мне наоборот это нравилось.

Не знаю почему, но в конце лета я стал особенно волноваться, когда виделся с ней: меня волновала и её походка, и медленное движение руки, поправляющей чёлку выгоревших волос. Иногда мне казалось, что и она смотрит на меня как-то более задумчиво, что ли. А однажды мы с ней целый день валялись вместе на пляже, и она мне снимала облупившуюся кожу с лопаток, и я чувствовал прикосновение её пальцев, и было так необычно, что внутри всё обрывалось, я будто долго-долго падал, а потом вновь взлетал. И ещё я стеснялся смотреть ей в глаза, а она – нет, она только закидывала голову, смеялась и повторяла: «Ты такой смешной, Тим, такой смешной».

Да, летом с нами что-то происходило, и это длилось несколько месяцев, а потом всё неожиданно кончилось.

В одной книжке я прочитал, что напрасно человек прожил жизнь, если он прожил её без врагов. Так вот, врагов у меня не было. Да, я мог иногда что-нибудь «отчебучить», как говорил отец. Например, выйти из класса прямо на уроке, если было что-то не по мне, или спросить вдруг нашу новую химичку: «Элла Захаровна, а отчего у вас так жилка на шее надувается, когда вы кричите?» Конечно, я мог сгоряча и на тренера кинуться, если он подначивал: «Эй, чечен, помоги лодки перенести». А я никакой не чечен. Отец мне сказал, что мы из аланов, осетин то есть, по его отцу, а по его матери – из Терских казаков. Булатов – это родовая фамилия моего прапрадеда, он был шейхом на Кавказе.

Иногда, когда меня сильно доставали, я посылал всех подальше и шёл на берег Днестра, сидел один где-нибудь над обрывом в кустах, – вода бежит, и я успокаиваюсь. В такие минуты я думал о моём прапрадеде, который, как Ромка рассказывает, перешёл на сторону русских во время второй Кавказской войны и потом отличился при взятии Плевны.

Я представлял, как он скачет в белой бурке среди джигитов, пули свистят, а ему хоть бы что, а потом они гонят янычар по пшеничному полю и рубят им головы на скаку, и захватывают в плен сотни турок и батарею пушек, и сам царь жалует ему княжеский титул, а когда он возвращается на родину, его встречают, как героя, посыпают дорогу цветами. Да, так я мог сидеть у реки часами и крутить в голове эти картинки, как в кино.

Отец мне иногда рассказывает о моей Родине, о станице на реке Терек, о том, как там красиво. Я жил там до четырёх лет у бабушки, пока родители мотались по гарнизонам. Но что я теперь помню о том времени: только снег, тишину, яблоки, пахнущие зимней свежестью, собаку с грустными глазами – и больше ничего.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Жосан – красавчик, он приехал в наш двор в начале августа. Целый день его родоки разгружали мебель. Поселился он в одном подъезде с Лерой и Мишкой. Сначала он держался в стороне, ходил важный, надутый, но вскоре стал появляться во дворе с Колой, известным в округе шнырой, дружкой Шефа.

Этот район города делится на две зоны: Верхний и Нижний Днестр. Верхний контролирует Шеф, один долговязый тип, с большим кадыком и бельмом на правом глазу. А Нижний – Граф, крепыш, с приплюснутым носом и сломанными ушами, чемпион города по вольной борьбе.

Нельзя сказать, что между бандами идёт война, так, мелкие стычки на дискотеке, но нас впечатляет, если кто-то вдруг скажет: «Его вчера видели с Графом». Или: «Смотри, он из бригады Шефа». Поэтому рядом с Колой Жосан мог выступать козырем.

Сначала он присматривался, осваивался. А потом уже и показал себя.

Как-то, промокнув весь от дождя, я бежал с тренировки и, запыхавшись, уже почти поднялся к дверям квартиры, когда на лестничном пролёте неожиданно столкнулся с Колой и Жосаном, они стояли там и дымили какими-то вонючими сигаретами.

– Хочешь затянуться? – как бы между прочим спросил меня Жосан.

Мы тогда уже покуривали, и я тайком, по одной, таскал у отца «L&M», довольно лёгкие, как мы считали, сигареты. Часто мы пускали сигарету по кругу, но курили не затягиваясь, больше для форсу, что ли. Поэтому я смело сказал:

– Конечно.

– Тогда набери дым в лёгкие, – продолжил он, – и скажи: «Пошла бабка в лес, нарубила дров, затопила печь, из трубы пошёл дым».

Я смело набрал в рот дыма.

– Нет, ты не так, ты вдохни его, – хихикнул Кола.

Я вдохнул, и в этот момент у меня всё в голове помутилось, горло сковало, я не мог ни вдохнуть, не выдохнуть, слёзы брызнули градом. Сигареты оказались кубинские – «Партагас», – еле я очухался. А эти двое стоят, ржут, кони педальные.

Не знаю, чего он ко мне прицепился, наверное, решил, что я слабый. Думал, что если старше на два года, так и запугает.

На следующий день, когда мы играли в футбол, и я как раз готовился подать угловой, Жосан, который сидел на лавочке за воротами, неожиданно подошёл и попытался выбить у меня мяч из-под ног.

– Отпусти, – рванул я мяч, успев схватить его.

– Ты чего, свисток, в репу захотел?! – оттолкнул он меня так, что я попятился, споткнулся о бордюр и полетел через кусты на газон.

Все рассмеялись, даже Мишка, но хуже всего было то, что всё это видела Лера, она тоже сидела там, на лавочке, слушала, как Жосан травил анекдоты, и сквозь их смешки больней всего меня резанул её залиvistый смех.

Кровь бросилась мне в голову, я нащупал обломок кирпича, крепко сжал его, поднялся и пошёл на Жосана.

– Ты чего это, ты чего... вот дебил, – бормотал он, отступая.

С этого дня он и Кола устроили на меня охоту, всё пытались подловить в тёмном углу. А ещё он трепался всем, что я чокнутый, и многие стали меня избегать. Но мне было всё равно. Главное, что Мишка и Марио были со мной, и ещё Хас, и ещё Лера.

Но иногда я видел, как этот типок стоял с Лерой у подъезда и что-то втирал ей, и она смеялась, закидывая голову – так ей было смешно.

А ещё болтали, что он делает девчонкам всякие гадости. В общем, что сказать, время для меня настало трудное. Дошло до того, что я постоянно носил песок в карманах, чтобы сыпануть этому хлыщу в глаза, если он вдруг подстержёт меня где-то. Но это всё были мелочи по сравнению с тем, что Лера отдалялась от нас и всё больше водилась с этим пряником.

Я в то время почти не выходил во двор. Сажу на балконе, смотрю, как они соберутся в кружок: Жосан, Кола, Егор (Мишкин брат) и давай тусоваться – пальцы веером, крутые мобилы под ухом у каждого, а рядом девчонки глазки им строят, почёсываются, как мартышки, хихикают. А я смотрю на всё это и понимаю, что

изменить ничего не могу. Понимаю, что так и будет этот гад меня мучить и Лерку уведёт. Смазливый он был, вот что плохо, весь такой гладенький, чистенький, всегда одет модно. Кроссовки на нём американские – «Риббок», а не занюханный китайский самопал с толчка.

Отец у него главврач в клинике, где людям мозги вправляют, мать – директор рынка. Семейка – отпад! О таких всегда говорят: «Хороший мальчик». Да, что говорить, всё при нём, и глаза у него необычные: один чёрный, без зрачка, как колодец, а другой жёлтый, как у кошки, не глаз, а подфарник. Но это заметишь, если стоять с ним лицом к лицу, а издали и не видно.

Целыми днями я сидел на балконе, с завистью наблюдая, как носятся по двору мои друзья, а по вечерам слышал, как они радостно смеются в сумерках.

Заканчивалось лето. В конце августа приехал на каникулы брат. Обо мне все забыли, и я в одиночестве и унынии предавался своим переживаниям.

Однажды, бесцельно бродя по квартире, я прислушался к голосам на кухне.

– Дали ему вместе с Карлом, – говорил возбуждённо отец. – Строю своих охламонов, как их только к пушкам подпускают, строю их утром, ну всё такое, гимн играет, флаг поднимается, встаёт солнышко, туман над рекой стелется, и думаю, вон, как жизнь поворачивается, когда-то тут были турки, а потом им под зад коленкой – раз! И вот уже двести лет мы здесь, но не о том я... я вот думаю, что сяду на парапет, а на нём сидел этот Мазепа когда-то. Кстати, говорят, его могила недалеко от крепости. Правда, или болтовня всё? Историческая личность всё-таки, хоть и предатель.

– Слушай своих дуболомов больше ... – глухо обронил Ромка.

В этот момент я вошел на кухню, и как ни в чем не бывало, взял яблоко из хрустальной вазы, которая стояла на буфете. Отец сидел за столом в трусах, с багровым лицом, Ромка стоял у окна, скрестив руки на груди, мама вытирала посуду, она была явно смущена.

С яблоком в руке я чуть задержался в дверях, с интересом взглянул на их хмурые лица, не понимая, отчего они так завелись, потом надкусил яблоко – оно смачно хрустнуло – и пошёл к себе, но в коридоре остановился и вновь прислушался.

– Но, но, но... – запротестовал отец.

– Ромочка, зачем ты так? – возмутилась мама.

И я представил, как сейчас наигранно в изумлении поднялись её крашенные брови.

– А ... что с вами говорить! Этому вот кто-то наплёл про клад, а он и уши развесил.

– А что? Ты хочешь сказать, что это неправда? Ты, историк хренов! Зам по тылу сказал, что захоронение Мазепы тут точно есть, и Пушкин искал его здесь, вот. А ещё, драпая, он вёз бочонки с золотом, это-то ты знаешь?

– Ищи, ищи, может, найдешь ступицу от колеса. Тебя там точно за клоуна держат в части, – бросил Ромка презрительно.

– Ромочка, ты что?! – сдавленно воскликнула мама.

– Вот, смотри, выкормили на свою голову, посмотри на этого стервеца! – отец разошёлся не на шутку.

В напряжённом внимании я вытягивал шею и не заметил, как задел стопку журналов, – они с грохотом рухнули на пол.

– Да хватит, хватит вам! – мама уже чуть не плакала.

– Вон! Вон из моего дома, чтобы духу твоего не было здесь больше! – взревел, как дикий кабан, отец.

Послышался звон хрусталя, и я представил, как золотистым льдом брызнули осколки по светло-коричневому линолеуму, вспыхнул и погас на самой высокой ноте мамин крик, я метнулся к себе в комнату, а потом на балкон.

Хлопнула дверь, и в комнату вошёл Ромка, он был очень взволнован. Наши взгляды встретились, в глазах его мелькнуло что-то странное, незащищенное...

Он устало опустился на диван, уставившись перед собой. Потом открыл секретер, постоял немного, перебирая свои учебники и тетради, а затем зашёл в ванную и долго не выходил оттуда.

В тот же день Ромка уехал.

Ночью я долго не мог заснуть, всё время сквозь дрему мне виделись казачьи обозы, в зыбком рассветном воздухе дрожали пики, знамёна, бунчуки, шли войска походным маршем. Из тумана медленно выплывала крепость с высокими башнями и бастионами, у парапета на одной из башен показалась фигурка девушки в восточном одеянии...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

В то утро, как и во всякое субботнее утро, Хас встал пораньше и побежал за молоком на городской рынок. У Хасино папашки был больной желудок, и по утрам ему нужно было пить парное молоко, полезно это было для него. На каникулах и в выходные дни бегал за молоком Хас.

В то утро он проснулся ещё до девяти. Он вообще имел привычку рано просыпаться, тренировал волю, так сказать, был на этом помешан. Мог, например, долго сидеть под водой, когда мы купались, так долго, что мы потом за ним уже ныряли. Мог на спор схватиться за раскалённый гвоздь. У него и теперь шрам на правой ладони, и он до сих пор отдёргивает руку, если хочешь с ним поздороваться.

Странно, но при этом он был труслив ужасно. Точнее, не умел драться, очень уж был неуклюж, неповоротлив и в драке всегда не бил, а начинал бороться, пытаясь взять своим весом, особенно боялся бить в лицо. Все, кому не лень, его в классе шпыняли, чуть что Хас да Хас. «Кто назовет столицу Мадагаскара?», – «Хас назовёт». «Кто сегодня дежурный?», – «Хас дежурный».

Его даже назначили ответственным за чистоту тряпки, которой доску вытирали. Назначила наша классная, Лидия Павловна, училка по пению, тучная такая

тётка, по мне так больше похожая на продавщицу арбузов, а не на учительницу пения.

Странно, почему, если тебя шпыняют, так и учителя туда же? Подло это всё как-то... Потому мы, наверное, и решили поднять Хаса, в пику всем. Потому я и согласился сидеть с ним за одной партой, – противно, когда все на одного, не терплю я этого.

Да, в общем, вышел он из квартиры утром, настроение приподнятое, впереди ещё один день каникул, и вдруг слышит – внизу, на площадке кто-то спорит.

Хас так и застыл, не успев закрыть дверь, а дверь у них была новая, прокладки каучуковые, ходила бесшумно, как часики, открывалась тихо, не то что соседская напротив, железный гроб, а не дверь:

– Я же говорю, это верняк, понимаешь? – услышал он приглушённый басок Жосана.

То, как это было сказано, заставило Хаса насторожиться.

– И ты знаешь место?!

Зашипел Кола так ожесточённо, что Хас втянул голову в плечи.

– Я проверял, всё сходится, – последовал ответ.

– А кто такой этот гетман?

– Самый богатый чудака в своё время был, почти как царь.

– А-а, – протянул Кола.

И Хас живо представил, как у него вытянулось и без того узкое и удлинённое, как секира, лицо.

– Ху, ху! – послышались вдруг выдохи и шарканье ног.

Хас догадался, что Кола стал отрабатывать бой с тенью.

– Да перестань ты, заколебал, – видимо, увёртывался от него Жосан, потому что голос его сбивался.

– Ты что, Кола, тупой, – вновь раздался голос Жосана, – я же тебе говорю, у него было два бочонка золотых монет, прикинь! И оружие!

– Оружие?!

– Ну, старинное, типа там сабли, пистолеты.

При этих словах Хас прикрыл рот рукой.

Кола шумно засопел и спросил:

– Дела... ты никому ещё не проболтался?

И Хас почувствовал, как Жосан замялся.

– Никому.

– Это хорошо, – протянул Кола и с нажимом добавил, – держи язык за зубами, дело серьёзное.

После этого повисла долгая пауза, в продолжение которой Хас услышал, как за дверью напротив кто-то возится, и ему показалось, что он сейчас провалится сквозь площадку, но возня стихла. Он облегчённо вздохнул, и отёр пот со лба.

– А чего же ты не хапнул всё сам? – бросил Кола пустым голосом.

– Одному опасно, запретная зона, недалеко от крепости, на кургане.

– Фигово, – вздохнул Кола. – Вояки поймают, мало не покажется. Ноги повывёртывают! Это тебе не полиция, никто протокол составлять не будет.

– Ты что, трусил? Швед мне сказал, что ты крепкий, а ты – яичница, – отозвался с презрением Жосан, и послышался звук плевка.

– Триндеть – не мешки таскать. Сам-то он, небось, засцал бы!

– А вот и нет, он сразу согласился.

– Блин! Ты же сказал, что никому не болтал! Вот трепло! – присвистнул Кола.

– Наверное, уже всем растрезвонил.

– Иди ты! Никому я не трезвонил, только ему и сказал.

– Так может и Шефу тогда расскажем, – оживился Кола, – а то ещё и на местных нарвёмся. С ними лучше не связываться.

– Кола, ты что, тупой? Хочешь, чтобы Шеф всё себе захапал? – возмутился Жосан.

– Да не кипятись ты. Ладно, сами разберёмся, – успокоил его Кола. – Кстати, а как делить будем? – спросил он вдруг, и вновь повисла долгая пауза.

Хас чувствовал, как во время всего их разговора у него клокотало в горле, невыносимо хотелось чихнуть, и он изо всех сил двумя руками сжимал себе рот и нос, но чих так и рвался из него, так и лез. Казалось, что он сейчас взорвётся этим чихом, будет обнаружен, и тогда ему хана, амба, поймают и поминай, как звали.

Вдруг рывкнула дверь напротив, и на площадку вышла соседка, седая, сварливая подслеповатая старуха, бывшая надсмотрщица в городской тюрьме, Марина Абрамовна. Она всех ненавидела и ни с кем не здоровалась, только бурчала себе под нос что-то нечленораздельное и всё.

Она вышла на площадку с полным ведром мусора, взглянула сквозь толстые стёкла очков на Хаса, – тот даже присел от ужаса, – что-то буркнула и стала спускаться вниз по ступенькам к мусоропроводу, громко, по-стариковски шаркая ногами. Голоса внизу сразу стихли, и спорщики торопливо сбежали вниз, хлопнула входная дверь.

Хас яростно несколько раз чихнул, потом выскочил на улицу, и что есть духу помчался на речку.

Теперь он стоял перед нами с пустым бидоном, волосы дыбом, глаза горят, жадность, испуг и что-то совсем незнакомое, неуловимое, какой-то восторг, что ли, были у него на лице.

– Я думал, что сдохну от страха, когда эта карга открыла дверь, – завершил он свой рассказ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Я сидел с безразличным видом и жевал травинку, чувствуя, как терпкий сок пощипывает язык. Скажу честно, у меня сразу возникло плохое предчувствие. Но я промолчал, почему – не знаю. А ведь если бы я рассказал тогда о споре отца с братом, наверняка всё бы сложилось иначе.

– Интересно, что бы они с тобой сделали, если бы застукали? – обронил я, и все вытаращились на меня.

– Да ну тебя! – обиженно отмахнулся Хас.

– Только там нет курганов, – продолжил я, глядя сквозь покачивающийся занавес листвы. – Мы там тренировались весной, сплошной лес, зря потащимся.

– Да? – протянул удивлённо Хас.

– Не зря, не зря. Ты же знаешь, у меня нюх на клады, – вскочил Марио.

– Угу, ещё какой! – усмехнулся я, вспомнив, что за всё время своих поисков кроме ствола от охотничьего ружья он ничего полезного так и не нашёл.

– Так ты не пойдёшь? – спросил Мишка, грызя ноготь.

– Я как все, только что-то тут нечисто.

– Да ну его, – махнул на меня Марио, – струсил, так и скажи. Так где, где это? – затанцевал он перед Хасом.

Но Хас как-то сник после моих слов, а грушевидная голова его вытянулась ещё больше.

– Они говорили, нужно идти несколько километров на север от крепости, – произнёс он глухо.

– А вы в курсах, что там днём патрули шастают, а ночью прожектора всё освещают. Поймают, – обронил я, после чего даже Марио несколько потух, но вскоре его лицо вновь озарилось, и он схватил меня за плечо.

– Так нас твой батя отмажет, чуть что, а, Тим?

– Ага, размыштался, – сбросил я его руку.

Мишка взглянул на меня и вновь стал ожесточённо грызть ноготь.

– А Лерке, Лерке расскажем? – спросил вдруг Хас.

– Ты что, забыл, с кем она теперь водится, уж тогда тебе точно капец, гы-гы-гы, – гыгыкнул Марио.

Он присел на корточки и, чтобы успокоиться, начал тасовать карты, так и мелькали его смуглые руки. «Шулер», – сказал бы любой, видя, как ловко он это проделывает.

– Марио прав, Лерке об этом – ни слова, – сказал я, сглотнув горячий комок, и спросил, обращаясь ко всем, – интересно, а на чём они поедут?

– Наверное, на мопедах, – предположил Хас.

– Ты что, чокнулся! – повертел пальцем у виска Марио. – Да они там всех ворон распугают на своих тарахтелках.

– Может, на великах, а, Мишка, как думаешь? – спросил я.

Он поднялся, потянулся до хруста в суставах и сказал:

– Ну и духотища! Я п-постараюсь что-то вывести.

– Поздно будет! – бросил карты на стол Марио. – Сейчас, сейчас двигать надо! Пока они соберутся, мы уже там. И всё наше. Мы первые найдём. Представляете!

– Представляем, – хмыкнул Хас. – А что родакам скажем? – тихо спросил он.

Я поднялся и встал рядом с Мишкой. Вода в реке блестела в лучах утреннего солнца, волнами накатывала духота, но я вдруг почувствовал, что от возбуждения у меня по рукам пошла гусиная кожа.

– У меня сейчас все о'кэй, – сказал Мишка, – у п-предка тяжёлые дни, он в отключке. Главное, чтобы братуха не заподозрил чего.

– А моим по барабану, скажу, что в поход иду. А ты Марио, сможешь отпроситься?

– Спрашиваешь! – сверкнул зубами Марио.

Все знали, что Марио сутками не бывал дома. Где он валандался, мы не знали. Но он хвастался, что ночевал чуть ли не с бомжами в подвале соседнего дома, который был предназначен под снос. В общем, ещё тот враль. Но это было не важно. Главное, что вряд ли его мать сильно бы обеспокоилась, если бы он не пришёл ночевать, поэтому все посмотрели на Хаса.

– А может, ты останешься, Хас, прикроешь нас, чуть что? – спросил его Марио.

Хас даже рот открыл, не зная, что и ответить, лицо его стало малиновым от гнева, он аж топнул ногой от злости и пошёл на Марио.

– Ах ты... Я всё открыл, а ты, ты!

– Что, что я? Мне плевать, с тебя же шкуру спустят.

– Эй, отвязись от него, – осадил Мишка Марио и добавил, – так, парни, на сборы час, никого ждать не будем.

– И чтобы хвоста не было, – бросил Марио Хасу.

Хас зыркнул в его сторону, но промолчал.

А Марио пританцовывал уже перед Мишкой, заглядывая ему в лицо:

– Значит, идём, а? – вопрошал он, расплывшись в улыбке.

– Я – да, а ты – не знаю, – улыбнулся тот в ответ, обнажив передние зубы, которые выступают у него немного вперёд, как у бобра.

– Ура-а! – радостно закричал Марио.

– Вот чудик, рано радуешься.

Иногда у Мишки получается выдавать целые фразы без запинки, это когда он спокоен или задумчив, как тогда, например. Все были на взводе, а ему хоть бы что, или он умел так скрывать свои чувства, не знаю. Казалось, ещё на секунду он задумался и решительно произнёс:

– З-затариваемся по полной: хлеб, консервы...

Мы кивали.

– Ещё лопаты нужны, – заметил Хас.

– У бати есть сапёрная, – сказал я и почувствовал, как у меня дрожат руки.

Я вдруг совсем потерял голову. То, чем я мучился в последние дни: преследование Жосана, тоска, непонятное томление – всё улетучилось. Теперь можно было наплевать на это, забыть дом, родителей, забыть эту девчонку с выгоревшей чёлкой, пушком над верхней губой, забыть её улыбку, её насмешливый взгляд. И ещё месть, месть точила во мне свои сверкающие калёные ножи...

– В-встречаемся через час здесь же. Кто не придёт, тот предатель! – отрезал Мишка.

– А если они уже выехали? – тихо обронил Хас.

– Да замолкни ты, Хаська, – цыкнул на него Марио.

– Ещё п-посмотрим... Если Егор дома, уж я сумею его задержать, а без него они не двинут, – сказал Мишка и так шлёпнул ладонью о ствол вербы, что с дерева посыпалась сухая пыльца.

Что он задумал, мы не знали, но это было что-то такое, от чего мы воспрянули духом и понеслись стремительно вверх по склону, оставляя за собой клубы пыли.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Домой я примчался около одиннадцати и столкнулся в дверях с отцом. Он стоял перед зеркалом и высматривал что-то у себя во рту. Когда я открыл дверь, он взглянул как бы сквозь меня и крикнул в пустоту коридора:

– Представляешь, Зоя, только на прошлой неделе поставил пломбу, и вот опять дырка!

– Сходи в поликлинику, – слышался мамин голос из спальни.

– Думаешь, там лучше сделают?

– Да, уж лучше твоих зубодёров в части.

– Да-а, – протянул отец, засовывая пальцы в рот, – наверное, ты права.

Когда я попытался прошмыгнуть к себе в комнату, он неожиданно спросил:

– Ты где это был?

– На тренировке.

– Врёшь, опять собак гонял с этим уголовником Гребнем. И в кого ты такой бестолковый? Нашёл себе дружков. Один – ворюга, а другой – идиот-полукровка.

– В кого, в кого – в папочку драгоценного! – отозвалась мама.

– Тоже мне, святая, одного уже воспитала, выдал он тебе вчера по первое число, забыла уже, небось?

Меня так и подмывало сказать отцу, что всё он врёт, и что Мишка – никакой не вор, а Марио – никакой не идиот. Но я сдержался.

– Мы на байдарках в поход идём, – бросил я между прочим.

– Похо-од?! – повторил с напевом отец, продолжая раздирать себе рот.

Воспользовавшись паузой, я метнулся к себе в комнату.

– Захвати штормовку, у меня ноги крутит, видимо, дождь будет! – крикнула мама.

– Какой дождь, Зоя? Жара сорок градусов! – возмутился отец.

У нас всегда так. Если один кричит, то вокруг все начинают орать, семья глухих, честное слово.

Квартира у нас трёхкомнатная. В одной комнате жили мы с братом до его поступления в институт, напротив – спальня родителей, в гостиной обосновалась Ритка. Неделю назад она уехала погостить к бабушке.

Окна нашей с Ромкой комнаты выходят в парк, который тянется вдоль берега на несколько километров. Парк старый, и тополя, липы, орехи, каштаны так разрослись, что ветви нависают над балконами многих квартир. Над балконом нашей квартиры нависали раскидистые ветви катальпы, дерева, которое цвело белыми душистыми цветами весной, а сейчас, в конце августа дребезжало длинными тонкими сосульками, когда дул ветер с реки; его мясистые широкие листья затеняли окно, но даже сквозь тень чувствовались жар и духота улицы.

Я остановился, чтобы перевести дыхание, и в глазах зарябило. Осмотревшись, я заметил, что дверца секретера приоткрыта. Наверное, отец рылся в Ромкиных бумагах, «контролировал процесс», как он любил говорить, но, по-моему, Ромке это совсем не нравилось, а кому бы понравилось, скажите.

С братом у нас были самые обычные отношения. Когда я был маленький, он забирал меня из детского сада и рассказывал про инопланетян или про Египет по дороге домой. Иногда он брал меня с собой на футбол. Наверное, это были самые счастливые моменты в моей жизни.

Помню, однажды он привёл меня на футбольную площадку.

– Это что, твой брат, Ромка? Что-то он на тебя совсем не похож, цыганёнок какой-то, – ткнул в меня один тип в тельняшке.

– Да, это мой братишка. Ты не смотри, что он мал, может так двинуть, что мало не покажется. Правда, Тим?

– Ага, – кивнул я и улыбнулся своим щербатым ртом так, что вокруг все заржали.

Я не понимал, почему все смеются, наверное, я забавно выглядел в тот момент.

Представляю свою улыбку до ушей, и то, как я гордо сидел там, на скамейке, утирая рукавом нос, рядом с девчонками, которые уже ходили в школу, наблюдал, как брат гонял мяч в нападении. Он играл здорово. Он вообще всё делал здорово, не то что я. Во всём он искал смысл и правильный подход. Но это я уяснил много позже. А тогда я просто сидел на скамейке, раскачивался, зыркал на девчонок, которые сидели рядом, ветер ерошил мне волосы, оранжевый закат пылал за рекой, пыль столбом стояла над площадкой; крик, возгласы мальчишек, а я сидел, раскачивался и улыбался.

Когда я пошёл в школу, брат уже поступил в институт, и я очень гордился им. Мне стало тоскливей, когда уже в четвёртом классе всем стало понятно, что никакой я не вундеркинд, а самый что ни на есть обычный мальчуган. Но родители всё ещё пытались сделать из меня умника, отчего образ брата для меня со временем потускнел.

Закрыв за собой дверь, я присел на диван и прижал руку к груди, сердце так и колотилось, того и гляди выскочит. Первое, что я сделал – открыл секретер. В коробочке из-под часов, которые подарил отец Ромке, я хранил свои сбережения. Там было около семи рублей, бумажные пятёрка и рубль, и мелочь, копеек семьдесят. Всё это я сунул в карман шорт. Затем я достал из нижнего отделения фонарик и капроновую верёвку, – вдруг придётся куда-то взбираться. Вместо сандалий я решил обуть кроссовки. В полинявший отцовский рюкзак сложил джинсы, свитер и штормовку. Но главное, нужно было взять сапёрную лопату, а ключи от подвала висели на общей связке в коридоре. Я всё думал, нервничал, вспотел даже, стараясь изобрести, как бы мне их стащить незаметно.

Неожиданно дверь в комнату открыла мама, я так и застыл с рюкзаком в руках.

– А кто из тренеров с вами поедет? – спросила она.

Она стояла в дверях, в розовом, застиранном, махровом халате, в руке у неё была незажжённая сигарета; высокая, худая, с резкими морщинами возле носа, она выглядела уставшей. Она всегда до обеда выглядит уставшей, тормозит слегка, но зато потом начинает гонять, как Карлсон с пропеллером – хоть прячься. Я слышал,

что таких людей называют «совы», они поздно ложатся и поздно встают. Думаю, мама такая.

Вопрос её не застал меня врасплох. Удивило только, что это её вообще интересует.

Когда в тот день я объявил родакам, что меня не будет несколько дней дома, их это не удивило и не обрадовало, им было всё равно, они уже давно не интересовались тем, как живет их младший сын. Оно и понятно, по сравнению с Ромкой я был ноль без палочки, паршивая овца, так сказать, но, честно говоря, меня это вполне устраивало: не люблю я, когда мать науськивает отца, и он вдруг начинает мне лекции читать, тычет под нос дневником и всё повторяет: «Ты когда, наконец, за ум возьмёшься? Ну, скажи, скажи мне, кем ты хочешь стать? Скажи, о чём мечтаешь?»

В такие минуты я обычно молчу. Мне, конечно, иногда хочется подыграть отцу и сказать, что я, как и он, хочу быть офицером. Но я молчу, что-то меня удерживает от этого вранья, потому что на самом деле я ни о чём таком и не думаю. Зачем мне всё это? Планы на будущее меня мало интересуют.

Не знаю, в кого я такой, но меня мало интересует, что со мной будет там, через пять или десять лет, и мне удивительно, когда меня спрашивают об этом. Разве можно предугадать, что с тобой будет. Разве можно сказать, о чём ты мечтаешь, один день ты хочешь одного, на другой день другого. Да и вообще, мечта – что это? Кто может ответить? Смешно, они пытаются у меня это выпытать, а сами-то они знают? Неужели они, когда были маленькие, мечтали о такой вот жизни? Разве это была их мечта? Так мне это и даром не надо. Но что я могу ему объяснить, когда он меня спрашивает о моей мечте? Я могу только молчать. Я ещё сам толком не знаю, чего хочу. Но вот что я знаю абсолютно точно, так это то, что я никогда не буду жить так, как они. Я вывернусь наизнанку, я взойду на самую высокую гору, я стану обезьяной, но я не буду жить так!

Да, в такие минуты я обычно молчу, смотрю на отца и молчу, что я могу ему сказать... молчу, потому что мне жаль его. Разве это жизнь, если у тебя одна радость

– драть весь день подчинённых, потом напиваться, возвращаться домой за полночь, ругаться с женой, забываться во сне, а потом наутро вновь орать: «Рота, подъём!»...

– С нами поедет Донченко, и ещё старшие, всего человек пятнадцать.

– А-а, – протянула мама задумчиво, – а девочки тоже поедут? – спросила она.

Чего это она вдруг спросила, мне было непонятно.

– Конечно.

– И Лера?

– И Лера, – ляпнул я вдруг и приуныл, потому что мама хорошо знала Леркиного брата, когда-то он был её любимчиком, тоже у нас в школе учился.

Теперь они иногда останавливались во дворе, чтобы перекинуться парой слов. Я это видел не раз, и честно говоря, мне это было неприятно. Я испугался, что мать и дальше начнёт выяснять, что да как. Но в этот момент зазвонил телефон.

– Зоя, тебя, – позвал отец, – опять твоя Ника звонит. О чём вы можете столько болтать?

– Иду, иду, сейчас. Возьми в подвале тушёнку. Экономят на солдатах, а сами жируют.

– Но, но, но! Ты мне брось пацана против отца настраивать. Сама жуёшь, за ушами трещит, а как это всё добыть, так никогда и не понимала.

В этот момент я готов был простить матери все придирки; я метнулся в коридор, но надо знать моих родаков: если один говорит «да», то другой скажет обязательно «нет». Только я воспарил, и тут как обухом по голове.

– А чего это мы должны ещё им жратву собирать? – возмутился отец, прикрыв ладонью трубку, – хотят детей везти, пусть созвонятся с родителями, организуют всё, как положено. Бардак какой-то. Какой у твоего тренера номер телефона? – повернулся он ко мне.

Я дрожал от отчаянья.

– Вот, возьми ключи, сынок, иди, мой хороший, – выручила меня мама. – А ты уймись, тебе здесь что, казарма?

Мама взяла у отца трубку, села в кресло в гостиной, закинула ногу на ногу, и протянула долгое «алл-о-о», будто на распевке. Иногда мне кажется, что когда-то они с подругой пели вместе в одном хоре, а потом их обоих выгнали оттуда, из-за отсутствия слуха, и вот они теперь и добирают, испытывая терпение и барабанные перепонки своих родственников.

– А, это ты, дорогая, привет! – радостно воскликнула мама и, махнув мне рукой, прикрыла дверь.

– Тьфу, заколебали! – топнул ногой отец.

Он пошёл на кухню, достал из холодильника бутылку пива, вставил бутылку в глаз, сорвал пробку, приложился, сделал несколько глотков и уже довольным голосом бросил мне:

– Ну, чего стоишь, гони, гони, вижу: пятки уже намазал. Давай, давай, чеши! Крути педали, пока не дали!

Так и не понимаю, как этот финт с бутылкой у него выходит.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Часы уже пробили одиннадцать, когда с рюкзаком за плечами я выскочил из подъезда, завернул за угол нашего дома, прошёл мимо обшарпанной гостиницы «Нистру» и побежал по гравийной дорожке парка к реке.

Возле парапета меня ждал Мишка с рюкзаком, набитым под завязку.

– Смотри, у меня вот что есть! – бросил я, подбегая, и разложил сапёрную лопатку, с усилием отжав от черенка лезвие, – вот!

Отступив на шаг, я присел, подняв лопатку над головой, – лезвие так и блеснуло на солнце.

– Попробуй, подойди, попробуй! – подпрыгнул я, вращая лопаткой.

– Эй, эй, осторожно, – сказал он, отступив к парапету, – да хватит тебе, р-размахался. Подумаешь, нашёл, чем удивить.

Мишка наклонился и неожиданно вытащил из рюкзака стальной цилиндр, похожий на грузик от настенных часов. С одного конца цилиндра свисала тонкая нить из пакли.

– Ух, йо, а что это, граната? – воскликнул я с восхищением.

– Типа того.

– Ну ты даёшь. А зачем она нам?

– Тупишь, да? Т-теперь, пусть только кто сунется, – Мишка потряс в руке цилиндр, и он сверкнул на солнце, как увеличительное стекло, вспыхнул остро и ярко.

– Блин, тебе же отец башку открутит, если узнает, что у тебя есть такая штуковина. А если кто в милицию настучит?

– Плевать, ты же не н-настучишь! А предку по барабану всё, ему главное залиться. Только бы Егор не разнюхал.

– Да-а, – протянул я понимающе.

Об его отце я уже как-то упомянул, но и с братом Мишке повезло не меньше. «Англичанин хренов! – кричал всегда Егор, если заставлял Мишку с учебником в руках. – Кому он нужен, этот твой английский, разве что тёлочка прикалывать, лучше занимайся боксом, как я, мы скоро всех хлюпиков, кто умняки лепит, вон, где держать будем, – подсовывал он Мишке под нос свой кулачище с набитыми костяшками пальцев. – Тьфу, соплежуй!», – сплёвывал он зло, когда тот вырывался и убежал на улицу. Да, Егор всегда дразнил Мишку и обзывал «соплежущим». А зря, уж кем-кем, а им Мишка не был. И ещё однажды мне Мишка рассказал, что как-то на зимних каникулах Егор с Колой заставляли его пить портвейн, схватили за шею и попытались залить вино в рот, и Егор при этом всё время повторял: «Будь, как все, будь как все». Но Мишка так больно укусил Егора за нос, а Колу так сильно треснул носком ботинка по голени, что те потом час выли, как белуги. Так что Мишке и с брательником тоже повезло.

Часто он делился со мной по секрету: «Вот в-вырасту и уеду в Сибирь, там на реках полно золота. Нашёл самородок и живи потом, как барон. Хочешь – лови рыбу,

хочешь – охоться. Никто тебя не достаёт. А захотел – продал самородок и поехал к друзьям в гости. Вот житуха так житуха».

Да, Мишка мне часто рассказывал о своих грандиозных планах, и я ему жутко завидовал, потому что мне и самому-то часто хотелось сбежать куда подальше.

– Тихо! К-кажется, кто-то идёт, – прижал палец к губам Мишка и неувлимым движением засунул цилиндр в рюкзак.

Мы замерли, но кроме жужжания бархатистого шмеля не доносилось ни звука, лёгкий ветерок едва колыхал ветви бузины на пригорке. От нечего делать я поднял валявшийся под ногами орех и запустил его изо всей силы в кусты. И в ту же секунду из-за них раздался отчаянный визг, а спустя мгновение вынырнул из зелени Фима – сторож, который охранял задний двор гостиницы. Он как раз возвращался с рыбалки. Мы всегда дразнили его за длинный нос, били мячом в сетку, которая отделяет гостиницу от проезда к нашему дому, поэтому у него были с нами свои счёты, и тут такое!

– Ах ты, сопляк! Ты что делаешь?! – заверещал он и, размахнувшись, швырнул в нас консервной банкой, и она пролетела буквально у меня перед носом, на миг только мелькнул перед глазами клубок червей.

Пригнувшись, мы ринулись прочь. Пробежав метров сто вдоль парапета, я налетел на двух мамаш, изнывающих от духоты под липами со своими чадами, чуть не сбил детскую коляску, и понёсся вперёд со скоростью света. Мишка далеко отстал, таща оба наших рюкзака и мою сапёрную лопатку.

– Тим, п-постой! Да остановись ты! – кричал он.

Но мне было не до того. Добежав до высоченного раскидистого каштана, за которым начинался спуск к реке, я остановился и, схватившись за живот, никак не мог отдышаться, и у меня всё время кололо под рёбрами.

Подбегая, Мишка швырнул мне рюкзак, мы перемахнули через парапет и быстро сбежали по тропинке к пещере.

– В-видел бы ты себя! – выдохнул он с шумом, когда мы остановились, и, присев на корточки, повторил несколько раз, – ну ты дал, ну ты дал! Врезал ему прямо между глаз.

– Что же делать? Что ж теперь делать?! – меня аж подбрасывало. – Фима точно настучит батю!

– Forget it, п-подумаешь, ну засветил ему разок, с кем не бывает.

– Тебе хорошо говорить, не тебя же будут распиливать!

Но Мишка выпрямился и, взглянув на меня искоса, вдруг сказал:

– Егор, хорёк, всё время ходил следом за мной, как приклеенный, всё вынюхивал, что да как. Особенно про тебя спрашивал.

– Про меня?! – меня подбросило ещё больше, – а чего про меня-то?!

– Что-то они з-задумали, Жосан их хорошо науськал против тебя, но ты не ссы, мы вместе, йес! – вскинул кулак Мишка.

Я невольно укусил себя за ладонь, лихорадочно соображая, какую ещё подлянку приготовил Жосан.

– Ну, ничего, я зря времени не терял, теперь эти п-пряники раньше вечера не выедут.

Я взглянул на него.

– Я Егору и Коле камеры проколол, гвоздиком чик, сделал парочку дырок, п-пусть теперь п-покатаются, – объяснил он.

И вновь непроизвольно я прикусил ладонь, представив, что теперь нас ждёт.

Неожиданно в двух шагах от меня треснула ветка, и из кустов, спотыкаясь, барахтаясь в ветвях, вывалился Хас. Он надел модные отцовские солнцезащитные очки «Рэйбан» и походил на Джеймса Бонда, но только карикатурного. Очки были ему не по размеру, и он их всё время поднимал пальцем к переносице.

– Вот, – выдохнул он, бросив на землю бордовую спортивную сумку с отражателями по бокам, как у машин.

– Ты что, на к-курорт собрался? – хмыкнул Мишка.

Но Хас с невозмутимым видом вытащил из сумки молоток типа небольшой кирки.

– Вот, – повторил он, – ледоруб. Батя в молодости альпинизмом занимался. Клёвая штука.

– Да-а, – протянул Мишка, вертя в руках ледоруб, – и лёгкий же, з-зараза.

– А что ты родакам сказал? – поинтересовался я.

– А-а, ничего, – махнул Хас рукой. – Оставил записку, что ухожу искать клад.

– Ты что, мозгами поехал! – возмутился я.

– Сам ты ... – вскинулся Хас.

На голове у него торчал хохолок, как у боевого петуха.

– Эй ты, остряк-самоучка, – вмешался Мишка, – ты что, хочешь, чтобы нас ещё в г-городе накрыли? Да твой папаша устроит такую облаву, что за нами целая армия ментов погонится!

– Чего прицепились?! На дачу они уехали. Маме нужен свежий воздух. Они же мне доверяют, не то, что вам, сосунки.

– Головань, выбирай выражения, а то я тебя сейчас умою, – шагнул я к нему.

И руки у меня, правда, очень чесались. Так и хотелось въехать в его самодовольную рожу. Слишком уж он иногда выставлялся.

– Л-ладно, Тим, кончай, – удержал меня Мишка, – пожрать-то хоть взял что-нибудь? – спросил он Хаса.

– Взял, – ухмыльнулся довольно Хас и вытащил из пакета палку сухой колбасы.

– Колбасник, – презрительно бросил Мишка.

Вскоре прибежал взмыленный Марио. За плечами у него был совсем допотопный, выгоревший рюкзак, в котором что-то звякало, как кнопки в жестяной коробке.

– Вот, у Фимы позычил, – кивнул он на штыковую лопату со сломанным черенком, выкрашенным красной краской, которую вертел в руках.

– Ты что, пожарный щит взломал?! – возмутился я.

– А чего там взламывать, поддел стамеской раму, и всё.

– Б-будет тебе и всё, – буркнул Мишка.

– Тьфу! – сплюнул я в сердцах. – Теперь Фима нас точно вложит.

Хас и Марио уставились на нас с Мишкой.

– Ладно, – махнул рукой тот, – отмажемся. Так, д-давайте прикинем, как поедем.

Мы обступили его, а он присел на корточки и начал рисовать прутиком на бурой земле:

– Вот река, мы сейчас на п-правом берегу. А вот аж где крепость.

Мишка прочертил две параллельные линии, обозначив речку, потом вверху нарисовал шахматную туру, изобразив крепость, чиркнул линию поперёк и сказал:

– Это типа мост, д-доедем на автобусе до крепости, обойдем её, чтобы в запретку не попасть, спустимся к реке, пару километров назад, а там и к кургану выйдем.

– Нас спалят, – возразил я, – кто-нибудь из Колыной шайки заметит на автовокзале или в городе.

– Или на родаков наткнёмся, – обронил Хас, почесав затылок.

И мы с Мишкой переглянулись, догадавшись, что про своих он всё наврал. Мишка с треском переломил прутик и отбросил его в кусты.

– Идём через сады, – предложил я. – На этом берегу есть лодочная станция, как раз напротив крепости, там возьмём лодку и переправимся.

– Что, так просто возьмём? – спросил Хас.

– Заплатим охраннику, он и даст лодку на сутки, я знаю, так делают иногда дачники.

– А д-далеко топать? – повернулся ко мне Мишка.

Я пожал плечами.

– Километров десять, наверное.

– Больше, – тихо обронил Хас.

Он снял очки и тёр вспотевшую переносицу. Мне показалось, что он как-то сник.

– Да, может и больше, – кивнул я.

Минуту Мишка задумчиво водил ладонью по земле, потом резко поднялся.

– Л-ладно, идём берегом, а то нарвёмся ещё. Выйдем к лодочной станции, переправимся, а там как повезёт, курган же недалеко от крепости, ведь так, Хас?

– Да, да, недалеко, так они говорили, – закивал Хас.

– Гульнём, пацаны! – потряс лопатой Марио.

– Ну что, г-готовы? – обвёл Мишка нас взглядом.

И мы с Марио радостно закивали. Хас надел очки и, насупившись, сметал пыль со своей сумки. Выглядел он подавленно.

Вдруг я почувствовал, как нервное возбуждение вновь стало охватывать меня.

– Тогда вперёд! – Мишка закинул себе на плечи рюкзак и начал взбираться по тропинке.

Мы с Марио поспешили за ним, а Хас уныло плёлся позади всех.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Миновав опустевший к полудню парк, мы обогнули заброшенные склады судоремонтного завода и зашагали по размытой дождями просёлочной дороге.

Солнце стояло в зените, листва ив и верб, которые росли у самой реки, поникла, задыхаясь в парном зное. До самого горизонта тянулся яблоневый сад. Всего несколько шагов в сторону, и ты уже под сенью яблонь, и наслаждайся их сладкими, сочными плодами, вон они висят, тяжёлые, налитые солнцем, бродящими соками долгого жаркого лета. Но нет, не тут-то было, того и гляди, нарвёшься на сторожа или вдруг из-за куста выпрыгнет серый зверь и, обнюхав воздух, ринется на тебя.

Об этих сторожах болтали всякое. Будто они стреляют без предупреждения. В июле одноклассник Мишкиного брата нарвался на такую неприятность и получил солью в одно место, до сих пор отмачивается, сидит на корыте.

И всё же опаснее были собаки этих сторожей: беспородные, тупые и безжалостные дворняги. Рассказывали, что они загрызли уже не одного мальчишку. А в августе они рыскали в садах совсем не привязанные.

Сентябрь – лучшее время для набегов: урожай собран, но на яблонях ещё много плодов, много их и под ногами, подбирай, сколько хочешь; вокруг тихо и пусто, никаких тебе страхов, только тени становятся резче да воздух разреженной, и пряный запах далёких костров разносится по всему саду резким, колким воспоминанием о промелькнувшем лете...

Мы шли парами: впереди Мишка с Марио, позади Хас и я. Шли, с опаской и интересом поглядывая на ровные просеки между рядами яблонь. В низине лениво несла свои воды река; вода была тихая, манила своей прохладой. Уже через полчаса мы так взмокли, что разделись и шли в одних плавках, лямки рюкзаков больно натирали плечи.

Мишка был в бейсболке, Хас и Марио, как пираты, повязали на головы банданы, а я шёл с непокрытой головой, забыл свою гоночную панаму из белого джинса.

До развилки было ещё полчаса хода, когда Марио вдруг сбросил рюкзак на землю и воскликнул:

– Эй, ребзя, давайте искупаемся, жара, сдохнуть можно!

Мы остановились неподалеку от баржи, которая стальными тросами была прикована к бетонным блокам на берегу. Весной здесь часто зоревали рыбаки. На рассвете, возвращаясь на гребную базу после тренировки, я видел, как из тумана выплывали их силуэты, и я всегда старался идти тихо, боясь спугнуть рыбу или зацепить лопастью весла за леску, и они всегда там сидели, как тени, застывшие, безмолвные, задумчиво глядящие на воду долгими часами в надежде поймать хоть одного карасика.

На этой барже когда-то перевозили щебень, а потом она, наверное, дала течь, и её не стали латать, а притащили буксиром и закрепили у самого берега. Как кашалот,

выброшенный океанским штормом, громоздилась она на песке; корма вздымалась над водой метров на пять, не меньше.

Я вспомнил, что в мае, когда Днестр разлился и течение под берегом было стремительное, однажды меня что-то толкнуло подойти к ней вплотную, и, упираясь руками, я даже обследовал её борт, а потом встал в байдарке в полный рост и заглядывал в щели в стыках между листами железа, из которых она была скроена, но кроме шуршащей темноты внутри ничего видно не было, а течение у борта затягивало байдарку под днище и пыталось меня вывернуть из неё.

Нос баржи лежал на отмели; во время разлива там было воды по пояс, но сейчас река обмелела, и широкий белый язык сухого песка тянулся от кустов дикого винограда до самого корпуса.

Чуть поодаль рос тополь, его кряжистый ствол, пятнистый, как шея жирафа, плавился в небесной синеве, тихо позвякивая мелким серебром листвы; несколько ив, застыв без движения в зыбком мареве, свесились над палубой.

– Может, правда, окунёмся, а? – окликнул я Мишку.

– Р-разморит, потом ноги передвигать не сможем, – откликнулся тот.

– А вот и нет, – заспорил Марио.

– Тебе-то что, блэки вон как в футбол по жаре гоняют, – поддел его Хас.

– Ты, ты, головастик, ещё раз обзовёшься, я тебе очки разобью.

– Не дотянешься, макака.

– Что-о?! Ах ты, Хаська вонючая!

– Брейк, брейк! – разнял их Мишка. – Л-ладно, разок окунёмся, – бросил он нехотя.

И минуто спустя, забыв всё на свете, мы с радостным визгом помчались к прибрежным ивам, скинули рюкзаки и с разбегу бросились в прохладную воду.

Вода была мутная и отдавала тиной. Мы отошли от баржи подальше и заплыли далеко, но сильное течение нас упорно сносило к ней.

Все кроме Хаса плавали хорошо, но он и не заходил глубоко, поплескался у берега и вылез из воды. Он сидел под ивой, бросая в нас гальку и ракушки, а мы

ныряли, увёртываясь. Особенно он хотел попасть в Марио, но Марио нырял, как летучая рыба – взлёт и нырок, взлёт и нырок, – и всё время он поддразнивал Хаса:

Хас вскакивал, бросал в Марио комья сухой земли, Марио с визгом нырял, потом это повторялось вновь.

Мы ещё поплавали, поныряли, но вскоре нам всё надоело, и мы выбрались на берег и растянулись на горячем песке рядом с Хасом.

– Кайф! – счастливо засмеялся Мишка, откидывая со лба мокрые волосы.

Я взглянул на него, потом откинул голову на скрещенные руки за головой, в животе разлилось приятное тепло, я улыбнулся своим мыслям и стал погружаться в сладкую дрему, прислушиваясь к голосам друзей. Они болтали об учителях, о том, что сборная Бразилии всё равно самая сильная команда в мире, а немцам явно подсуживают, о том, что в школу в этом году идти не хотелось. Не всем, конечно. Хас, так тот уже, наверняка, вызубрил все учебники. Они болтали и дурачились и совсем забыли о том, куда мы идём. В голове у меня будто хмель шумел, как было тогда, когда я хорошо глотнул пива из отцовского стакана, и всё куда-то плыло, плыло в мерцающих золотистых бликах.

Неожиданно Хас поднялся, подошёл к воде, потом повернулся и спросил с вызовом:

– А кто-то нырял с баржи?

– Ты что, чокнутый?! – вскинулся я, вынырнув мгновенно из дремы. – Там же на дне сваи могут торчать, прыгнешь – и всё, а пока водолазы выловят, рыбки тебя так покушают – даже мамочка не узнает. Ты же не хочешь, чтобы твоя мамочка потом плакала из-за тебя, ведь так?

Зря я это сказал тогда. И мать его я зря упомянул. Но не думал же я, что он такой обидчивый.

А этот чудак насупился, а потом и выдал:

– А спорим, я нырну.

Мы переглянулись.

От Хаса можно было ожидать чего угодно, ещё тот типок, я вам скажу. Когда в прошлом году зимой он вступился в раздевалке за парнишку из «4-Б», я даже сумку выронил от удивления.

Как-то после урока физкультуры наш класс переодевался вместе с четвероклассниками. Иногда случалось, что мы делили с ними спортзал, а после нас был урок у ребят из параллельного класса. А у них там король Жорка Избач, жестокий такой болгарин, с кустистыми бровями, подлый тип, надо сказать.

Так вот, этот Избач стал бить в раздевалке ногой по мячу и попал в Гришку Минаева, тихого блондинчика из «4-Б». Попал ему мячом прямо в лицо, у того аж слёзы из глаз брызнули. Ну, мы все притихли. Не то чтобы боялись этого Избача, просто не хотели с ним связываться. А ещё это было как раз тридцатого декабря – Новый год, каникулы и всё такое...

Но в этот момент наш Хас вдруг поднимает мяч, – а это был тяжёлый, оранжевый, весь покрытый пупырышками баскетбольный мяч, – и со всей дури, с ноги как запульнёт им в Избача, и вlepил ему мячом прямо в ухо, у того аж голова мотнулась. Ну, дальше началась свалка, тот бросился на Хаса, но Хас большой, его так просто не завалишь, а раздевалка маленькая, знаете эти тесные школьные раздевалки, по углам вешалки на железных стойках, скамейки вдоль стен да пару шкафчиков.

В общем, сцепились они намертво: Жорка прижал Хаса в угол, пытается ударить его кулаком под дых или коленом между ног, а Хас навалился на него, схватил за руки, и тот сделать ничего не может, смех, да и только. Еле мы их растащили, но этим всё не кончилось.

Условились они драться после уроков. Сколько мы не отговаривали Хаса, он не унимался, глаза эти его розовые налились кровью, прямо красные стали, честное слово.

Когда мы поняли, что Хаса уже не остановить, стали его тренировать, наперебой объясняли ему, что во время драки нужно следить за глазами противника и, главное, не подпускать его близко, использовать свой рост.

– Д-держи его на дистанции, – показывал ему Мишка.
– Главное, не дай себя свалить, – советовал Марио.
– Обуй кеды, у ботинок подошва скользкая, – учил его я.
– Угу, угу, – соглашался Хас, переминаясь с ноги на ногу, неповоротливый увалень, да и только.

Нам-то было ясно, чем всё кончится. Утешало только, что договорились драться до первой крови.

В общем, что говорить, это было ещё то зрелище. Когда мы пришли, на берегу уже собралась толпа: здесь были и малыши, и Кола с друзьями, и даже выпускники прошлых лет.

Падал тихий снег, берег весь был покрыт ледяной коркой, и лёд уходил далеко в реку, но было довольно тепло, около нуля, наверное, изо рта валил пар, снежинки медленно кружились в воздухе и моментально таяли на щеках; все зрители сгрудились на пригорке, а бойцы спустились к реке.

С Хасом секундантом пошел Мишка, а с Жоркой – Вовка Мазур, ещё один шныра из параллельного класса, всё время отбирал у малышей мелочь.

Я заметил, что Хас был в кедах, и это слегка обнадежило. Все настраивались на долгое представление, но закончилось всё так быстро, что никто даже охнуть не успел.

Противники сблизилась с поднятыми по-боксёрски руками, а потом вместо того, чтобы драться, стали вдруг о чём-то болтать. Хас опустил руки, и в этот момент Жорка вдруг подпрыгнул и зарядил ему прямо в нос, тот от неожиданности попятился, споткнулся, упал навзничь, попытался подняться, неуклюже барахтаясь, но Избач уже налетел на него, запрыгнул сверху и начал молотить со всей дури. Вскоре у Хаса всё лицо было залито кровью, даже снег окрасился ею, подскочили Мазур и Мишка и еле оттащили Жорку, он совсем взбесился и кричал с пеной у рта:

– Ты, сука, ещё только попадись мне, я тебе кадык вырву. Чучело головастое!

Что там случилось, почему Хас опустил руки и даже не пытался защищаться, он так и не сказал. Он только сидел тогда на берегу и горько плакал, размазывая

снегом кровь по лицу – от обиды и своей глупости, наверное, и ещё от несправедливости. А может, и нет. Кто знает, кто знает... Мы его не утешали, зачем? Всё было и так ясно с самого начала.

Мы сидели рядом и бросали камешки по льду, они скользили, а потом прыгали ещё несколько раз на воде. Лучше всего это получалось у Марио. Да, а на Хаса мы не смотрели даже – сам виноват. Чего дёргаться, если драться не умеешь? Но с тех пор всем стало ясно, что он немного вольтанутый. Поэтому, когда он заявил, что хочет прыгнуть с баржи, мы сразу поняли, что он не шутит.

Хас взглянул на баржу, потом на нас, и, хлопнув себя по толстым ляжкам, хохотнул довольно:

– Что, Марио, струсил?

– Тринди, тринди, свистун, а вот я на раз прыгну, спорим? – вскочил Марио и встал с ним рядом.

Смешно они выглядели: один – белый, как сметана, увалень-альбинос в солнцезащитных очках, другой – крепыш, со смуглой до синевы кожей.

– А что, может, проверим, или слабо? – поддел его Хас.

– Эй, а ну кончайте! – крикнул им Мишка.

– Мишка, слушай, – подскочил к нему Марио, глаза-сливы его блестели. – Давай посмотрим, хоть одним глазком, как там на барже. Ну, давай, – потянул он Мишку за руку.

– Тьфу, – сплюнул Мишка, – ну, идём.

Первым взобрался на баржу Марио. Он подпрыгнул, уцепился за борт, подтянулся на руках, и через мгновение мы услышали крик и топот на палубе:

– Ой, блин, накалилось, как на сковородке! Вот здесь ничего, – слышался его голос чуть дальше, где ивы нависали над баржей.

Мы с Мишкой втащили Хаса и стали взбираться на корму; подъём становился всё круче, и пока мы вскарабкались, я ободрал себе колено. Первым свесился с борта Мишка и восхищённо воскликнул:

– Ух ты, ну и в-высотища!

Высота была не меньше двух этажей, это уж точно. Когда я дополз и посмотрел вниз, у меня закружилась голова. Течение бурлило под днищем, с шумом разбиваясь о стальной трос, натянутый, как струна.

– Вот это да! – воскликнул Марио. – Смотрите, вон наши дома!

В нескольких километрах высились на берегу наши девятиэтажки, за ними виднелось смотровое колесо, а на противоположном берегу длинной жёлтой полоской протянулся пляж, откуда доносились крики и смех отдыхающих, их фигурки были хорошо видны.

С лодочной станции доносились обрывки музыки, пел хрипловатый мужской голос, и мне казалось, что он поёт о том, что уже с нами было, и о том, что повторится вновь, и о том, что никогда не случится или будет совсем не так, как хотелось когда-то...

По реке носились с рёвом моторные лодки и катера, сновали буксиры в районе порта, вдалеке у гребной базы показался караван лодок, блеснула на солнце лопасть весла, потом вновь...

Я перевернулся на спину и упёрся ступнями о гнутые скобы, приваренные к крышке люка, ноги дрожали, спина чесалась и зудела. Через пару километров река делала поворот, а чуть ближе виднелась развилка, с автозаправкой и магазином.

– Высоти-ища! – восторженно протянул Марио.

Я посмотрел вниз по скату, голова закружилась, в глазах запрыгали красные точки, волосы у меня были сухие и жёсткие, как горячий ворс.

– Никто не прыгнет, – глухо прозвучал голос Хаса, – а я прыгну.

И по тому, как он это произнёс, я понял, что Хас это сделает. А ещё я животом почувствовал, что есть у него в этой затее своя цель, во всей этой аванюре, в которую мы вляпались. Что-то парень решил доказать, иначе чего он так старается, из кожи вон лезет... Но я отмахнулся, – было не до предчувствий, – и всё думал, как буду теперь спускаться, чувствуя накатывающую тошноту. Я уже стал ощупывать ногой опору, когда вдруг послышался возглас Марио, крики Хаса и Мишки. Я

вскинул голову и заметил, как в воздухе мелькнули жёлтые пятки Марио – дотюкал-таки его Хас.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

И вот мы уже свесились с борта, всматриваясь в кипящую внизу воду, где трос рассекал течение и мутный поток закручивался в спираль с тугим и гулким шипением.

– Вот чудило, вот чудило, – бормотал ошалело Хас.

Мишка шлёпнул его ладонью по затылку.

– П-придурок, из-за тебя всё. Вниз, быстро!

Несколько секунд – и мы уже были на палубе, метнулись к левому борту – на поверхности воды Марио не было. Мы звали его, бегали по раскалённой палубе, обжигая ступни, – в ответ ни звука.

– Под днище затянуло, – предположил я, сглотнув вязкую слюну.

– У-у, козёл! – замахнулся Мишка на Хаса.

Тот едва сдерживался, чтобы не разреветься.

– Я же пошутил, я же пошутил... Что же теперь с нами будет? – повторял он снова и снова.

– Т-теперь ты будешь сидеть в колонии. Мы с-скажем, что это ты столкнул его, – с нажимом произнёс Мишка.

– Я не виноват, он с-сам прыгнул. Ты же знаешь, он к-крэйзи, – от волнения Хас стал сам заикаться.

– Да заткнись ты, крэйзи! – гаркнул я на него.

Вдруг он тихо стал подвывать, слёзы текли по его мокрому лицу.

Мишка, заглядывая через борт, бросил мне вполоборота:

– М-может, его течением отнесло?

Я не ответил, внутри всё стянуло липким тягучим клеем. Я уже представил, как найдут посиневший труп Марио, вытащат его на берег, как санитары с пустыми

лицами будут суетиться вокруг, как нас будет допрашивать полиция. Я представил, как мать Марио будет смотреть мне в глаза, и кровь ярости бросилась мне в голову.

– Ты, ты виноват, головастик! Ты всегда его ненавидел за то, что он у тебя в карты выигрывал! А ты деньги у отца тырил, я знаю, я знаю это!

Я кричал ему обидное, дикое, несуразное, нелепо размахивал руками.

– Ты сам debil, тупой debil, полукровка, абрек чокнутый, – услышал я, точнее, понял по губам Хаса.

Дальше всё происходило, как в тумане. Я бросился на него, – всё, что накопело за последние недели, вырвалось в бешеной ярости. Я прыгнул ему в ноги, потянул на себя, и Хас грохнулся навзничь, ударившись затылком о палубу. Но я успел его двинуть только раз, всего один раз зацепил челюсть.

Он почти не сопротивлялся и всё время повторял:

– Ты что, Тим, ты что?!

Жёлтая сетка плясала у меня перед глазами, я замахнулся, чтобы вновь нанести удар, но на плечи мне навалился Мишка и начал оттаскивать от Хаса.

– П-придурки, что вы делаете, что вы делаете?! Надо искать Марио, надо искать Марио! – восклицал он.

Оттащив меня, он присел на корточки, схватился руками за голову и стал всхлипывать:

– П-придурки, какие же вы придурки...

Раскалённая палуба обжигала, но мы почти не ощущали этого. Всё было кончено. Наша свобода кончилась. И в тот момент, когда рыдания вот-вот готовы были прорваться из меня, с берега донёсся пронзительный яркий свист.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Мгновение – и, перемахнув через борт, мы с Мишкой уже мчались к тополям, под которыми стоял Марио.

– Га-га-га, – гоготал он, – ну вы даёте, ну, пацаны, вы даёте, обалдеть!

– Ах ты, гад! Счас ты у меня п-посмеёшься, – гонялся Мишка за Марио, но тот ловко уворачивался: Марио вокруг тополя – Мишка за ним, Марио между ивами – Мишка за ним. Вскоре оба свалились без сил.

И тут приплёлся Хас. Он сел в сторонке и стал обуваться. Помучился, наверное, пока спустился с баржи. Ярость ещё клокотала во мне, и обида не давала покоя, но вскоре я уже забыл о нашей стычке.

В тринадцать лет жизнь ещё не так тяжела, как двадцать или тридцать лет спустя, ещё не давит так атмосферный столб, ещё нет усталости, ещё нет замыленного прошлого, будущее ещё не ясно. Есть только настоящее, только настоящее.

Иногда, когда мне рассказывают на сеансах терапии, что нужно жить настоящим, что нужно избавиться от фантомов и теней прошлого, что нужно принять жизнь, а не покоряться фантазиям, что нужно обуздать воображение, иначе я так и останусь утопленным в шлак своих нереализованных желаний... Иногда, когда мне говорит это Василий Жосан, Василий Петрович Жосан, молодой гладкий хлыщ, с обгрызенными ногтями и косящим левым глазом, мне хочется плюнуть ему в лицо и крикнуть: «Да что вы мне тут лапшу вешаете, я что вам, придурок!? Идите вы все...» Но я молчу, я понимаю, что лучше мне этого не делать. Слишком холодно потом лежать в розовой комнате с зеркалами и маленьким круглым окошком на потолке, слишком холодно, и затекают за спиной связанные руки.

Когда он мне пытается что-то такое сказать про моё улучшающееся самочувствие – я молчу. Но мне очень хочется ему крикнуть, что клал я на его процедуры, что я вовсе не болен, что я здоровее его в миллион раз, но только этот гад так подло улыбается, что я понимаю: он-то мне уже никогда не поверит. Никогда. И я тогда радуюсь тому, что он хоть даёт мне карандаш с тупым грифелем и разрешает писать, потому что это для меня единственная

радость в этом доме с тихими, пришибленными чудиками. Это для меня единственная радость, единственная надежда...

– Там течение, а я лёгкий, вот меня и снесло, – возбуждённо рассказывал Марио.

– П-перетрухал, небось, – Мишка пригнулся, чтобы поправить лямку рюкзака, а Хас, который шёл следом, налетел на него.

– Да сними ты эти очки, Джеймс Бонд чёртов! – оттолкнул Мишка Хаса.

Но тот поправил очки на переносице и потопал дальше.

– Да нет, не успел, – засмеялся Марио, посторонившись, чтобы пропустить Хаса. – Меня как понесло, когда вынырнул, а потом раз – и встал на ноги. Ну, вылез я тихонько, спрятался и смотрю, как вы там гоняете. Вот умора!

– П-помолчал бы лучше. Один уже посмеялся, – кивнул Мишка на Хаса, затем крикнул мне, – эй, Тим, догоняй!

Я присел, чтобы переобуть кроссовок, в который набился песок, наблюдая, как они, шагая гуськом, удаляются по просёлку. Неожиданно из оврага, поросшего густым кустарником, вылетела необычная птица, перелетела через дорогу и села на ветку ивы, которая росла у самой воды. Ветка закачалась под её тяжестью, и вдруг птица открыла хохолок веером. Я хотел окликнуть ребят, чтобы они посмотрели на это маленькое чудо, но передумал, и мысли мои потекли в другом направлении.

...В то утро я поднялся ещё до рассвета, на улице было зябко и ветрено. Когда я прибежал на гребную базу, эллинги были ещё закрыты. Побродив немного между стойками для лодок, я решил спуститься к бону, сбежал по бетонной дорожке вниз, потом обогнул высоченный тополь и остановился, – на боне прямо у воды кто-то сидел. Я приблизился и узнал Леру, мне показалось, что глаза у неё заплаканы.

– Привет, ты чего тут делаешь в такую рань? – спросил я и почувствовал, как застучало сердце. – Ты что, плачешь?

– Вот ещё, придумал тоже.

Но глаза у неё были красные, я-то был не слепой, пусть, думаю, говорит, что хочет, а меня не проведёшь. Честно скажу, меня всё это несколько озадачило.

– Ты что, следишь за мной? – вскинулась она неожиданно, потом поднялась, прошла мимо, даже не взглянув на меня, и стала подниматься по трапу к эллингам.

– Нужна ты мне больно, вот ещё, – бросил я ей в спину.

Она даже не обернулась.

В то утро я спустился к бону последним, подождал, пока все уйдут вниз по течению, и потом быстро пересёк реку.

Было тихо, от воды поднимался пар, волна с глухим шипением билась о высокий берег. Над горизонтом висел золотисто-оранжевый шар; лопасть весла легко рассекала блики на воде, кожа под футболкой горела, я шёл против течения спокойным, размеренным ходом. Я ни о чём не думал. Мысли куда-то улетели, растворились, исчезли. В голове растекалась приятная легкость и пустота.

Неожиданно я услышал сзади плеск и шум гребков. Я оглянулся. Это была она, Лерка, между нами было метров двадцать, не больше. Я ускорился, перешёл на длинный, плотный гребок, налегая всем корпусом на весло. Она отстала, но не намного и, когда я приблизился к лагуне, в которой тренировался, была совсем недалеко от меня.

Я остановился и, поставив весло на баланс, смотрел, как она приближается.

– Ну, чего остановился? – крикнула Лерка, подплывая. – Хочешь, давай погоняемся? Или ты испугался?

– Тебя, что ли?

В горле у меня было сухо, щёки горели.

Я наклонился и проскочил под веткой ивы, которая стелилась почти по самой воде. С шумом байдарка проскользнула в сумрачную заводь, Лера последовала за мной.

Сквозь прозрачный шатёр листвы пробивалось солнце, и его огненные снопы падали на заводь, от воды поднимался пар, пар клубился между деревьями, но солнечный свет всё прибывал, прибывал, и стволы деревьев окрашивались багряным

золотом, и снопы падали, пробиваясь сквозь влажный зелёный сумрак, и отражались от воды так ярко, что нужно было зажмуриться, чтобы не ослепнуть от этого блеска.

Стояла такая тишь, что слышно было, как с весла падают капли. Гомон птиц смолк, когда мы проникли в заводь, но теперь по две, по три, они вновь запевали.

Я посмотрел на Леру, она улыбалась.

– Ты чего? – спросил я её.

– Взъерошенный ты какой-то.

– Сама ты... – слова застряли у меня в горле, потому что в этот момент птица с хохолком-веером вспорхнула с ветки и села на другую, в метре от Леры. Лера медленно положила весло на деку байдарки и приложила палец к губам, я кивнул.

– Красивая какая, – прошептала Лера.

– Да-а... – протянул я.

Впервые я видел удода. И он тоже смотрел на нас с удивлением. Глаз-бусинка подрагивал в тёплом веке; он сидел настолько близко, что можно было его рассмотреть: лёгкий, утренний ветерок ерошил рыжие перья его сложенного хохла и розоватые перья на брюшке, и он суетливо поводил из стороны в сторону длинным, слегка загнутым книзу тонким клювом.

– Поймай его, поймай, ну же, давай, Лерка, давай! – громко зашептал я.

Но она и не думала меня слушать.

– Совсем как ручной, – услышал я звук её голоса, который унёс порыв ветра.

– Смотри, смотри, он сейчас улетит, – я не выдержал и дёрнулся в лодке так, что чуть не вывернулся – хорошо, что вовремя поставил весло на баланс.

В тот же миг сильный порыв ветра прошёлся по деревьям, посыпались на воду соринки, веточки, клейкие листочки, птица вспорхнула и, часто-часто взмахивая широкими крыльями, улетела. А ещё через минуту мы слышали из прибрежной чащи крик: «Уп-уп-п... Уп-уп-п». Мы сидели в байдарках, как зачарованные.

– Говорил же, хватай! – воскликнул я в сердцах.

– И что потом?

– Дома иметь такое чудо, представляешь!

– Птица должна жить на свободе. Я однажды подобрала и принесла домой выпавшего из гнезда птенца, а потом он умер.

– Так то птенец.

– А если это мама, и у неё птенцы, что тогда? Они должны погибнуть, потому что ты захотел новую игрушку, так, что ли?

– Да ну тебя, правильная ты такая, гоняться будешь?

– Что-то не хочется.

– Как знаешь, а я ускорюсь разок.

Развернувшись, я встал на старт, потом набрал полные лёгкие воздуха, воткнул весло в воду, рванул его на себя, лодка подпрыгнула подо мной, а я, задержав дыхание, всё вкапывал, вкапывал, вкапывал, ветер шумел в ушах. Не долетев до конца заводи нескольких метров, я резко притабил и развернул байдарку.

– Чемпион! – крикнула она.

Я сильно запыхался, но старался не показывать этого и, подплывая к ней, спросил:

– Слушай, а чего ты ревела там утром, на боне?

– Тебе показалось, не было такого.

– Как хочешь, можешь не говорить.

Мы стояли рядом, раскачиваясь на волнах, катящихся от топкого берега, которые нагнала моя байдарка. Внезапно мне захотелось ей сказать что-то хорошее, что-то такое, отчего бы она улыбнулась, рассмеялась, и я всё силился придумать нужные слова, а они не приходили мне на ум; я как онемел. И ещё она так странно на меня смотрела: растрёпанная, в зелёной футболке, глаза сияют... Я хотел ей сказать всё, рассказать, как я всегда подсматриваю за ней из окна, когда она возвращается из школы; или когда спускается из эллинга на воду, или когда гуляет с братом по набережной, или когда она выходит на балкон и помогает бабушке вешать бельё. Я хотел ей рассказать всё, и горячая волна подкатывала к горлу, неся с собой поток всех этих слов, но изо рта у меня вырвалось совсем другое:

– Пора возвращаться.

– Да, да, конечно.

На гребную базу мы вернулись каждый своим ходом. И почему-то я больше не ходил в эту лагуну и ругал себя, и злился. И мы с ней, как и прежде, просто перекидывались обычными фразами при встрече: «Привет, – привет». И всё.

Тогда, наверное, всё и началось, и длилось почти всё лето, но потом в начале августа в наш двор приехал Жосан, и всё испортилось. Он тёрся всё время возле неё, плёл, наверное, всякое, играл на гитаре, блял своим гнусавым голосом, и я видел, как она на него смотрела, и мучался, не спал ночами, ругал себя за свою немоту, ругал себя, и не находил места, но потом это всё улеглось, как ветер в поле, и стало легче. Да, стало легче.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

У развилки, при въезде в город, находился продуктовый магазин с вывеской, на которой девушка в национальном костюме улыбалась во весь рот, подняв к лицу гроздь винограда. Стены магазина были недавно оштукатурены, дверь открывалась легко и ещё пахла свежей краской, внутри тоже пахло краской, но всё перебивал запах свежего хлеба, который только что привезли, и продавщица наблюдала, как грузчик выкладывал батоны из деревянных контейнеров на высокие стеллажи.

У прилавка стоял высокий бородатый мужчина, с рюкзаком за плечами. Он, как и мы, был в шортах и вылинявшей футболке; его сандалии стояли рядом, и он смешно потирал одной ступнёй о другую.

Когда мы с Мишкой вошли, он обернулся, скользнул по нам странным, блуждающим взглядом и спросил:

– Мальцы, подскажите, где здесь автобусная остановка?

– Как выйдете, направо, за бензоколонкой как раз остановка, – ответил я.

– А-а, спасибо, – кивнул мне мужик и позвал продавщицу, которая своим пышным телом загораживала проход, и мешала худому, как жердь, грузчику заносить хлеб, – эй, сердешная!

Но та даже ухом не повела. Тогда он позвал громче:

– Хозяйка! Дайте воды напиться!

– Вы что, не видите, я товар принимаю, – невозмутимо бросила она через плечо.

Мужик подмигнул нам и вдруг запричитал:

– Подайте сиротинушке, страдальцу бедному, подайте водицы, матушка-настоятельница.

Мы прыснули, грузчик усмехнулся, а продавщица даже рот открыла от изумления. Но слова на неё подействовали.

– Чего вам? – спросила она, подходя.

– Стаканчик минералки налейте, душа совсем измаялась.

– И откуда вы такие берётесь, рядом вон с вами дети. А вы ведёте себя, как бог знает кто. А ещё отец называется.

От этих слов чудак почему-то совсем развеселился. Он хлопнул себя по ляжкам и рассмеялся. Не рассмеялся, а захохотал:

– Папа, папа! – захлёбывался он смехом.

Продавщица раздражённо поставила стеклянную бутылку «Куяльника» на прилавок, заученным движением открыла её, и вода с шипением вырвалась такой струёй, что забрызгала ей халат.

– Папа! – продолжал хохотать бородатый, он уже не смеялся, а рыдал.

– Ненормальный какой-то, – буркнула продавщица. – Если пьёте в такую жару, закусывать надо, – грохнула она стаканом о прилавок.

– Мария! – позвал грузчик. – Иди, в накладной распишись.

Продавщица удалилась, выпятив подбородок. Мужик одним глотком опрокинул стакан, бросил несколько блестящих монет на прилавок, взглянул на нас внимательней и вдруг спросил:

– Куда путь держите, мальцы? Клады ищете?

– Не-е, – замотали мы головами.

– С чего это вы взяли, дяденька? Мы просто тут гуляем, – выпалил Мишка без запинки.

– Ну-ну, а до микрорайона сколько ехать, не знаете? – поинтересовался он.

– Да, тут рядом совсем, – сказал я.

– Ну-ну, – проговорил он задумчиво и ещё раз оглядел нас с ног до головы.

Неожиданно он вытащил из кармана матово поблескивающий портсигар, открыл его и отсыпал себе на ладонь немного мелкого, золотистого песка.

– На, держи, – протянул он ладонь Мишке.

Золотые крупинки мерцали на ладони ярким солнечным блеском, нам казалось это волшебством. Продавщица стояла вновь у прилавка, смотрела на нас во все глаза и повторяла: «Ненормальный какой-то, точно ненормальный...»

– Держи, держи, не бойся. Зажми в кулаке, держи крепко, у тебя в руке сейчас много жизни, помни это, много жизни.

И он ушёл, не сказав больше ни слова.

Хлопнула входная дверь, мы с Мишкой выскочили следом, но он как испарился.

Тихо покачивались ветви акации у входа в магазин, неподалёку раздался звук отъезжающего автобуса.

– Мишка, Мишка, что это было? – пробормотал я.

– Бежим, б-бежим скорее.

Мы рванули к шелковице на обочине дороги, где нас поджидали Хас и Марио.

– Ну, что, купили воду? – спросил Хас.

– Вот, смотри, – протянул ему ладонь Мишка.

– Что это? – спросил Марио, пытаясь заглянуть через плечо Хаса. – Золото? Откуда? – изумлённо прошептал он.

– П-потом расскажем, валим отсюда быстро, – бросил ему Мишка.

Но Марио надулся, уселся под шелковицей и демонстративно засвистел, всем своим видом показывая, что уж он-то никуда не торопится.

Честно говоря, тяга Марио к кладоискательству иногда зашкаливала. Часто он сам рисовал карты на клочках бумаги, потом в одиночку рылся в развалинах на набережной, иногда находил там что-нибудь полезное типа печной заслонки, глобуса

или ствола от охотничьего ружья, но чаще это была какая-то уж совсем незначительная мелочёвка.

Надо было видеть, как Марио, и так от рождения чумазый, а от сажи и копоти дымоходов становившийся совсем как трубочист, притаскивал шкатулку с облупленной краской, как он прыгал, пытаясь её открыть, чуть ли не зубами, обламывая ногти, топча её пяткой, стуча по ней молотком, потом, наконец, вскрывал её с помощью стамески и под наши смешки находил там кнопки или катушки с нитками, но иногда и пуговицы, – а это уже было богатство, потому что на пуговицы мы часто играли в карты.

Марио жаждал золота, это была его мания, и когда он увидел у Мишки на ладони золотой песок, то даже посерел и стал похож на грустного мопса. В этом была насмешка, несправедливость жизни – кому-то всё, а кому-то дырка от бублика.

Мы с Мишкой переглянулись, он пожал плечами.

В этот момент слегка подул ветер, затрепетала листва, и несколько свернувшихся от зноя, буро-жёлтых листьев, медленно планируя, упали на шоссе и, чиркнув об асфальт, улетели на обочину. Духота усилилась, но мы совсем забыли о том, что хотели пить.

– Стоп. В-вспомнил, – хлопнул вдруг себя по лбу Мишка. – Это же Леркин батя.

– Что-о? – протянул я удивлённо.

Марио, прикидываясь, что ему всё равно, стал насвистывать ещё громче.

– Точно, это он, я в-видел его на фотке.

– Где? На какой фотке? – удивлённо спросил я, голос меня не слушался.

– Она сама показывала мне альбом с фотографиями у себя дома!

– Ты бывал у неё дома? – тихо произнёс я.

– Да, а что?

Мишка расстегнул застёжку бокового клапана на рюкзаке, достал пустую коробку из-под обувного крема и невозмутимо ссыпал туда золотой песок.

– Её отец же где-то в Турции, – заметил Хас.

– Вернулся, наверное, – обронил Марио, подходя.

«Что-то тут не так», – подумал я и попытался вспомнить лицо этого мужика, и оно мне показалось действительно знакомым, чем-то неуловимо напоминающем лицо Леры. Но мужик был лысый, с бородой, старый, как дед. И всё же что-то говорило, что Мишка прав. Но тогда почему мы его никогда раньше не видели? Во всём этом была тайна.

Я стал вспоминать, что слышал об их семье, но это меня ещё больше запутало, что-то не складывалось. А главное, чего это он вдруг нам отсыпал золота, и как он может вот так разгуливать с золотом, да его могут в два счёта накрыть, тот же Шеф со своей шпаной, например. Странное волнение вдруг охватило меня. Но сейчас не было времени разбираться с этим всем, и я сказал, берясь за рюкзак:

– Слушайте, надо торопиться, смотрите, где солнце уже.

– Пить хочется, – уныло произнёс Хас.

– Здесь недалеко родники, – ободрил я его, вскинув рюкзак на плечо.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Быстрым шагом мы обогнули бетонную стелу, на которой бронзовыми буквами было выбито название нашего городка, и вновь повернули к реке. Мы шли по тропинке, петляющей между валунами, изредка поглядывая из-под ладони на солнце, которое уже зависло над противоположным лесистым берегом, касаясь его своим пламенеющим диском.

Ласточки летали над водой, почти задевая её крыльями, и то и дело с протяжным цвирканьем ныряли в норки, под самый карниз обрыва, в тени которого мы двигались.

Ветер налетал горячими порывами, а потом затихал в прибрежных зарослях. Небо нависало, как отполированный лист стали; давление усилилось, отдаваясь пульсацией крови в висках и растекаясь жидким маревом над просёлком.

У водокачки мы рухнули на красно-коричневую, выгоревшую траву; короткие пожухлые стебли царапали потную спину, а тут ещё налетели мухи. Но больше всего нас донимали оводы, они злобно гудели, и я всякий раз вздрагивал, когда вдруг слышал такое гудение над головой.

В ложбине между просёлком и рекой на заболоченной луговине паслись коровы, – вокруг них и носилась целая туча мух, слепней и оводов. Коровы смотрели на нас грустными глазами и задумчиво хрустели травой, пуская слюни, а пастух щёлкал длинным бичом, изредка покрикивая на них: «Гай-да, гай-да! Репеде!»

Коровы мычали, переходили с места на место, скользя копытами в топкой поросли у берега, а некоторые даже взобрались на просёлок и не хотели уходить оттуда.

– Ну, где твои родники? – спросил Хас, ловя ртом горячий воздух.

Я поднялся и, пошатываясь, пошёл к реке.

Недалеко от водокачки – каменного бокса, из которого выходили алюминиевые трубы, качавшие воду из реки для полива, из-под мелкой гальки били родники.

Опустившись на колени, я стал пить ледяную сладковатую воду, от холода у меня даже заныли зубы. Я забыл о товарищах и всё пил и пил, потом окунул лицо, и дрожь пробежала по телу, когда тоненькая струйка потекла по спине, – я охнул, вскочил и, фыркая, начал трясти головой.

– Эй, идите сюда! – позвал я.

Первым подошёл Марио, за ним Мишка; они одновременно припали к прозрачному блюдцу, в котором пульсировал родник, и, спеша напиться, стукнулись лбами.

Хас терпеливо ждал в стороне, вид у него был жалкий. Когда Мишка и Марио напились и растянулись в блаженстве на песке, у кромки берега, подошла очередь Хаса. Он сразу окунулся в родник с головой, а когда отвалился от источника, довольно улыбнулся. На дальнем берегу, прямо напротив нас мальчишки купали лошадей, слышались их голоса, ржание. Мы с восхищением наблюдали, как ловко и смело они обращались с этими крупными, грациозными животными.

– Ах ты, холера, я вот тебя! – вновь щёлкнул за спиной бич.

Пастух в клетчатой кепке отгонял корову, которой, видимо, тоже захотелось напиться из родника, но она упиралась, мычала и не хотела вновь идти к стаду.

Тогда он потащил её за верёвку на шее, но та ни в какую, и вдруг верёвка оборвалась, и корова понеслась на нас.

– Бык! – крикнул Марио.

Все бросились врассыпную. Все, кроме меня.

– Ти-и-м!!! – услышал я ещё пронзительный возглас Мишки.

Но через мгновение перед собой я вдруг увидел нависающую слюнявую морду, раздувающиеся ноздри, рога, отливающие оловом; я почувствовал, как горячей медью забило дыхание, сдавило под самое солнечное сплетение, как тонкие иглы прошли низ живота, но хуже всего было то, что ноги у меня одеревенели, я не мог сдвинуться с места, я просто окаменел.

«Конец», – жахнула мысль, как огонь из хлопушки, в голове зазвенела пустота, и я увидел, как сквозь увеличительное стекло: трепещущие ноздри быка, клещей, которые застряли в его шкуре, жёлтую слюну, которая стекала у него по губам, ещё я успел заметить краем глаза летящий сбоку сверкающий цилиндр, яркую вспышку, потом что-то грохнуло, меня отбросило в сторону горячим порывом ветра, мотнулась морда с рогами, и гудящая темнота обрушилась и засыпала меня отвалом багровой земли.

Очнулся я оттого, что кто-то бил меня по щекам.

– Эй, малый, ты жив? – услышал я сквозь пурпурную пелену.

Небритое лицо пастуха заслонило надо мной небо. Он положил свою мокрую кепку прямо мне на голову.

– Солнечный удар, наверное, – издалека прозвучал голос Хаса.

– Д-давайте отнесём его в тень, – предложил Мишка.

Не помню уже, сколько я пролежал под вербами, может, полчаса, а может, меньше, но я ещё долго не мог прийти в себя, меня знобило, во рту пересохло,

подрагивали руки и ноги, в голове мутилось, и всё плыло вокруг в нескончаемом хороводе.

Но спустя какое-то время я оклемался. Пастух нас ни о чём особо не расспрашивал, ему не до того было. Он ещё долго собирал коров, которые разбрелись по берегу, а потом погнал стадо на пойменный луг, что тянулся в низине. Марио даже выклянчил у него пару сигарет. Мишка намочил бейсболку и, не выжимая её, как это сделал пастух, нахлобучил мне на голову. Себе он повязал майку, сделав что-то вроде тюрбана, которые носят бедуины. Выглядел он клёво, не то что я, но вскоре я поднялся, и мы двинулись дальше.

Вскарабкавшись из ложбины на просёлок, мы обогнули выступ берегового откоса и вновь вышли на открытое пространство, где до самого горизонта расстилались яблоневые сады.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Солнце уже клонилось к горизонту, когда мы остановились на привал:

– Если не успеем до заката переправиться, придётся заночевать на этом берегу, – сказал я.

– Нет, надо с-сегодня переправиться, – взглянул на меня Мишка.

Лицо его было серьёзно.

– Этого хомья наверняка уже ищут, – кивнул он в сторону Хаса. – С-соврал, что родители уехали, да, Хасюра?

– Миха, ты чего, я что – больной? – отозвался Хас, который переобувал кроссовки.

– Да врёт он, – повернулся к нам Марио. – Отдувайся потом за него, лошака. А может, он вообще нам про клад наврал. А, Хас, чего замолк?

Хас густо покраснел и запустил в Марио кроссовкой, но тот увернулся и рассмеялся:

– Мазила.

– Нет, там что-то может быть, – заметил я между прочим.

– А ты откуда знаешь? – удивился Хас.

Он так и застыл с другой кроссовкою в руке.

– Слышал, как отец с братом спорили об этом кладе.

– Так это правда? – подскочил ко мне Марио.

– Что правда? – отчего-то вдруг разозлился я.

– Ну, что там сокровища и всё такое?

– Не знаю, отец уверен, что захоронение где-то есть, ему сослуживец рассказывал, но брат говорит, что это туфта, слухи.

– Во даёт, а чего же ты молчал? – нервно спросил Хас.

– Тебя проверял, – произнёс я с вызовом.

– А про курган, про курган они говорили? – Хас так и впился в меня взглядом.

– Нет, ничего, – соврал я.

Внутренний голос мне вдруг шепнул: «Молчи». И я смолчал. Будь что будет, решил я.

– Да, Т-тим, а ты не прост, – шлёпнул меня по спине Мишка, – и Лерка всегда говорила: «Тим скрытный, никогда не знаешь, о чём он думает».

– Да чихал я на неё, тоже мне фифа.

– Ты же бегал за ней пол-лета. А-а, покраснел. Жених! А-а, покраснел, покраснел! Жених и невеста, тили-тили тесто! – стал дразнить меня Марио.

От смущения я замер, а потом кинулся на него, но Марио ловко проскочил у меня под рукой и спрятался за Хаса, толкнул его на меня и, пока я освобождался из объятий, он перемахнул через просёлок и скрылся под деревьями сада.

Я рванул за ним, забыв даже обуться, пахота врезалась мне в ступни иссушёнными комьями земли, веточки хлестали по лицу, иногда под ноги попадались перезревшие, распаренные на солнце яблоки и, пару раз поскользнувшись, я чуть не грохнулся со всего маху на землю, но вскоре я отстал и, пробежав по инерции несколько метров, перешёл на шаг.

Внезапно Марио остановился и сделал мне знак рукой. Я присел под яблоней, прильнул щекой к тёплому шершавому стволу и стал осматриваться. Мы углубились в сад на метров двести, не меньше. Вдруг Марио прыгнул с просеки под ближайшее дерево.

То, что я увидел впереди, заставило меня покрыться холодным потом. По просеке к нам навстречу бежали две кавказских овчарки, никакие не беспородные дворняги, а самые что ни на есть овчарки с обрезанными ушами. Они останавливались, время от времени принюхивались, их маленькие уши подрагивали от напряжения. Я уже хотел взобраться на дерево, как вдруг кто-то закричал из глубины сада: «Несси! Несси!». И один из псов остановился, раздумывая, бежать ли дальше. Мне казалось, что он смотрел прямо на меня. И я буквально сросся с яблоней, впаялся в её шершавый, кряжистый ствол, и повторял про себя всё время слова Маугли, которые запали мне в душу с самого детства: «Мы с тобой одной крови, ты и я!».

Что сказать, эта бестия наверняка меня видела, но может, подействовало заклинание, а может, окрик хозяина. Постояв ещё минуту, пёс развернулся и ленивой трусцой стал удаляться; второй, по виду щенок, помочился под куст, а уже потом побежал следом за первым. Наверное, нас спасло то, что ветер дул от берега, – а иначе конец, порвали бы нас они на куски.

Спустя мгновение я припустил так, что деревья замелькали, как за окном поезда, но Марио всё равно обогнал меня. Только показались передо мной его смуглые лопатки, и вот, через несколько вздохов он уже далеко впереди.

С громкими визгами мы вылетели из сада и, скатившись по склону оврага, вновь оказались на берегу.

Хас и Мишка о чём-то спорили. Заметив нас, они замолчали.

– Они там, они там, – задыхаясь, пропищал Марио.

– Кто, кто? – схватил его за плечо Мишка.

Но Марио мотал головой и не мог выговорить ни слова.

– Они там, они там, мы их видели, – выдохнул, наконец, он.

Я откинулся на спину, ловя ртом горячий воздух, потом приподнялся на локтях и закивал:

– Огромные, как кабаны, наелись человечины!

– Да кто, кто? Толком скажите, – заволновался Хас.

– Кавказские овчарки, две, огромные, – сказал Марио.

– Йес! – шмякнул Мишка кулаком об коленку. – З-значит сторожа здесь, супер!

Дойдём вон до того мыса, – Мишка показал на полоску желтого песка на излучине реки, – и сократим путь через сад.

– Не-е, – заблеял Марио, – я пас.

– Струсил, да? – навис над ним Мишка.

– Видел бы ты их, я бы тогда посмотрел, как бы ты запоёшь, – поддержал я Марио.

Хас молчал, как всегда выгадывая, что лучше.

– А-а, как хотите, – махнул рукой Мишка.

Теперь мы шли вдоль самой кромки воды, здесь было не так жарко. Гудели оводы, предзакатное солнце слепило, густое марево стелилось над рекой, и всё тонуло в зыбком, тревожном мираже.

Звуки на реке стихли, даже ласточки, которые беспокойно носились над водой, куда-то исчезли, и парило ещё сильнее, будто тот, кто проливает с неба на людей дождь, решил повременить – пусть, мол, ещё потерзаются.

Когда мы добрались до поворота, где берег выдавался мысом, а песок был цвета сгущённого молока, мы так устали, что едва ноги передвигали.

– Ну, что, так и б-будем плестись по солнцепёку? – сплюнул на песок Мишка.

Марио и я угрюмо переглянулись. В этот момент подошел Хас. Обессиленный, он рухнул на песок и лежал, разбросав руки в стороны.

– Всё, больше не могу, – просипел он.

Неожиданно мы услышали недалеко звук мотора.

– Это нас ищут, – ляпнул Марио.

Похватав вещи, мы спрятались в кустах дикого винограда. По реке с рокотом и гулом пронеслась моторка. На ней сидели парни и девчонки, их смех разносился далеко вокруг, отражаясь эхом от обрывистых берегов.

– На пикник едут, – погладил затылок Марио.

– Да, сегодня же суббота, – согласился я.

– Эх, наверное, шашлыки будут жарить... – вздохнул Хас.

Я услышал, как он шумно сглотнул слюну, и у меня самого забурчало в животе.

– Да з-заткнись ты, – осадил его Мишка. – Жосан с Колой тебя поймают, точно шашлык сделают. Н-надо двигать через сад, а то мы доваландаемся тут.

Все прежние байки про сторожей и их собак, которые казались только выдуманными историями и не более, теперь стали реальностью, и страх был реальностью; я буквально физически ощущал, как что-то давило мне на грудь и запирало вязкой слюной дыхание. Но то, что сильнее страха, гнало нас вперёд, какая-то более властная сила, более сильная жажда... Что? Если бы я мог объяснить это себе тогда, если бы я знал, наверняка всё сложилось бы иначе.

Теперь впереди шли Мишка и Хас, а мы с Марио позади, мы-то видели уже *их*. Невольно я цепко осматривал все ближайшие деревья, выбирая самое удобное, на случай, если вдруг придётся на него залезть.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Нам повезло – это был сад, где рос белый налив, урожай собрали ещё в конце июня, поэтому вряд ли здесь рыскали зверюги с обрезанными ушами. Напрягал только сумрак. Косые лучи заходящего солнца едва золотили верхушки деревьев, и хотя деревья были невысокие, ветви крон густо переплетались, и от этого сумрак сгущался.

Вдоль просеки валялись разбитые ящики, мёртвая листва и сломанные веточки. На многих яблонях листва пожухла и свернулась от зноя. Тишина обволакивала, и я

всякий раз вздрагивал, когда кто-то из товарищей наступал на ветку, и она с треском ломалась, щёлкая сухим выстрелом.

Мишкин задор иссяк. Он притих и, озираясь по сторонам, быстро шёл вперёд. Следом, не отставая, шагал Хас; бордовая спортивная сумка била его по колену, и, чертыхаясь, он поднимал её выше к бедру.

В дремотной вечерней неге мирно гудели пчелы. В воздухе разливался душный аромат цветения и пряный запах дыма от костров, на которых жгли ботву.

Неожиданно с ветки вспорхнула белобокая птица с чёрной головкой и понеслась над деревьями.

– Сорока, – тихо произнёс Марио.

За ней с лёгким трепетом пронеслась стайка воробьёв.

Мишка обернулся и спросил:

– Что, страшно?

– Угу, – отозвался Марио.

– Тихо, – поднял руку Мишка.

Сорока, которая только что перелетела на соседнее дерево, беспокойно застрекотала, потом вновь перемахнула на другую яблоню. Мы уже хотели дать дёру, когда вдруг услышали в тишине гулкое, протяжное кукование. «Угу-угу», – доносилось из глубины сада.

Мы замерли и стали считать, затаив дыхание. Кукушка прокуковала всего три раза и стихла. Это был очень плохой знак. Долго мы ещё стояли, напряжённо вслушиваясь, но больше не раздалось ни звука.

– Идём скорее, – сказал Мишка, – т-темнеет.

И действительно, сумрак уже окутывал нас, и за стеной деревьев начали двигаться смутные тени. Мне выпало идти последним, и я всё время оглядывался, не гонится ли кто-нибудь за нами, и то и дело мне казалось, что за спиной вдруг осыпалась земля или треснул сучок, но хуже всего было то, что мне постоянно чудилось, что в воздухе носится едва уловимый запах псины, и я останавливался и

подолгу всматривался в сужающуюся даль просеки, а потом ускорял шаг и невольно натёкался на Марио, который шёл впереди.

В какой-то момент деревья вдруг расступились, и на прогалине мы увидели деревянный вагон на колёсах. Марио попятился и так больно наступил мне на ногу, что я вскрикнул.

Хас метнулся под яблоню, а Мишка присел и делал нам знаки, чтобы мы ушли с дороги. Долго упрашивать нас было не нужно, мы шмыгнули с Марио под деревья. В это мгновение я ему позавидовал, потому что наши силуэты белели в сумраке, как привидения, а его не было видно, только белки глаз сверкали.

Мишка снял рюкзак и, пригнувшись, в два прыжка оказался у вагона. Привстав на цыпочки, он заглянул в окно, вскоре мы услышали его свист, свистел он не так, как Марио. Мишка свистел звонко, как настоящий разбойник, до костей пробирало.

– Эй, х-хватит прятаться, идите сюда! З-здесь нет никого! – крикнул он.

Это был рабочий вагон на колёсах, каких много разбросано по полям и садам. В таких обычно прячутся от дождя, отдыхают во время посевной или уборки, ночуют сторожа или хранят инструмент.

Внутри виднелся силуэт панцирной кровати с железными стойками, белела тумбочка; в углу возле двери валялось несколько пар резиновых сапог.

– Ну, что, отдохнём? – предложил Мишка.

– Давно пора, хоть по бутеру съедем, – откликнулся Хас.

Мы скинули рюкзаки. Внутри было душно, и стоял резкий запах пролитого уксуса.

Втроём мы откинулись на кровать. А Марио уселся на ящик, прислонившись к двери плечом.

– Марио, доставай хавку! – окликнул его Хас.

Марио молчал, он всё также сидел не оборачиваясь, уставившись в сумерки.

– Марио, эй, на, в-возьми, – протянул ему Мишка кусок хлеба с сыром.

Но Марио даже не шелохнулся. Мы переглянулись. Среди нас он был самый бедный, а по сравнению с Хасом, так совсем нищий, носил круглый год одни ботинки, а на школьные вечеринки не приходил, стеснялся, принарядиться ему было не во что. Да и трудно, наверное, когда ты не похож на всех, и в тебя постоянно тычут пальцем. Одно дело – когда можно прошмыгнуть по коридору на перемене и – опять в класс, где тебя знают, и совсем другое – когда вся школа собралась в актовом зале, и все глазают на тебя.

Мишка поднялся и вновь протянул Марио бутерброд. Но Марио гордо отвёл его руку в сторону.

– М-марио, ты нам нужен сильный, понял?

Мишка положил бутерброд на дверную раму, и тот забелел в сумраке.

– Тим, – позвал он меня, – идём р-разведем дорогу, может, цистерну с водой найдём.

– Только недолго! – крикнул нам Хас вдогонку.

Мы вышли из вагона, с реки дул слабый ветерок, духота спадала. Мы шли почти ощупью между деревьями, на фиолетовом бархате неба загорались багряные цветы вечерней зари.

– С-слушай, Тим, так это правда, там действительно что-то есть?

– Не знаю. Может, и есть. Ромка с отцом так спорили, что чуть не подрались, а потом Ромка уехал, и я не успел ничего выяснить толком.

– Да-а, наверняка что-то есть. Не зря Кола так завёлся. У этого типа нюх. Только бы они не проболтались Шефу.

– Будут молчать. Они же понимают, что тогда им шиш достанется.

– Нет, Кола растриндит, сто пудов.

– Что же делать? – спросил я и съёжился, представив, какой у Шефа острый кадык, и как он противно сплёвывает, когда курит.

– Н-надо переправиться сегодня, но с ними далеко не уедешь.

– Да чего ты, нормальные пацаны.

– Увидишь, к-как до дела дойдёт, удерут, как зайцы. Это не с баржи прыгать. Это деньги. А за деньги, знаешь, что люди делают?

– Что?

– Живьём закапывают – вот что!

– Да ну?!

– Вот тебе и «да ну-у».

– По-моему, здесь нет никакой цистерны поблизости, – сказал я после паузы.

– К-конечно, нет.

– А куда же мы тащимся?!

– Я х-хотел поговорить с тобой, мало ли что. Постой, – схватил вдруг он меня за руку, – обещаю, что не брошишь меня, чтобы не случилось!

– Да обещаю, конечно, больно, отстань, – затараторил я, пытаюсь вырвать занемевшую руку, как из клещей.

– Нет, ты п-покланись, что будешь со мной до конца.

– Да клянусь я, клянусь, вот пристал! – вырвал я, наконец, занемевшую руку. – Идём обратно, а то заблудимся, смотри, как темно уже.

– М-матерью покланись! – напирал Мишка.

– Вот достал, клянусь матерью! – крикнул я, и вдруг совсем близко раздался протяжный вой. Вой раздался в шагах тридцати, не больше. Это был даже не вой, а стон, так мог стонать только раненый лев или тигр, или какой-нибудь другой зверь размером с большую дикую кошку. Вой перешёл сначала в хрипение, потом в рык, поднялся в долгой натужной ноте и вдруг оборвался и затих с жутким бульканьем.

Не прошло и нескольких мгновений, как мы с Мишкой были уже возле вагона, втолкнули туда обалдевших Хаса и Марио и забаррикадировались, подперев дверь кроватью.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Едва мы успели перевести дух, как возле двери остановились двое, с ними был ещё кто-то. Мы слышали тяжёлое прерывистое дыхание, а потом раздался хриплый скулёж, и этот третий стал царапать когтями о дверь.

– Слушай, Викуля, а ведь дверь была открыта, – раздался голос мужчины. Язык у него заплетался.

– Да ну тебя, нализался, так совсем память отшибло. Павловна, наверное, ещё днём закрыла, зря только пёрлись, – раздражённо ответила спутница.

– А я тебе говорю – открыто было!

В этот момент из пасти твари, что была с ними, вырвался сдавленный рык, она всей своей тушей прыгнула на дверь, и стены вагона содрогнулись.

– Ты чего, Несси, взбесилась, что ли! – прикрикнула женщина.

– А ну, давай вместе толкнём, – предложил мужик.

Под напором их тел дверь заскрипела, но не поддалась. Вчетвером мы толкали спинку кровати так, что искры сыпались из глаз.

– Дай-ка фонарик, – попросил он.

Руки у меня ходили ходуном, Марио толкнул меня в бок и зашипел: «Звиздец!». Хас едва сдерживался, чтобы не заорать. Один Мишка сохранял спокойствие.

Послышались шаги под окном, и неожиданно Марио сиганул под кровать, а Хас отшатнулся в дальний угол. Мы с Мишкой прижались к стене под зарешёченным окошком.

Яркий луч фонарика начал шарить в темноте, выхватывая куски комнаты из мрака. Вот он попал на лицо Марио, и тот весь сжался, закрыл глаза, потом открыл, потом вновь закрыл.

– Японский городской, да тут кошка! Вот Несси и бесится так, сейчас мы её, голубушку, достанем! – радостно воскликнул мужик.

– Да откуда тут кошка, Сёма, ты чё? – возмутилась его подруга и громко икнула.

– Чтоб меня украли, вон она, так и мигает зенками. Иди, сама посмотри.

Луч фонарика вынырнул из окна, и мы вновь услышали скрип, дверь стала поддаваться, ноги скользили по полу, я почувствовал тошноту, но сильно закусил губу и терпел.

Хас забился в угол. Марио лежал под кроватью и только блыл своими подфарниками, дверь заскрипела сильнее. Но и на этот раз нам удалось её удержать.

– Вот падла! – ругнулся мужик.

– Хватит, хватит, а то замок сломаешь, Павловна потом тебе точно башку оторвёт.

– Не оторвёт, – мужик вновь навалился, закричал, – ну, давай, открывайся, ну же, давай! – закричал он в надсадном усилии.

Я пнул ногой Марио, и он упёрся снизу в дверь руками. И вдруг собака зарычала так злобно и заскребла лапами порожек так яростно, что внутри у меня всё оборвалось, и, будто вместо меня, кто-то моими губами зашептал: «Фас, фас, фас!». Мишка удивлённо скосил на меня глаза, но я, как заведённый, продолжал шептать, и тот, кто всем правит, услышал меня.

– Несси, а ну отстань, чего прицепилась! Отстань, сбесилась совсем! Забери её от меня! – заверещал мужик.

– Несси, пошла вон, я вот тебя сейчас, ах ты гадина такая! – прикрикнула на собаку женщина, но ту теперь было не остановить.

Мы затаили дыхание.

– Убери её от меня, убери! – визжал мужик, видать, хмель с него как рукой сняло.

Неожиданно в углу тихо стал подвывать Хас, но Мишка крепко зажал ему рот ладонью. Из рта Хаса доносились булькающие звуки, наверное, он был на последнем издыхании.

– Тварь такая, зачем ты её с собой взяла! – обиженно воскликнул мужик.

– Зачем, зачем, чтоб такие обормоты, как ты, не приставали.

Возникла пауза, нарушаемая только недовольным ворчанием псины.

И в этот момент выкинул фортель Марио.

– Мяу, – вдруг жалобно раздалось в темноте.

– Слышишь, я же говорил!

– Да-а, похоже, кошка, – удивлённо протянула женщина.

Где-то вдалеке послышался лай, потом ещё.

– Это Лос, мамку кличет, проголодался, наверное, – добавила она.

Пёс, который был за дверью, радостно ответил, пасть у него была метра два, не меньше.

– Ну что, пойдём ко мне? – спросила она.

– Что-то не хочется, ещё заметит кто.

– Тоже мне, мужик, а мне вот не стыдно.

– Тебе-то что, ты разведёнка, а меня потом родственники жены со свету сживут.

– Тьфу, тряпка! Связалась с трусом, хлебай теперь, – бросила она в сердцах.

– Я к тебе не вязался, дура, сама пришла.

Раздался звонкий шлепок, потом грозное рычание.

– За что, за что? – обиженно причитал мужик.

– Сам знаешь, идём, давай, а то сейчас прикажу, и Несси тебе кой-чего отгрызёт.

– Полюбились, значит, хорошо... – протянул тот упавшим голосом.

Собака теперь рычала без умолку.

– Ладно, не бойсь, – подбодрила его подруга. – Идём, Несси. Ну, чего упрямисься!

Но эта голодная тварь не хотела упускать добычу. Ведь она-то знала, *кто* внутри. Вновь дверь содрогнулась, заскребли когти, и вой обрушился на нас таким ужасом, что я перестал слышать сердце, оно куда-то ухнуло и пропало; и вдруг раздался совсем другой стук – это у меня стучали зубы.

– Да стегани ты её, покажи, кто хозяин, – голос мужика теперь звучал глухо и просительно.

– Ага, покажи! Дворянкам своим показывай. Это же кавказец. Раньше воспитывать надо было, когда щенок был. А мне ж дали, когда ей было три месяца, уже тогда злая была, как смерть. Ещё неизвестно, кто хозяин.

– Говорят, собаки на хозяев своих похожи, – тихо буркнул мужик.

– Да ладно тебе, Сёма, ты чё, обиделся? Ну, давай я тебя поцелую. На, держи поводок. Да не бойсь, не укусит, а я за ошейник потяну. Ну, Несси, давай, пошли!

– Я эту кошку, сволочь, точно завтра кастрирую, – ругнулся мужик и пнул ногой дверь напоследок.

– Да ну её. Наверное, Павловна приبلудную пожалела.

Послышались кряхтение, ругань, рычание, потом, наконец, звук удаляющихся шагов. Голоса стали тише, и ещё раз вдалеке в небо взметнулся леденящий вой.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Над ухом монотонно гудел комар, давно уже досаждавший нам. По тишине, которая обволакивала, я понял, что на землю опустилась ночь, опустилась быстро и неожиданно. Сдавленно всхлипывал Хас в углу. Он там сидел на корточках, как наказанный, и всё не мог успокоиться.

– Что, трусили? – громко прошептал Мишка.

– А я что, я ничего, – промямлил Марио, – я подпираю дверь, ты же видел, Тим, ты же видел! – повернулся он ко мне. – Если бы вломились, да я бы зубами, слышишь, да я бы сам зубами в него вцепился, в этого пса, да я бы порвал его в клочья!

– Я же говорил – нужно идти берегом, – шмыгал носом Хас.

Он, как всегда, ловко всё перевернул.

– Да з-замолчи ты там! – оборвал его Мишка.

– А если они вернутся?

– Будем драться.

– Ага, ты слышал, как она рычала? Да ты первый ноги сделаешь! – взвизгнул затравленно Хас.

– Что-о! – зашёлся от гнева Мишка. – Да ты, ты, Хаська вонючая, з-забился в угол, как клоп, пока мы с Тимом за вас отдувались...

– Кончайте, – сказал я. – Надо сматываться.

Стащив тумбу, мы отодвинули кровать к стене; я рванул дверь и почувствовал, как пахло свежестью и ароматом сада. На небе сияли созвездия, вдалеке слышался собачий лай, стрекотали звонко сверчки. В небе низко плыла луна, были видны кратеры и лунные горы; просека была ярко освещена.

– Они, наверное, пошли туда, – кивнул Мишка в сторону огоньков селения.

Ветер приносил запахи сжигаемого жнивья, сена и ещё чего-то неуловимо-сладостного, как пахнет только сахарная пудра. Вновь послышался яростный, захлёбывающийся лай.

Вскоре мы уже неслись между деревьями. Ветви хлестали, мы падали, зарываясь в рыхлую почву, поднимались и вновь бежали. Мне всё время казалось, что кто-то за нами мчится, и это ощущение гнало и гнало вперёд. Один раз я налетел на ствол яблони и так грохнулся, что искры из глаз посыпались, но это только на мгновение остановило меня, ноги сами подняли с пахоты и понесли.

Сколько мы бежали, уже не помню. Помню, в какой-то момент силы меня покинули, и я остановился и долго стоял, держась за ветвь яблони, а когда выпрямился, между деревьями блеснула водная гладь, и, спотыкаясь и увязая в рыхлой пахоте, я побежал на этот блеск и вскоре свалился на влажный песок рядом с Марио.

Спустя мгновение из темноты появился Мишка, он шёл спокойным шагом, насвистывая.

– Мишка, а Мишка, – окликнул я его, отдышавшись, – может, вернёмся, погладим собачку?

– У-ух, здорово мы их, да? – послышалось в ответ.

– Да-а, – протянул Марио, – я бы этого пса сам бы загрыз, правда! А как я мяукнул? Мяу, мяу... – если бы не я, нам бы крышка.

– Он загрыз, Тим, слышишь? Да ты, к-как мышонок, забился под кровать. А этот тип тебя принял за кошку. Умора!

Мы смеялись, подкалывая друг друга. Тихо накатывала на берег волна, от воды несло запахом тины и цветущего камыша. После бега тело горело, а в глазах ещё мелькали деревья. Я обтёр с подбородка солоноватую кровь, которая сочилась из уголка рта. Саднила царапина на щеке, но я не обращал на это внимания. Никогда, никогда ещё я не был так полон отваги.

Мне было так хорошо и я совсем забыл, что где-то у меня есть дом, что в воскресенье от бабушки придет Ритка, что во дворе у меня появился враг. Я забыл о Лере. Всё вылетело из головы, как шелуха, унесённая ветром. Я лежал на песке, слизывал с губ кровь и смотрел на мигающие созвездия, на огромный серебряный шар луны, который медленно, раскачиваясь, плыл в небе, и сердце моё плыло и таяло в тихой радости.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

– А где Хас? – спросил Мишка.

– Он бежал за мной, – сказал я, приподнявшись на локте.

– Опа! – вскочил Марио, – пропал парень.

Мы прислушались: из сада доносилось стрекотание сверчков да приглушённый собачий лай.

Вдруг Мишка хлопнул себя по шее с такой яростью, что я вздрогнул. Убив комара, он его зачем-то понюхал и ругнулся:

– Чёрт, сколько их здесь? Идёмте, – бросил он нам.

Не успели мы сделать несколько шагов, как в ложбине между просёлком и садом наткнулись на Хаса. Он лежал ничком и плакал, ревел, можно сказать. Я ещё никогда не видел, чтобы кто-то так надрывался.

– Ты чего, Хася, ты чего, п-парень, успокойся, – Мишка присел рядом и хотел погладить его по затылку, но Хас отмахнулся и зарыдал ещё сильнее.

Я взглянул на Марио, тот пожал плечами. Во тьме казалось, что он ухмыляется.

Улыбка у него, как у нефритовой кошки, которую привёз брату товарищ из Египта. Когда он улыбается, у него правый уголок губ поднимается, а левый опускается, – выходит прямо усмешка, а не улыбка. Кажется, что он усмехается, а он, может быть, как никогда серьёзен. Так многие попадают.

Да, так вот. Стоит этот чудак, улыбается, а Мишка колдует над Хасом:

– Ты чего, п-парень, ты же мужик, не плачь, – говорит ему, а сам нервничает, да и я нервничаю, и Марио...

Неприятное это зрелище, когда кто-то плачет. Хочется всегда уйти куда-нибудь или сделать что-то, чтобы не слышать плача. Мне как-то не по себе всегда, когда плачут малыши, а тем более сверстники – это огорчает меня, очень огорчает.

– Вы меня бросили, – выдавил, наконец, Хас с обидой и вновь затрясся от рыданий.

– Во даёт, да мы сами дра-а-а...

– Драпали, как зайцы, – помог Мишке Марио.

– Вы, вы все меня ненавидите! – воскликнул вдруг Хас. – А ты, ты больше всех! – бросил он мне.

– Я?!

Честно скажу, я опешил. Хас лежал возле сучковатой коряги, которую вынесло течением во время паводка; видно, споткнулся об неё и упал, – нас рядом нет, вот и разнюнился.

– Да брось ты, Тим в-всегда за тебя. Ты чё, гонишь? – Мишка слегка шлёпнул Хаса по плечу, – давай, поднимайся.

У меня в голове крутились разные мысли, но они не складывались в одно целое. Я не понимал, почему он так зол именно на меня, почему?

– Дебил, – буркнул Хас.

И тогда я толкнул его, сделав подножку, и Хас вновь очутился на земле.

– Кто, кто debil? – тряс я его.

– Да пошел ты, debil! – извивался подо мной Хас, он крепко держал мои руки, а тут ещё навалились на плечи пацаны.

– Дебил, debil, пошёл ты... – хрипел Хас. – И Лерка всегда мне говорила: «Он чокнутый, чего ты ним водишься?».

При этих словах я разжал руки, и мы втроём – Марио, Мишка и я – полетели на землю. Дыхание у меня перехватило, я плохо соображал, что делаю. Я поднялся и медленно поплёлся к реке. У меня вновь треснула губа, и по подбородку текла кровь, боль усилилась, но мне было наплевать.

Я стоял по щиколотку в воде, смотрел на дальний берег, – и неожиданно всё сложилось в чёткую картину. Я всё понял и вспомнил всё. Я вспомнил, как Хас отводил взгляд, когда я рассказывал о Лере, как у него ломался голос, когда он говорил мне обычно: «Подумаешь, что в ней особенного, тоже мне ещё фифа». Я вспомнил, как у него покрывались щёки пунцовыми пятнами, когда он ругал её, как он смотрел на неё, когда она выходила к доске. Вот дурак! А я ещё делился с ним своими тайнами! Теперь всё было ясно.

Подошёл Мишка, тоже умылся и, смешно растягивая слова, спросил:

– Ч-чего кидаешься на него?

– А чего он обзывается?

– Ты сам п-привёл его к нам, – произнёс Мишка задумчиво и добавил, – а ведь я говорил, что он слабак.

– Пожалел.

– Он т-тебя не пожалеет. Ладно, – положил он мне руку на плечо, – идём.

– Долго мы ещё валандаться тут будем? – подскочил к нам Марио. – Пока мы тут крысимся, Жосан уже всё загрёб!

– Подожди, – отстранил его Мишка. Так, д-давайте миритесь, – подтолкнул он меня к Хасу.

Тот отвернулся. Но Мишка повторил настойчиво:

– Миритесь, пацаны.

Нехотя я протянул Хасу руку. На какое-то время рука повисла в воздухе, а потом я почувствовал его мягкую влажную ладонь, и я пожал её, испытывая при этом гадливое чувство, будто взялся за тёплое дерьмо.

Мишка довольно кивнул и спросил меня:

– Тим, далеко до лодок ещё?

– Вон, за камышом лодочная станция, – показал я вдаль.

В этот момент луна вынырнула из облака – и на изгибе реки, пригибаясь под ветром и купаясь в серебристом сиянии, показался камыш. Камыш шелестел с особенным треском. На реке поднималась волна, и нужно было торопиться, если мы хотели попасть на другой берег, пока не разыгралась непогода. Ветер усиливался, но для нас это было блаженство. Духота спадала, и мы наслаждались ночной прохладой. На землю посыпались первые капли росы, и вскоре трава под ногами стала влажная, а листва в саду отсвечивала дымным жемчугом.

Вскинув рюкзак на плечо, я пошёл в сторону белеющего под луной просёлка даже не оглядываясь, чтобы проверить, идут ли они за мной.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Не верьте, если говорят, что дети добрые, это неправда. Дети любят мучить друг друга, как, впрочем, и взрослые.

Доктор меня часто просит рассказать о детстве. Я слышал, что один чудака, Фрейд, придумал такую ахинею, что якобы, если избавиться от страха, который тебе вбил в башку в детстве, то тогда ты выздоровеешь. Вот почему этот умник, который так любит свои ногти, всё время и копается во мне. Только зря он копает, у меня-то другая история.

В десять утра по средам он проводит со мной беседы: спросит, писался ли я в постель, снились ли мне голые покойники, и любил ли я подсолнухи, и кого я

большие любил – папу или маму, и какое у меня самое яркое воспоминание о детстве.

Чего он от меня хочет, не пойму. Он сам мне напоминает шизика: губы тонкие, улыбочка ехидная, а глаза рачьи так и прокалывают, как иголки, колют в самую душу, колют даже больнее, чем эти уколы, которые мне делают перед сном.

Зачем он меня мучает, не пойму. Доктор ещё называется, я бы таких врачей подвешивал на площадях, чтобы все видели. Всё пытается вывести у меня, а я прячусь, как улитка, в раковину, и сижу, и смотрю на него, и хихикаю, и ничего не говорю. Я, как в разведке, но в конце допроса меня не поставят к стенке и не поведут на эшафот, а обрекут на вечный ад холодного одиночества, и потому я молчу, потому я путаю ему карты. Главное – сбить его с толку, запутать, главное – не дать ему понять, что ты его раскусил, иначе конец, – сразу отведут в соседнее серое здание, и ты вернёшься оттуда с пустыми стеклянными глазами, будешь тихо сидеть в парке, на солнышке, кормить воробышков и тихо улыбаться, – я не хочу этого, не хочу!

Вижу, что он недоволен моими ответами, записывает себе что-то в блокнот и вновь ногти свои розовые разглядывает. А потом вдруг спросит, типа: «А скажите, вы любили кушать в детском саду рыбий жир?». Или: «А как вы думаете, дети добрые?».

Ну, я на все вопросы отвечаю: «Да». Понимаете, он так задаёт вопросы, что мне приходится отвечать на них «да».

Но потом эта игра мне надоела. И я ему стал противоречить. Вот это его почему-то заинтересовало, он стал делать больше пометок в блокноте и даже повеселел, сказал, что я теперь начну поправляться, не понятно, с какой такой радости. А когда я ему рассказал, как меня однажды повесили... он вообще развеселился.

А что? Ну как тут быть, если он мне такую кость кидает, лапшу вешает. «А ведь дети добрые», – говорит. Слышите, такое мне вяжет. Вот я ему и ответил: «Да, – говорю, – очень». И рассказал, как ясноглазые детки накинули

мне на шею петельку, перекинули через сук, четыре года мне тогда было, и подвесили. Игра была такая, и мне, как новенькому, выпала роль пленника...

Так вот, я был взят в плен, а потом меня должны были казнить. Наверное, меня бы и казнили, потому что я уже задыхался, стоя на цыпочках с петлёй на шее, если бы не тётя Варя, наша нянечка, – она меня спасла, когда я там один стоял на цыпочках, хватаясь руками за воздух, а все обо мне забыли, убежав на обед.

На следующий день я нашёл дома булавку, и во время тихого часа, когда все дети забрались в кровати, и некоторые уже тихо посапывали во сне, я взял и всех моих палачей поколол этой булавкой.

Был скандал, и я помню слова отца, который произнёс их в тот момент, когда на него орала старшая воспитательница, тётя Фира; я помню её большой рот, с одним чёрным зубом, и одним золотым. Отец тогда сказал мне: «Правильно сделал», – и крепко прижал меня к себе.

Это всё я рассказал доктору, он даже покраснел от удовольствия, так ему понравилась моя история.

– Мы на правильном пути, – сказал он мне в то утро и уколол своими зрачками-буравчиками.

Честно говоря, мне было всё равно, что он мне сказал, мне уже даже понравилось жить с этими психами. Пугают иногда крики, которые раздаются по ночам из других палат, но после того, как мне стали делать укол перед сном, я сплю хорошо.

Теперь я не слышу криков, и мне не снятся кошмары, в которых за мной всегда гонится Василий Петрович Жосан на огромном чёрном коне. Лицо его окровавлено, изо лба сочится кровь, и кровь льётся под кровать. Я вскакиваю, вглядываюсь в мерцающую темноту, но рядом никого нет, только за окном почему-то всегда сияет луна. Я ложусь в кровать, и только засыпаю – как вновь страшная, окровавленная рожка доктора лезет на меня из всех углов.

Когда я жалуюсь ему на это, он потирает довольно руки и говорит, что всё хорошо, что так действуют лекарства.

Не знаю, иногда я ему почему-то верю, а иногда нет. Врёт он всё, потому и глаза прячет, когда я его прямо спрашиваю, освободят ли меня. Вижу, что тогда он юлит, уходит от ответа. Говорит, что вот, мол, когда я допишу эту историю, тогда и стану свободен, что это-де правильный путь к выздоровлению.

Посмотрим, посмотрим, я-то её допишу, но если он врёт, тогда уж я ему врежу по полной программе, всю правду выложу, всё скажу, что думаю о нём, – всё, уж поверьте.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Эту лодку мы нашли случайно в камышах, недалеко от дебаркадера. Несколько минут мы пытались столкнуть её с берега, но днище так увязло в песке, что мы едва её сдвинули.

– Хас, д-давай, помогай! – прикрикнул Мишка.

– Ну, чего уставился! – взвился Марио. – Тащи его на горбу, как осёл.

Он стоял у правого борта по колено в воде, мы с Мишкой упирались в нос лодки, а Хас топтался у левого борта.

– На три, – сказал Мишка. – Марио, с-считай.

– Раз, два, три, эх, понеслась родимая, – кряхтя, выдохнул Марио. Лодка чуть подалась, но днище её по-прежнему глубоко сидело в песке.

– Лосик, тащи, давай, не сачкуй! – бросил Марио Хасу.

– Да пошёл ты! – огрызнулся тот.

– Раз, два, три, – вновь считал Марио, и мы снова навалились на деревянную плоскодонку.

Наконец, лодка поддалась и с тихим шуршанием вошла в воду.

За широкой протокой, которую пересекала лунная дорожка, ясно проступали очертания острова. Странно, но мы совсем не думали, как будем возвращаться домой. Нам было всё равно, ищут ли нас, когда мы вернёмся, и что будет потом. Вряд ли мы понимали, что происходит и что может случиться – всё это была чешуя,

ветер, который веет сквозь пальцы, когда выставляешь пятерню в небо и кричишь звёздам: «Эй, вы там наверху, вы слышите меня, вот я весь стою перед вами, вот я весь, и вы меня не получите, слышите, это я говорю вам!».

Запрыгнув в лодку, мы стали с Мишкой подгребать по бортам, как на каноэ, он – обломком весла, а я – куском фанеры, который подобрал недалеко от лодочной станции. Течение стремительно несло нас на середину реки. Нам повезло, остров был немного ниже по течению, и мы удачно сплавлялись, направляя лодку.

Было уже далеко за полночь. Откуда-то издалека, со стороны дач, доносился радостный девчачий визг, слышалась музыка магнитофона, свежий ветерок приносил запах нагретых солнцем трав. Вода в реке была тихая и тёплая, и струилась, как расплавленное стекло, за кормой. Мы двигались вдоль лунной дорожки как призраки, окутанные дымным сиянием.

Загребая, я то и дело замечал, как у Мишки влажно вспыхивала серебром лопасть весла. Тишина вздрагивала от всплесков наших гребков.

Я первый заметил, что в лодку начала просачиваться вода.

– Эй! – крикнул я Хасу и Марио, которые сидели на корме, глаза по сторонам.
– Чего расселись, вычерпывайте, вещи на корму, живо!

– Налегай! – крикнул я Мишке.

Лодка тяжелела с каждым гребком.

– Да чего в-вылупились! – рывкнул Мишка. – Сейчас из-за вас утонем!

Хас и Марио принялись лихорадочно вычерпывать воду пустыми консервными банками, которые всплыли с тихим цоканьем из-под скамейки, но вода прибывала. Я оглянулся, – мы только миновали середину протоки, а воды набежало уже по щиколотку.

Быстро нашёлся Марио. Не раздеваясь, он прыгнул за борт, через мгновение вынырнул и, отфыркиваясь, закричал:

– Эге-ге! Ребзя, айда за мной! Водичка, как парное молоко.

Следом прыгнул Мишка, бросив мне весло.

Я налегал изо всей силы, а Хас черпал воду, как бешеный, но она всё прибывала.

– Прыгай! Прыгай, давай! – кричал я ему, забыв, что он почти не умел плавать.

Но он вычерпывал уже двумя банками, не поднимая головы, будто оглох. Мишка и Марио подталкивали лодку, плывя рядом, но она уже наполнилась на треть и почти не двигалась.

До берега оставалось метров двадцать, когда я сиганул за борт. Дыхание у меня перехватило – на середине реки вода была прохладнее, чем у берега. Втроём мы подталкивали лодку к берегу.

А Хас теперь суетливо грёб, свесившись с кормы и окатывая нас брызгами.

К счастью, у острова был пологий берег, и очень скоро я вдруг почувствовал дно под ногами.

– Эй, в-вылазь! – крикнул Мишка Хасу, выжимая футболку.

В неверном свете луны и звёзд лицо Хаса было белое, как мел, а глаза округлились, как у филина.

Как слепой, он выставил вперёд руки, шагнул, зацепился за скамейку и, перелетев через носовой выступ, распластался на песке.

Лодку мы не стали вытаскивать, она плотно села на мель, и течение её едва колыхало.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

– Та-ак, – свесился Мишка над бортом, – п-приплыли.

– Точно приплыли, – плаксиво отозвался Хас, – как же мы выберемся отсюда?

– Да замолкни ты, – повернулся к нему Марио, – хватит ныть.

Он, как ни в чём не бывало, с любопытством вертел головой по сторонам.

– Рассохлась, – кивнул я на лодку.

Положение было невесёлое. Конечно, завтра нас наверняка бы заметили дачники, но разве мы об этом мечтали?

– Может, удастся законопатить, – размышлял я вслух, – расплавим смолу на днище и зашпаклюем щели. а?

– А что, д-давай, попробуем, – положил мне Мишка руку на плечо.

Остров был тих. Слышен был едва уловимый шелест листвы в зарослях да наше сбивчивое дыхание, да всплеск редкой волны у берега. Ломило плечи, затекла шея, но вместе со всеми я лихорадочно вычерпывал воду. Мы черпали банками, пригоршнями, злились, чертыхались. Наконец, показалось днище.

– Нужен рычаг, – поднял Мишка голову.

– Секундочку, – Марио ловко выпрыгнул из лодки и долго рыскал в кустах, ломая с треском ветки. Наконец, пыхтя, он приволок деревце, видно, вывороченное бурей.

Мы вытащили лодку на песок, только корма, где ещё бултыхались остатки воды, осталась на плаву.

– Блин, – ругнулся Мишка, уколов руку, – я же просил рычаг, а не кактус!

Деревце оказалось дикой акацией. Мишка достал из рюкзака тесак и обрубил ветви с шипами.

Вскоре нам удалось просунуть ствол под днище; вчетвером мы налегли на него, лодка приподнялась, зависнув на какие-то секунды, а потом глухо, как бочка, ухнула и перевернулась, тяжело шлёпнувшись на песок. Вода с шумом рванула из-под неё.

– Йес! – победно вскинул вверх кулак Мишка.

Руки, ноги гудели, но мы не стали отдыхать, а сразу принялись собирать хворост.

Лёгкий ветерок едва слышно перебирал листву, и в зарослях раздавались странные шорохи. Мы старались не терять друг друга из вида.

Вдруг из-под моих ног с писком выскочил зверёк и скрылся в траве.

– Суслик, наверное, – сглотнул я.

– Суслик на острове? – удивился Марио.

– Но это же большой остров.

– Дела... – протянул Марио, оглядываясь по сторонам, – не думал вчера, что придётся ночевать в таком месте.

Вскоре мы развели костёр рядом с лодкой. Мишка поджёг сухую траву, которой мы забросали хворост, трава вспыхнула, задымила, пламя взвилось, а потом спало, охватывая всё больше веток. Огонь завораживал.

– Тим, н-надо бы канаву вырыть, а то ещё огонь лодку прихватит, – сказал Мишка.

И мы с Марио быстро набросали невысокий вал из песка между костром и лодкой.

Жар от костра постепенно нагревал днище, но чтобы его высушить, одного костра было мало, поэтому мы развели другой с противоположной стороны.

Нас снесло к южной оконечности острова. Тёмная громада крепости нависала над обрывом, полная луна, которая стояла в зените, ярко освещала бастионы.

Внезапно мне померещилось движение на ближней башне.

– Говорят, что если разроешь могилу, то дух умершего может схватить тебя и потом мучить всю жизнь, – вдруг произнёс Хас.

Я давно не слышал от него ни звука, поэтому его голос зазвучал так неожиданно, что я вздрогнул, Мишка перестал подбрасывать хворост в костёр, а у Марио даже улыбка с лица сошла.

– Это ты специально, да?

Хас молча окинул его долгим взглядом и тихо произнёс:

– Ты же ничего не боишься. Вот схватит тебя за горло и утащит в могилу, ты же самый мелкий, тебя легко утащить.

– Да чушь это, – махнул рукой Мишка, – с-слушай его больше.

Но мне эти слова Хаса не понравились. Как-то он странно улыбался, когда выдал всё это.

– А ты сам, что, не боишься? – спросил я его и сильнее сжал ветку, которую держал на огне.

– Нет, я не боюсь, я просто цепенею от ужаса! – брякнул он вдруг. – Но вы же не бросите меня, если *он* вдруг меня схватит, правда?

В этот момент пламя костра вспыхнуло, осветило его, и мне вдруг показалось, что вместо глаз у Хаса зияли два чёрных провала.

– Чушь! – презрительно бросил Мишка и звонко переломил ветку об колено.

– Ты думаешь? – взглянул на него Марио.

– Да ладно тебе, рилэкс – шлёпнул я его по плечу, и Марио подскочил, как ужаленный.

Серебряный диск луны уже стал цепляться своим краем за башни верхнего замка крепости, когда нам удалось, наконец, расплавить несколько блямб смолы и прошпаклевать ими трещины между досками.

Один костёр погас, но его угли мерцали розовым жаром, вспыхивая тонкими язычками пламени. На другом костре Мишка и Марио разогревали тушёнку и поджаривали кусочки колбасы. Кишки в животе подпрыгивали к самому горлу, а рот так наполнился слюной, что я чуть не захлебнулся, когда сказал:

– Мишка, долго не держи, а то выкипит всё.

– Б-будь спок, не в-выкипит, – поднял он выше банку двумя скрещёнными ветками над шипящими углями, и пряный, сладковатый аромат защекотал ноздри.

Теперь серебристая лунная дорожка пересекала западную протоку. Течение у мыса, к которому мы пристали, было тихое, ни один всплеск не тревожил тишину, из зарослей не доносилось ни звука. Было далеко за полночь, и я чувствовал, как у меня непроизвольно слипаются веки.

Отражения костров на воде превращались на тихой зыби в фантастические видения, а рядом плясали наши гигантские тени – было в этом что-то нереальное, сказочное.

– Налетай! – крикнул Мишка, поставив банку на песок.

Я отбросил дымящуюся головню и вместе со всеми накинуся на еду. Это была армейская тушёнка, в жестяных золотистых банках.

Поджаренное мясо потрескивало, терпкий дымок щекотал ноздри, в животе урчало; с колбасы, нанизанной на тонкие веточки, капал жир. Я попробовал откусить кусочек – и обжёгся.

Марио полез за мясом в банку, но тут же отдёрнул руку.

– А есть-то чем будем? – жалобно протянул Хас, жуя сухой хлеб.

– Сейчас, сейчас, – откликнулся Мишка.

Он отломил тоненькую веточку от акации, наколот кусок мяса, подул на него, потом кинул себе в рот и, обжигаясь, зафыркал:

– Вот чем, у-у-ф-ф, горячо. У-ф...

Тушёнка была пряная и сладковатая, она таяла во рту, обжигала. Вскоре мы уже забыли про самодельные шампуры и хватали мясо руками, один Хас ещё привередничал, но потом и он, с удовольствием чавкая, облизывал жир с пальцев. А Марио, так тот и банку попытался вылизать изнутри.

– Эх, язык короткий, – облизнулся он и потянулся с блаженной улыбкой – Закурить бы...

– На, держи, – кинул ему Мишка сигарету. Мне с Хасом он тоже выдал по сигарете.

С наслаждением, откинувшись на песок, мы закурили. Песок был влажный, поэтому я вытащил из рюкзака свитер, подстелил его под спину и улёгся, подложив рюкзак под голову.

– Благодать, – сказал Марио.

Смолистый дым приятно щекотал ноздри, пощипывал язык и горчил во рту чем-то приятно терпким. Я смотрел на небо и считал звёзды. И вдруг вспомнил, как когда-то вокруг меня возились щенки и лизали мне ладони своими влажными язычками, принимая меня за мамку, а бабушка звала меня, всё звала, даже не догадываясь, где я. А когда она подходила к будке, Альма всегда рычала, и рычание это было грозное, враждебное, и бабушка уходила, и всё звала меня: «Тим, Тим, где ты, где ты?». А я лежал за спиной Альмы, и эти пушистые клубочки поскуливали и лизали мне ладони и лицо, и было так приятно и щекотно, что я смеялся...

Несколько раз на небе вспыхнула падающая звезда, оставляя за собой серебристый росчерк, и я загадал желание. Мне было так хорошо, что я забыл о Жосане, о Лере, я простил Хаса. Да, в этот момент я его прощал. Или во мне что-то прощало его. Новое чувство росло во мне, наполнило меня до краёв необычайной лёгкостью и покоем.

Почему-то теперь мне всех их стало жалко: и Мишку, и Марио, и Хаса. Мне так их было жалко, и так мне было хорошо, что я хотел каждого из них обнять и ничего не говорить, просто обнять и всё.

Наверное, я действительно немного чокнутый, иначе отчего это меня так типает. Не знаю, не знаю. Но иногда мне кажется, что все эти слова о любви, что пишут в книжках и которые говорят взрослые – пустые и холодные слова, слова-булыжники. А настоящая любовь – она без слов. Это вот так, когда тебе без причины очень жаль человека, и ты хочешь его обнять, просто обнять, понимаете, просто прижать его к сердцу и молчать, и ничего не говорить...

Иногда, когда я остаюсь один, и прислушиваюсь к тому, как на зеркало тишины падают жемчужные капли рассвета, мне кажется, что я никого никогда так не любил, понимаете, никого, никогда, как моих друзей Хаса, Мишку, и Марио в ту ночь, понимаете, никого и никогда...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Догорающие угли потрескивали, дрёма одолевала меня.

– Миха, Миха, – позвал я тихо, – скоро рассвет. – Лодку надо перетащить.

– Переправимся здесь, – пробурчал он, укладываясь рядом с Марио.

– Мы в запретной зоне, заметят – умыться не успеем.

– Ладно, только покемарим немного, – сказал Мишка и свернулся калачиком, положив руку под голову.

Хас и Марио уже посапывали во сне, забыв обо всех сокровищах мира.

Я запрокинул голову. Луна своим краем уже касалась зубцов крепостных башен. Стало прохладнее, но жар костра согревал, было уютно и тепло. Звёзды постепенно меркли, и казалось, что на гаснущие угли можно было смотреть вечно.

Перед рассветом меня разбудил пронзительный вопль.

Я слышал такой только раз, когда резали в деревне свинью. Её прижали к земле трое мужиков, и потом один пырнул её длинным ножом, но свинья вырвалась и с визгом стала носиться по двору, разбрызгивая кровь по снегу.

Бабушка оттаскивала меня от окна, но я вырвался и увидел, как сверкающий нож торчал у свиньи из горла и как кровь хлестала на снег, и как они за ней гонялись и падали, поскользываясь в крови, а потом накинули на неё сетку для ловли рыбы, и она билась в ней ещё долго и жутко визжала...

Я проснулся и никак не мог сообразить, почему так холодно. Наверное, Ритка открыла балконную дверь, всё ей душно... Одеревенела спина, затекла шея, и вдруг я осознал, где я – кто-то настойчиво дёргал меня за плечо.

– Тим, Тим, вставай, – тряс меня Мишка.

Я проснулся окончательно, приподнялся на локте, и в этот момент на противоположной стороне острова раздался вопль. Рядом вскочил Хас.

– Это его дух, слышите! Я же говорил.

– Эй, ты, чего там воешь?! – привстал Марио. – А ну-ка посмотрим, кто там!

Мы вытаращились на него, как на безумца.

Марио даже сделал несколько шагов в сумерки. Неожиданно вопль повторился ближе. Наверное, так кричит при родах женщина или дикая кошка в период гона, или больной в сумасшедшем доме, когда пропускают ток по его телу...

Мгновение, и вот уже Марио метнулся обратно к нам и вдруг вцепился мне в плечо с такой силой, что я сам чуть не взвыл от боли.

Мы сбились в кучу, прячась за перевёрнутой лодкой. Хас повторял, как заведённый:

– Папочка, забери меня отсюда, я буду выносить за мамой горшок, я буду всегда покупать тебе молоко...

– Кто это? Как ты думаешь? – спросил меня Марио.

– Не-е знаю, – пробормотал я, почувствовав, как у меня трясутся губы.

– До того берега метров двести, – вырвалось у меня.

– Доплывём, – выдохнул Марио.

– А Хас? – повернулся к нему Мишка.

– Вы что, хотите бросить меня?! – Мне показалось, что в синеющей темноте его глаза полыхнули бешенством.

Вновь раздался леденящий душу вопль, ещё ближе.

Мишка зачем-то полез в рюкзак, я взял лопатку, а Марио выхватил из тлеющего костра головню.

Над водой стелился густой белый туман, сплошная волна его наплывала на берег и заросли, даже воздух насытился туманом, и я почувствовал во рту его молочный вкус. Наши фигуры проступали темными силуэтами в этой молочной реке.

Небо на востоке стало бирюзовым, звёзды гасли одна за другой, луна почти закатилась, сошла, тонкий серп её завис за крепостью, на горизонте. Стало прохладно, но щёки у меня горели.

Неожиданно в зарослях послышалась возня, писк, потом что-то там ухнуло, хлопнуло, как пробка из бутылки шампанского, рвануло пронзительным визгом, и серая тень, светлее, чем воздух вокруг, вынырнула из кустов и стремительно понеслась в сторону лодочной станции, а через мгновение скрылась в молочном тумане.

Мишка в сердцах ругнулся и шмякнул ладонью о днище лодки.

– С-сова, блин!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Прошло, наверное, много времени, прежде чем мы успокоились. Небо на востоке заалело, и вскоре у самого края земли появилось оранжево-золотистое сияние. Слышно было, как, шурша, скатывается роса с листы.

Мишка сосредоточенно завязывал рюкзак, притихший Хас бродил вдоль берега, Марио сидел возле потухшего костра, зевал и зачем-то разбивал угли палкой. Они крошились, и ветерок разносил пепел вокруг.

Я взглянул на струящуюся у ног воду, которая неслась из Карпат до самого Чёрного моря, и подумал о том, что вот, наверное, также вставало солнце и в тот день, когда не стало гетмана. Также трепетала земля на рассвете, также пылала в тумане река, но его уже не было.

Мишка поднялся и сказал, кивнув в сторону лодки:

– Рассветёт и п-проверим, как зашпаклевалась. – Прогуляемся? – предложил Мишка мне, указав на дальнюю оконечность острова.

Я кивнул, но, видимо, лицо у меня было такое кислое, что Мишка рассмеялся и хлопнул меня ободряюще по плечу:

– Не бойсь, мы вместе!

Странно он смеялся. Знаете, есть такой смех, не смех, а сдавленный кашель.

Сначала я думал, это у него оттого, что он заикается, но потом где-то прочёл, что так смеются обычно скрытные люди. И это верно, Мишка был скрытный. Он был не такой, как мы. Он был серьёзен не по годам. Конечно, дурачился, как все, но был рассудительнее Хаса.

Хас – всезнайка, но в вопросах практических он был туп, потому что за него всё делал папаша, а Мишка вырос на улице, и главное – он был смел. Не отчаянно смел, как я, например. Я мог прыгнуть с высоты только с закрытыми глазами, а он – с открытыми. Вот что я имею в виду, вот что главное. Он на всё смотрел с открытыми глазами, а это, согласитесь, большое дело для пацана в тринадцать лет.

Несколько минут мы шли вдоль зарослей. Утренний ветерок сдувал с реки хлопья тумана. Вскоре мы достигли мыса, справа и слева по берегам поднимался дымно-зелёный лес, течение вынесло на отмель много мусора: таблички с дачных участков, пластмассовые пробки, щепки, куски фанеры.

Я подцепил ногой фанерку с названием «Бриз».

– Классно подгрести.

Мишка умылся.

– Т-тёплая, – заметил он с удовольствием. – Тим, – обратился он ко мне после долгой паузы.

Я вопросительно взглянул на него.

– Как думаешь, чем он её з-зацепил?

– Кто? Кого? – мигнул я непонимающе.

– Ну, Жосан Лерку...

– Ты меня спрашиваешь? – спросил я угрюмо и вдавил ракушку в песок.

– Да-а, – протянул он, – всё-то им, этим богатеньким...

У меня зачесалось под лопаткой, и я никак не мог дотянуться до неё. Ветер усилился, и по воде побежала мелкая рябь. Пахнуло свежестью, но чувствовалось, что день будет жарким. Я оглянулся и увидел, как вдалеке над холмами совсем неожиданно всплыл оранжевый шар, который быстро стал наливаясь янтарным золотом, и когда на него уже невозможно было смотреть, тишина вдруг лопнула и обрушилась на нас птичьим щебетом. Голова кружилась и была ватной от недосыпа, дрожали руки и ноги.

– Ну, ничего, мы ещё п-посмотрим, кто кого сделает...

Я уставился на него исподлобья. Он взглянул на меня и рассмеялся:

– Расслабься, парень ... Мы вместе! – вскинул руку он вверх со сжатым кулаком.

Представляю, какое у меня было лицо, когда он говорил всё это.

Мишка задумчиво почесал локоть и продолжил:

– Н-ничего, прорвёмся. А остальное всё – тьфу, чешуя, – и при этих словах он далеко плюнул в воду.

Плевков пролетел несколько метров, плюхнулся и расплылся в струящейся вдоль отмели зыби.

Послышался протяжный свист Марио.

– Подождут, – рубанул он воздух ладонью, – г-главное, миновать запретку...

Я прикусил себе ладонь.

– Да-а... – протянул он после паузы, – Лера ... и чего она в нём нашла.

Я молчал. Так и хотел ему крикнуть в лицо: «Блин, заика, чего прицепился!».

– Ого-го, э-э-эй, Мишка, Ти-им! – донеслись крики Хаса и Марио.

И вдруг Мишка произнёс с нажимом:

– Ну, ничего, мы их сделаем по-любому. З-запомни, по-любому!

Он покраснелся, рыжая шевелюра торчала космами, табличка выскользнула у меня из рук, и он наклонился чтобы подобрать её...

Всю дорогу, пока мы шли обратно, мне было не по себе, как-то неловко, что ли. Пару раз я порывался говорить, но смолчал, а Мишка, вроде, и думать забыл о нашем разговоре. Он стал рассказывать о том, как брат Егор провалился под лёд в феврале и кричал, звал на помощь, обламывая лёд руками, а когда догадался попробовать дно, там было по колено. Егор пришёл домой весь мокрый, а отец ему налил стакан водки и сказал: «Пей сынок, от всех болезней вылечит». Егор сдуру и выпил целый стакан, а потом встретил во дворе Колу, и они пошли в подвал соседней пятиэтажки, и там ещё выпили портвейна, и Егору привиделось, будто на него набросилась большая крыса, и он схватил железную трубу, и стал гоняться за Колой.

Мишка рассказывал с воодушевлением, и история эта была смешная, но то ли оттого, что он заикался, а может, из-за его настроения, выходило совсем не смешно.

Знаете, есть такие люди – рассказывают анекдоты, а вам плакать хочется. Они из кожи вон лезут, и им кажется, что вот сейчас все грохнут от смеха, а все молчат, и лишь ради приличия кто-то хихикнет. Так и с Мишкой выходило, не умел он развеселить, слишком серьёзный был, – уж точно не по годам.

Да, пока он всё это рассказывал, заикаясь, делая длинные паузы, я молчал и напряжённо, до боли в висках думал о том, с чего бы Мишка затеял этот разговор.

Я смотрел, как он, жестикулируя, изображал убегающего Колу, и понимал, что лучшего друга у меня не было на всём белом свете.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Солнце поднялось высоко и уже припекало, гудели ноги, проснувшиеся оводы налетали, как бомбардировщики, и так и норовили ужалить в потную спину, но мы упорно тащили лодку против течения; Хас – по берегу, а мы втроём – по колено в воде. Лодка была тяжёлая, а течение здесь, на середине реки стремительное, поэтому нам пришлось попахать.

– Раз, раз, раз-два-три! – командовал Марио.

Мы делали несколько шагов, останавливались, потом делали ещё несколько шагов, потом ещё...

Протащив лодку метров сто, мы даже разогнались, но посадили её на мель и долго стаскивали, так запарились, что пришлось окунуться, да и жара усилилась. Всё бы ничего, но я сильно расцарапал ногу о корягу, обросшую ракушками, и ступня саднила. Я осматривал ногу, пытаюсь обнаружить царапину или порез, но вода быстро смывала кровь.

Марио командовал с удовольствием, его потная шея и затылок всё время маячили у меня перед глазами, а от тела шёл резкий, специфический запах. Я вдруг вспомнил, что девчонки всегда отворачивались и демонстративно зажимали носы, когда он, разгорячённый, вбегал в класс после перемены. Марио расстраивался, но нам было всё равно. Он был наш друг, а это главное.

Моя капроновая верёвка, которую мы привязали к кольцу на носу лодки, выскальзывала и больно врезалась в ладони. Рядом кряхтел Мишка, лицо его покраснелось, краснота проступила даже через загар на шее. Судя по всему, он и думать забыл о нашем разговоре. Зато Хас, чьё белое, оплывшее с боков тело подрагивало, как желе, при каждом шаге, по-моему, только изображал усилия. Пару раз он даже упал на колени, поскользнувшись на мокром песке, но толку от него было мало.

После каждого такого падения Хас вскакивал, чертыхаясь, сплёвывал, и плевки летели прямо ему в лицо, потому что свежий ветерок дул нам навстречу.

– Эй, Хас, не сачкуй! – кричал ему в спину Марио.

– Да пошёл ты! – огрызался Хас.

Наконец мы добрались до северной оконечности острова, описали полукруг на отмели и втащили лодку на берег.

– Та-ак, – запыхавшись, протянул Мишка, – перекур.

Он достал из рюкзака сигареты и выдал нам по одной.

– Забычкуйте, осталось всего пару штук, – добавил он.

Мы с наслаждением задымили, Марио баловался, пускал дым кольцами, но ветер быстро рассеивал их. Хас сосал сигарету, как соску, зря только табак переводил.

Он как-то странно вёл себя. Смутное подозрение мелькнуло у меня в голове, но я отмахнулся, вспомнив, сколько всего мы вместе натерпелись.

– Ну что, пора? – поднялся я. – Надо торопиться, а то скоро патрули на реке появятся.

– Ребзя, я сейчас, – на ходу расстёгивая джинсы, убежал Марио в кусты.

Хрустнула ракушка на песке, и через мгновение за ним сомкнулись ветви дикого винограда. У Марио была какая-то болезнь, ему нужно было часто бегать по-маленькому.

Прошло пару минут, я затушил сигарету и положил бычок в карман. Мы быстро побросали рюкзаки в лодку. Хас уселся на корму и настороженно поглядывал по сторонам – ему первому надоело ждать:

– Эй, Марио, ты где там?

– Марио?! – позвал вслед за ним Мишка.

В ответ – ни звука.

– Вот шизик, – ругнулся Мишка. – П-пойду посмотрю, где он там.

– Я с тобой, – бросил я ему вдогонку.

– А я? – вскочил Хас.

Пошатываясь, он перешёл на нос лодки и спрыгнул на берег.

Вместе мы пересекли пляж, раздвинули кусты и сразу увидели Марио, он стоял к нам спиной. Впереди, на сухом жёлтом песке, греясь на утреннем августовском

солнце, лежала гадюка. Это была явно гадюка, потому что у неё не было жёлтых пятнышек на затылке, как у ужа.

Когда мы с шумом раздвинули ветки, она угрожающе зашипела и стала собираться кольцами, подняв свою маленькую голову, и в её пасти страшно затрепетал раздвоенный язык. Марио стоял, не шелохнувшись. Мы сами на мгновение оцепенели.

Он, видимо, не заметил змею, когда вышел из тени на полянку, солнце – оно как раз поднималось напротив – ослепило его. Марио стоял в полуметре, справа от меня, рот чуть полуоткрыт, верхняя губа дёргается... Он не шелохнулся, когда мы с шумом и треском вломились на полянку. У меня перехватило дыхание. Змея шипела, ярилась и готовилась дать нам отпор, её глаза были холодны, как лёд на дне самого чёрного колодца зимой, и казалось, будто это не я, это кто-то другой смотрел через меня в эти глаза смерти.

Хрустнул сучок под ногой у Хаса. Мишка схватил его за руку, и тот замер, скривившись от боли. Казалось, ещё мгновение, и змея атакует. Я слышал, как гулко стучала кровь в висках, и в голове вспыхивала только одна жаркая, как солнце, мысль – бежать, бежать, бежать.

И вдруг я замечаю, как Мишка медленно, очень медленно наклоняется, и также нестерпимо медленно поднимает длинную сухую жердь, потом неожиданно делает выпад, отталкивает остолбеневшего Марио в сторону, прямо на меня, я хочу кричать, но цепенею, и в тот момент, когда гадюка кидается, Мишка успевает ей прижать голову к земле. И только тогда я слышу его хриплый голос, срывающийся на крик:

– Тим, дай камень, ка-амень!

Я помню, как всё вокруг завертелось, заходило ходуном, как с шумом и грохотом, спотыкаясь и падая, рванули из кустов Хас и Марио, я помню, как сунул Мишке обломок сухого пня, неведь откуда там взявшийся, я помню эти прыгающие, рвущиеся из-под ветки кольца, будто кипящее олово, я помню, как Мишка колотил по этой маленькой голове, и один голос во мне кричал всё время: «Беги, беги отсюда», а другой кричал: «Стой и смотри». И второй голос победил, и я остался. И

смотрел, и смотрел, как Мишка бил по этой маленькой юркой голове, а потом отскочил в сторону, тронул змею веткой, и она не двигалась. Тогда он поддел её, и она повисла теперь на ветке, как плеть.

– Чего ты, что, змеи не видел?!

И тогда то, что содрогалось у меня в желудке, окончательно взбунтовалось и, обжигая горло, рванулось наружу, и меня стало рвать сильно, больно, до желчи.

И Мишка, счастливый победитель, чуть ли не напевая, побежал к Хасу и Марио, волоча за собой на ветке метровую змею, а я не мог остановиться, я стоял на коленях, упершись лбом в холодный песок, и сотрясался всем телом, меня рвало до слёз. Поверьте, мне никогда не было так плохо. Никогда, поверьте.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Марио сидел у лодки и плакал. Трудно было поверить, что Марио, наш Марио, который мог прыгнуть с любой высоты и залезть на любое дерево, так испугался.

– Ну, успокойся, ну, вот, с-смотри, что мы с ней сделали, – успокаивал его Мишка, обняв за плечи.

От змеи остались одни обрубки. Рядом валялась сапёрная лопатка. Но Марио долго не мог успокоиться, его била мелкая дрожь, плечи вздрагивали, особенно когда он всхлипывал на вздохе. Как заводной, он повторял:

– Отец всегда говорил: сынок, самое опасное – это змея. Она подползает незаметно, и от её укуса нет спасения.

Мы с Мишкой переглянулись, и я криво улыбнулся. С каким-то странным чувством опустошённости я смотрел на останки змеи, на её ромбовидную голову, которая лежала отдельно, почти засыпанная песком, на её страшный глаз, и мне казалось, что жёлтое веко вокруг него ещё подёргивается.

Во рту противно пекло и горчило, я хотел подойти к воде, чтобы прополоскать рот, но этот чёрный глаз гипнотизировал, и я не мог сделать ни шагу.

Хас вновь забрался в лодку и сидел на корме, подняв ноги на скамейку и уткнувшись лицом в колени. Он был потрясён, молчал и украдкой, с любопытством поглядывал на Марио. Время от времени он окунал руку в воду и смачивал себе затылок.

А Марио всё повторял:

– Бойся змеи, бойся змеи, – говорил отец.

– А п-помнишь, как мы подложили капсюль под стул Пьере, помнишь, как она подпрыгнула, когда он грохнул? – спросил его Мишка.

Я вспомнил. Нас ещё тогда, всех мальчиков, допрашивали с пристрастием в кабинете директора, не допрашивали, а, можно сказать, пытали. И мы все догадывались, кто это сделал, но молчали.

– А помнишь, как ты выиграл у Колы в секу, а он не отдал долг, и мы тогда стырили у него щенка питбуля и п-продали его.

– Не питбуля, а ротвейлера, – шмыгнул носом Марио.

– Да, точно, ротвейлера, – Мишка подмигнул мне, подобрал сапёрную лопатку и позвал его, – п-подойди, не бойся.

Марио послушно поднялся, он почти успокоился, только шмыгал носом.

– На, возьми.

Марио долго смотрел на лопатку, потом на Мишку, не понимая, чего от него хотят.

– 3-закопай её, ну, давай, не бойся.

Наконец Марио понял. Осторожно ступая босыми ногами, он обошёл ещё шевелящиеся, как мне казалось, обрубки змеи, а потом с неожиданной яростью начал копать. Песок был мягкий, поэтому за пару минут он зарылся на полметра.

– Хватит, хватит, – останавливал его Мишка.

Но Марио будто не слышал его, он копал и копал. Тогда Мишка подошёл к нему и резко встряхнул за плечи.

– А теперь брось эту гадость в яму!

Трясущимися руками, с блестящим от пота лицом, Марио поддевал обрубки лопаткой и бросал их в ямку, потом он лихорадочно её засыпал, и только после этого лицо его прояснилось, и он немного повеселел.

А вот мне было не по себе, тошнота вновь стала подступать, когда я представил, как вновь возьму эту лопатку в руки. Перехватив мой взгляд, Мишка спокойно забрал у остолбеневшего Марио лопатку, подбросил её, ловко поймал, и, подойдя к воде, начал чистить лезвие песком. Я отвернулся, – звук был такой, что внутри всё переворачивалось.

Потом Мишка вымыл руки и кинул лопатку на дно лодки. Она с грохотом упала рядом с Хасом, и тот испуганно поджал ноги.

– Эй, п-парни, а не перекинуться ли нам в картишки, – хохотнул Мишка, – может, проверим, кому фарт сегодня, а?

Но нам-то было совсем не смешно. Я всё ещё переминался с ноги на ногу, не зная, что теперь делать. Так я и стоял бы, наверное, ещё час, но вдруг почувствовал, как кто-то стукнул меня в плечо, да так больно, что я вскрикнул. Так больно мог стукнуть только Марио. Он бил в самую болевую точку на мышце, и боль была резкая и острая.

– Очнись, Тим, замёрзнешь.

Я его оттолкнул, и он отскочил, как кот, проворный, гибкий.

Несколько минут мы сталкивали лодку с берега.

– На три, – скомандовал Мишка.

– Раз, два, три! – закричали мы хором, и лодка шумно съехала на воду.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Оранжевый диск вспыхнул лучисто и поплыл над горизонтом, наливаясь золотом, пока не превратился в огненный шар, окутанный дымным ореолом. От воды поднимался стеклянный пар, не туман, а более лёгкая, прозрачная, зыбкая взвесь. Течение нас разворачивало.

– И раз, и раз, и раз! – звонко выкрикивал я, вкладывая всю силу в гребок.

Мы с Мишкой гребли по левому борту, стараясь держать лодку под углом к течению, а Марио – по правому. На берегу мы наметили себе небольшую бухту, укрытую вербами.

– И раз, и раз, и раз! – командовал я, чувствуя, как пощипывает ладонь, на которой лопнула мозоль.

Вода просачивалась сквозь днище, но теперь Хас успевал её вычерпывать.

Уже стали видны норки ласточек на крутом глинистом склоне и корни осин и дубков, вцепившихся в карниз обрыва.

– Смотрите, что это?! – указал Хас на пучок соломы, который пересекал нам курс.

– Притормози, – попросил Мишка.

Я стал табанить, подгребая, чтобы лодку не развернуло течением. Пучок соломы был уже почти рядом, когда Хас вскочил и заверещал так, будто его задницей посадили на сковородку:

– Утопленник! Утопленник!

– Да сядь ты, чего р-разорался! – прикрикнул на него Мишка.

Он подтянул пучок к борту, – неожиданно тот перевернулся.

– А-а, мамочка! – взвыл Хас.

– Смотри, как разбух, – шумно дыша, проговорил Марио.

Он, как пиявка, впился взглядом в синюшное, одутловатое лицо утопленника, один глаз которого закатился, а другой смотрел прямо на нас.

У меня возникло странное ощущение, что где-то я это лицо видел, и видел совсем недавно.

– Да бросьте, бросьте вы его, – просил Хас.

– Слушайте, пацаны, а давайте его к берегу оттащим, – предложил я.

– А что, д-давай, – загорелся Мишка.

– Да бросьте вы его, потом не отмажемся, – подпрыгивал на скамейке Хас.

Пока мы спорили, течение относило нас всё дальше к крепости.

– Привязывай к корме, – кивнул я Мишке.

– Что вы делаете?! – вскочил вновь Хас, и лодка так накренилась, что он чуть не вылетел за борт. Марио успел схватить его за руку и толкнул на скамейку.

– Да усохни уже, дебил, ты что хочешь, чтобы мы тоже так плавали?!

Хас как шлепнулся на скамейку, так теперь и сидел там, отвернувшись, всем своим видом показывая, что он не хочет больше участвовать в этом деле.

Тем временем Мишка отвязал верёвку с носа лодки, ловко накиннул её на утопленника, и стал подтаскивать его под корму, но сильное течение мешало, и всё время волна с глухим стуком била того головой о борт, и после каждого такого удара Хас повторял:

– Бросьте его, хуже будет, бросьте его!

Наконец Мишка подтащил тело, выбрал верёвку и уже стал привязывать её конец к кормовому выступу, как вдруг совсем близко послышался рокот мотора. Звук будто выпрыгнул из тишины и стал стремительно приближаться.

– Бросай его, бросай, Мишка! – крикнул я.

– А, чёрт с ним! – ругнулся тот и бросил конец верёвки за борт, течение быстро развернуло утопленника и понесло дальше.

Мы кинулись к «вёслам» и стали грести, что есть мочи.

Вот уже показалась песчаная отмель, прибрежные кусты, и мы сходу врезались в берег.

Нас так швырнуло, что я не удержался и вылетел за борт. От неожиданности я даже не успел вскрикнуть и наглотался воды, – вода была липкая и отдавала тиной и машинным маслом. Мишка помог мне выбраться.

– Скорей, Тим, скорей.

Гул моторки раздавался совсем близко.

Мы втащили лодку в кусты под ивой, укрыли её ветвями, а сами, упав на траву, с замиранием сердца стали следить за протокой.

– Вот они! – выдохнул со свистом Марио.

По протоке на катере неслась целая толпа народу.

– Полиция. Сцапали бы нас, как лопухов, – бросил сквозь зубы Хас.

– Да... – протянул Марио. – Повезло.

На фуражках блеснули кокарды. Но вот что странно, они искали совсем не того, о ком мы думали. Они быстро пронеслись мимо того места, где мы спрятались, и исчезли из поля зрения.

– Вот тупари! – ругнулся Мишка. – У них что, биноклей нет?!

– Может маякнём им как-то, а, Мишка? – предложил я.

– Да ну их, пусть сами ищут, мне эта полиция вот где, – провёл он рукой под подбородком.

Совсем близко от нас зеленел наш остров. Повсюду щебетали птицы, слепило солнце, отражаясь острыми сверкающими бликами от зеркальной глади реки. Утренний ветерок стих, и духота вновь стала набирать силу.

– Сколько нам ещё топать, как думаешь? – повернулся я к Хасу.

– Не знаю, – пожал он плечами, – они говорили, курган недалеко от крепости.

Но я не почувствовал уверенности в его словах, честное слово, совсем не почувствовал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Как мы и рассчитывали, нам удалось причалить вне запретной зоны. Мишка прилёг в тени под ивой и пытался раскурить бычок. Спички отсырели, он чиркал ими о тёрку, они ломались, и он с раздражением бросал обломки в реку, а течение уносило их к крепости.

Крепость была построена турками ещё в шестнадцатом веке. Со всех сторон её окружал высокий земляной вал и глубокий ров, с юго-востока по фронту защищала река. С места, куда мы причалили, был хорошо виден нижний замок в виде длинной каменной стены с круглой башней.

На ней показались фигурки людей, донеслись отголоски музыки.

– Ч-чего это они там засуетились? – выпустил кольцо дыма Мишка.

– Наверное, на смену заступают, – предположил я и подсел к нему.

Ноги гудели от усталости, поэтому я опустил ступни в воду и откинулся на траву. Вода была тёплая и прозрачная и приятно ласкала ступни, приятная истома разливалась по всему телу. Высокие стебли травы колыхало течение, и к ним на глубине подплывали мальки, взмахивая плавниками.

– Сматываться надо, – Мишка взглянул на меня. – Эй, Марио, – позвал он. – Где там головань?

Марио свистнул один раз, другой, третий. Свистел он тихо, но пронзительно, с шипением, свистел так, что свист пробирал до костей, до кончиков пальцев, так свистел, что во рту появлялся металлический привкус. Противно свистел, надо сказать.

– Хас! – позвал я негромко.

– Ч-чёрт, куда он делся?! – крикнул Мишка. – Марио, иди, посмотри, где он там.

Марио сразу сник. Показалось, что даже слёзки заблестели в уголках его глаз, но он сжал кулаки и пошёл, пошёл намеренно медленно, вразвалочку.

Неожиданно, ломая кусты, с шумом и треском, на прогалину выпрыгнул Хас. Лицо у него было такое, будто за ним гнался динозавр. Трудно было ожидать такой ловкости и прыти от этого увальня, но он так ловко кувыркнулся, что любой тренер по айкидо захлопал бы в ладоши.

Вскочив на ноги, он подбежал к нам и, ловя ртом воздух, стал показывать в сторону кустов.

– Да скажи уже, что случилось? – тронул его за руку Марио, отчего Хас отскочил от него на полметра и дико выпучил глаза, будто видел его впервые.

– Он, он там... – выдохнул Хас.

– Кто, кто он? – попятился Мишка от Хаса, который вдруг пошёл на него, подняв руки с растопыренными пальцами.

– Утопленник! – взвизгнул Хас.

– Где-а? – протянул удивлённо Мишка. – Да не трусь ты, почтальон, д-давай веди нас.

Птицы щебетали, как сумасшедшие. Гуськом мы пробирались через заросли, стараясь двигаться как можно тише. На этот раз Марио выпала роль замыкающего, и он всё время подталкивал меня.

Из-под ног вспорхнули воробьи, обдав нас ветерком, над рекой вновь стремительно зачертили ласточки. С востока наплывало косматое сизое облако, оно накрыло серой пеленой солнце. По кронам деревьев пробежал ветерок.

– Где он? – обернулся Мишка к Хасу, когда мы обогнули кусты бузины.

– Там, – показал в сторону реки Хас.

Не знаю почему, но в этот момент мне вдруг стало смешно. Ощущение было такое, будто кто-то другой следил за мной, следил за нами, то ли я, то ли не я, и от этого внутри вдруг стало щекотно, и смех сам выскочил из меня. Да, я вдруг увидел нас со стороны, четверых перепуганных полуголых мальчуганов со всколоченными волосами, – и я рассмеялся.

Я рассмеялся так неожиданно, что Марио, который шёл следом, отскочил и ошарашенно уставился на меня, а я раскачивался и смеялся, хватаясь за живот.

– Тим, что с тобой? – спросил удивленно Мишка, – ты что, парень?

– Галюники смешливые наехали, – потряс я головой, и мы пошли дальше.

На мелководье, у самого берега, лежал утопленник. Вода подтекала под волосы, шевелила их, и это создавало жуткое впечатление.

Поток, видимо, развернул и выбросил тело на берег, потому его и не заметили с катера.

Мы остановились поодаль, не решаясь приблизиться.

– Давай перевернём его, – вдруг предложил Марио.

– Не т-трогай, – остановил его Мишка.

– Почему?! – Марио вошел в азарт, африканские ноздри его раздувались, глаза мерцали антрацитовым блеском. Он чуть из штанов не выпрыгивал доказать, какой он смелый. Но нам-то всё это было до лампочки. Мертвеца мы видели впервые.

– А вдруг он заразный, – выдал свои опасения Хас.

И, кажется, именно тогда я по-настоящему понял, во что мы все вляпались.

– Я возвращаюсь, – глухо произнёс Хас.

– Что-о? Куда? – повернулся к нему Марио.

– Куда, куда. Домой. С меня хватит.

– А как же клад? – спросил я и заметил, как у него забегали глазки, но, видимо, на этот раз страх пересилил жадность, потому что он в отчаянии рубанул по воздуху кулаком и отрезал:

– Хочешь сам так плавать?!

А потом я вдруг сделал такое, от чего до сих пор содрогаюсь. Неожиданно я подошел к утопленнику и перевернул его.

То, что мы увидели, повергло нас в ужас. У него не было того, что находится у всех у нас между ног, будто кто-то отсёк это грубым мясницким ножом. Там зияла кровавая рана, не рана, а дыра, чёрная, глубокая и страшная. Разрез шёл к животу, и из вспоротого живота вывалились кишки, и от тела шёл очень тяжёлый дух.

– Сом пожрал, наверное, – глухо обронил Марио и сглотнул.

– Или раки, – произнёс я механически.

– Или раки, – эхом отозвался Мишка.

Приблизился Хас, он мельком взглянул на утопленника, а потом его затрясло.

– Зачем вы его трогали? Зачем, зачем вы его трогали?! – взвизгнул он, схватившись за горло. – Да вы хоть знаете, кто это?!

И если до сих пор я ещё крепился, то теперь у меня всё поплыло перед глазами, и желудок вновь стал сокращаться в спазмах, но я сдержался. Глотая воздух и страшно потая, я отвернулся и повторял про себя всё время: «Держись, Тим, держись!»

Я помню эту фразу из детства, из того детства, когда отец ещё катал меня на санках, и однажды мы с ним поехали на Суворову Горку, и, летя по снежному скользкому склону, санки вдруг свернули в овраг, и уже падая, я успел схватиться за стебли травы, торчащие сквозь мёрзлый наст, и санки полетели вниз, а я висел, висел, и когда отец подбежал, он повторял всё время: «Держись, Тим, держись!».

А потом он крепко и радостно целовал меня в щёки, и нос, и всё время гладил по голове. А после того, как достал со дна оврага санки, он бегом вёз меня домой по заснеженному шоссе несколько километров.

Я помню, как сверкал снежный ветер в наплывающем сумраке зимнего вечера, как мигали фонари вдоль дороги, и смеющееся лицо отца, когда он подбрасывал радостно шапку вверх, ловил её и кричал мне оборачиваясь: «Держись, Тим, держись!»

Тогда я не понял, почему он так радовался и какой опасности мне удалось избежать, я только понял, что нужно держаться изо всех сил, когда становится тебе невмоготу или когда тебе тошно, и тогда какая-то сила обязательно тебя поднимет и вынесет, вынесет обязательно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

– Это же двоюродный брат Колы, Витька Меркулов! – тихо произнёс Хас, попятившись.

И точно, я сразу вспомнил его. Он окончил недавно школу и работал охранником в зале игровых автоматов, который держал Шеф. Не раз я заставлял его там, когда он, вращая ключи на пальце, прогуливался между «однорукими бандитами». И хотя, наверняка, ему перепало с барского стола за верную службу, но всё же он держался всегда в тени, не задавался. Кола, по сравнению с ним, был дерзкий, отвязный тип. Они были не особенно похожи, но что-то общее в лице всё же было.

Но сейчас, конечно, Витьку было трудно узнать. Что говорить, мы струхнули по-настоящему. Шутки закончились. Что там собаки, что там змеи по сравнению с холодным, исполосованным трупом парня, которого ты видел живым всего пару недель назад.

– Надо возвращаться, пока не поздно, – повторял Хас.

– Кто ж его так, а? – взглянул на меня Мишка.

– Мало ли, – пожал я плечами. – Ты не знаешь, у родственников Колы нет дачи поблизости? – повернулся я к Марио.

Тот пожал плечами, а потом вдруг сказал:

– Слушайте, а что если Кола проболтался о кладе, вот Витьку и порешили при дележе. Курган-то где-то там, – указал он вверх по течению.

– Что будем делать, а? – обвёл я всех глазами.

Мишка нервно грыз ноготь, Марио притих, а Хас махнул рукой и сказал:

– Делайте что хотите, я возвращаюсь.

Его трясло, как в ознобе, хотя парило нестерпимо. Мы все истекали потом, а его колотило, будто он голышом оказался на Северном полюсе.

– Куда, куда ты возвращаешься?! На остров? Заварил кашу, а теперь в кусты. Сцыкло дебильное! – набросился на него Марио.

– Заткнись! – прикрикнул на него Мишка. – Ч-чего привязался?

Он подошёл к телу, которое мерно покачивалось на мелкой зыби, дотронулся до него ногой. Оно чуть колыхнулось. Постояв несколько секунд в задумчивости, Мишка обернулся и сказал:

– С-спрячем его пока здесь, а в милицию потом позвоним, когда дело сделаем.

– Правильно, – кивнул Марио.

– Тим, Марио, помогите, – бросил Мишка вполоборота, склонившись над трупом.

И пока ошалевший Хас стоял в стороне, мы перетащили труп под раскидистую иву и быстро забросали его ветками – получился небольшой стог.

– Ну что, Сусанин, ве-ди, давай, – повернулся Марио к Хасу, вытирая лоб. – Я возвращаюсь, я возвращаюсь, – передразнил он его и ещё раз прижал набросанную сверху листву.

Но Хас даже не взглянул на него. Он обречённо махнул рукой и пошёл к нашей стоянке.

Мне и самому было не по себе, мало сказать, мне было очень плохо, хотелось и плакать, и смеяться, и никак я не мог избавиться от того другого, который вдруг стал вновь следить за мной.

Честно говоря, теперь мне было всё равно, куда идти и зачем. Мне жаль было этого парня, который лежал там, на берегу, присыпанный ветками. Я всё представлял, как страшно ему было тонуть в реке, и дыхание у меня перехватывало.

Я всё ещё брёл куда-то за товарищами по тропинке, петляющей между деревьями, мы поднимались по глинистому косо-гору, и потом двигались в тёмном, душном сумраке утреннего леса прямо через колючие, фиолетовые дуги ежевики, спотыкаясь и на ходу запихивая в рот кисловатые чёрно-бурые ягоды, не обращая внимания на оскомину, от которой скоро заныли скулы и зашипало язык. Я всё ещё шёл за ними, пронизанный солнечными лучами, птичьим щебетом и острыми, терпкими запахами августовского леса, я шёл за ними и почти плакал, слёзы невольно наворачивались мне на глаза... Я чуть не рыдал от отчаянья.

Недавно доктор сказал, что я иду на поправку.

– Понимаете, – сказал он мне и посмотрел на свои отполированные ногти. – У некоторых людей иногда проявляется такой феномен, как раздвоение личности, – он сделал многозначительную паузу, выжидая, пока я понимающе кивну, и продолжил:

– И вообще, шизоидность – это особенность любого творческого человека, плохо только, если она перерастает в шизофрению.

«Вот же гад, – подумал я, сидя под кондиционером в его сверкающем кабинете, – плети, плети, не верю ни единому твоему слову».

Всё время они пичкают меня какой-то дрянью, от которой голова делается ватной и пустой, а в сон проваливаешься, как в пуховую перину. Всё время они меня уговаривают, что я скоро поправлюсь, и голоса больше не будут преследовать меня.

Когда я бунтую и кричу, что я здоров, что мне просто нужно выплеснуть эмоции, они мне отвечают, мол, да, да, мы всё понимаем, вот поэтому мы и хотим вас немножечко подремонтировать. Они пытаются внушить мне, что я – кретин. А я – не кретин, я просто хочу во всех подробностях вспомнить, что со мной случилось когда-то.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Солнце поднялось уже высоко, а мы всё шли и шли по лесу. Сквозь листву пробивались яркие снопы света, и солнечные зайчики прыгали повсюду, то замирая, то ускоряя свой бег. Ветер усилился, но в лесу особенно парило, и пыль на тропинке курилась под ногами, как порох.

Когда туча, которую мы недавно заметили, укрыла южную часть небосклона и, набухая грозой, стала яриться в золотисто-оранжевых всполохах, мы сделали привал, и пока лежали и смотрели на громоздящиеся в вышине сизо-фиолетовые дымные башни, я почувствовал, как по шее ползёт божья коровка, взял её, посадил на палец и проговорил: «Божья коровка, полети на небко, там твои детки кушают котлетки». Затем подул на неё, но она не улетала, крепко уцепившись лапками за кожу, но вотдохнул ветер, и её крылышки замелькали в воздухе, а глаза от усталости начали сами закрываться, и чей-то голос вдруг произнёс: «Ты должен встретить одну из моих дочерей и полюбить её».

Раздался гул, и меня унесло в темноту, возникло лицо, изборождённое глубокими морщинами, лицо, у которого вместо глаз зияли два чёрных провала. Тонкие нити липкой паутины тянулись в темноту, опутывали меня, пласты бурой глины отпадали с этого лица, я пытался перекреститься во сне, как меня это учила

делать бабушка, но рука онемела, я не мог и пальцем шевельнуть, а голос повторял вновь и вновь: «Ты должен встретить одну из моих дочерей и полюбить её».

Я очнулся оттого, что кто-то дёргал меня за руку.

– Тим, в-вставай, надо идти, – склонился надо мной Мишка.

Как лунатик, я поднялся и поплёлся за остальными.

Теперь, к полудню, стало ясно, что мы заблудились. Но это меня мало тревожило, я то и дело смахивал с лица паутину сна, вздрагивал от каждого шороха и всё думал, чтобы мог значить мой сон, и уже хотел рассказать об этом видении, когда мы вдруг остановились, и Мишка сказал:

– С-стойте, куда мы тащимся, курган же где-то на берегу?!

– Да, да, – закивал Хас, – там дубы ещё должны расти.

Я осмотрелся. Вокруг росли только осины, дикие акации, пару клёнов да ежевика.

– Сейчас выясним, где мы, – засуетился Марио, – секундочку, ребзя.

Сбросив рюкзак на землю, он стал взбираться на осину, крона которой терялась высоко в небе. Мы с восхищением следили за его движениями; я вновь почувствовал, как закружилась голова, дыхание участилось, и вновь поплыло на меня лицо гетмана.

– Берег недалеко, а кургана не видно, лес как стена! – крикнул, спускаясь Марио.

– Может, он дальше, на север, – обронил Хас.

Пахнул свежий порыв ветра, листья деревьев затрепетали с сухим шелестом. Вдруг всё затихло: шорохи, звуки, птичий гомон. Запахло прелью. Я поднял лист клёна, надкусил его и пожевал, – он был терпкий и вязкий на вкус.

Под ногами хрустели прошлогодние семена акаций. Неожиданно ещё один порыв ветра пробежал по кронам, воздух наполнился свежестью и замерцал в медном сумраке леса.

– 3-значит, ничего не заметил? – спросил Мишка.

– Какое там, сплошной лес, – махнул рукой Марио.

– Сворачиваем к реке, – предложил Мишка.

Чумазые, запылённые по самую макушку, с воспалёнными глазами, нечёсанные, мы походили на обезьян, пробирающихся через чащобу на тропическом острове. Вдалеке гроыхнуло, глухой, раскатистый удар потряс небо. Молнии мы не увидели, но над нами сверкнуло так, что заныло под ложечкой.

– Скорей, скорей, на открытое пространство! – закричал Хас. – Молнии бьют в деревья! Бежим, скорее!

Перепрыгивая через поваленные стволы и сухой валежник, мы понеслись к берегу.

Хас опередил нас. Он нёсся вперед, как жираф, прыжками, с такой скоростью, что мы не сразу его нагнали.

Вновь гроыхнуло – треснуло так, что в ушах зазвенело.

– А-а-а! – кричал Марио.

Теперь он летел впереди всех. Наконец, с визгами и криками, мы выбежали на край обрыва. Громадная туча затянула полнеба. Река бурлила. Ветер трепал деревья, рвал листву и бросал её пригоршнями в лицо. Листва кружила в фосфоресцирующем воздухе, налипая на глинистый склон, на стволы деревьев, на траву под ногами. Теперь удар следовал за ударом. Помню округлённые глаза Марио.

Вот он прыгает и начинает съезжать по склону, за ним поднимается желтоватый столб пыли, следом прыгает Мишка – на корточках съезжает к кромке воды; долго возится Хас, наконец, и он прыгает, опрокидывается навзничь и несётся вниз, подпрыгивая на выбоинах.

Вот уже их фигурки маячат далеко внизу, Мишка машет мне, кричит, но слов не разобрать. Я бросаю рюкзак вперёд, синий сполох трезубцем пронзает чёрную тучу, жёлтый взрыв, я прыгаю, хлёсткий ветер бьёт по щекам... Внизу я не удерживаюсь и падаю, успеваю выставить руки, меня подхватывают, Мишкино лицо, вновь взрыв. Я читаю по его губам слово «укрытие», мы бежим, ветер сбивает дыхание. Мы бежим по сухому, белому песку, спотыкаемся, падаем, снова бежим.

Неожиданно ветер стихает, и тяжёлые, как градины, капли, ударяют по листве, насыщая влагой песок и глинистый склон. Начинает пузыриться вода в реке. Где-то вверху лопнуло с треском дерево, а потом огромный кряжистый дуб стал падать на нас своей раскидистой кроной. Дерево падает, а мы не можем сделать ни шагу, стоим и смотрим, как оно падает на нас, осыпая градом листьев и желудей, и кажется, что вот сейчас оно обрушится на нас ветвистой кроной и навсегда погребёт под собой.

Но вдруг тёмно-зелёный шатёр зависает над краем обрыва.

– Вот оно, вот оно! – визжит Хас, перекикая шум грозы. – Это здесь, это здесь!

– Ты что, рехнулся?! – кричит Мишка.

– Молния, молния, там есть металл, молния метит клады! Это здесь, здесь! – Хаса трясёт, мокрые волосы облепили шишковатый лоб, – это здесь, это здесь!

Мы карабкаемся по откосу, и вдруг меня откидывает назад, перед глазами мелькает жёлтая сетка, я вижу каждую трещинку на земле, каждую травинку, как сквозь увеличительное стекло... Будто током прожигает мозг, и я припадаю к холодному откосу, замираю на секунду и шепчу: «Мама, мамочка, спаси меня». Я припадаю к земле, как ящерица, впиваюсь в неё ногтями, я впаиваюсь в неё, как расплавленный свинец, хватаюсь цепко за бурьян, который глубоко врос корнями в склон, и жёлтая сетка только на миг, на миг вспыхивает и гаснет.

– Давай, давай! – кричат Мишка и Марио, схватив меня за руку.

Мгновение – и я падаю лицом в мокрую траву, и тягучая, вязкая тишина наполняет теплотой голову...

Я приподнялся – недалеко от корневища, выпроставшего из-под земли скользкие свои щупальца, лежало то, что мы так долго искали.

Говорят, что дубы стоят и по семьсот лет. Я не знаю, сколько было этому гиганту, но то, что он пережил тысячи бурь, – это уж точно.

Дерево было такое огромное, что, даже разбитое молнией, оно всё равно заслонило кроной полнеба. Густая листва задерживала дождь, а ствол и впятером

можно было не обхватить. Кора дерева была вся в трещинах, рытвинах, два огромных дупла зияли там, где ствол расходился на ветвяные потоки.

Впереди, недалеко от расколотого молнией дерева, лежал мокрый от дождя камень, его поверхность отливала свинцом, а сколы и грани поблёскивали, как кварц. На верхнем фесе виднелась почти стёртая надпись, похожая на арабскую узорчатую вязь.

Марио обошёл камень и восхищённо погладил его.

– Неужели мы нашли?

– Нашли, – отозвался Хас.

– Йес! – вскинул Мишка кулак.

– Ура-а-а! – победно закричал Марио, и его крик врезался пронзительной нотой в монотонный шорох дождя.

Спустя мгновение Мишка подрубал дёрн лопатой Марио, Хас долбил землю ледорубом, сам Марио рыл Мишкиным стилетом, а я орудовал сапёрной лопаткой, забыв, что недавно содрогался от одной мысли прикоснуться к ней.

Земля была рыхлая, ещё не размокла, поэтому поддавалась легко. Нам и в голову не приходило, что можно переждать, что ливень скоро закончится. Лихорадка трясла нас, и мы копали и копали. Но дождь всё не стихал, вновь гроыхнул раскат грома, и тут раздался возглас Марио:

– Вот он, смотрите!

На глубине чуть больше метра лежал череп. Мне померещилось, что внутри него что-то шевелится.

– У-хы! – вцепился Хас в плечо Марио.

По шее у меня забегали мураши, мелькнули перед глазами зелёные искорки дурноты и тотчас растаяли; я хотел крикнуть, но распухший язык будто прилип к нёбу.

– Давай, давай! Там что-то есть! – воскликнул Марио, оттолкнув Хаса, ноздри у него раздувались, а мокрое от дождя лицо лоснилось, как печёное яблоко, облитое сахарным сиропом, глаза-сливы блестели.

Уже и не помню, сколько я махал ледорубом Хаса. Помню, что в какой-то момент он сменил меня, размахнулся, – и сразу ледоруб звякнул и отскочил со скрежетом.

Мы очистили от земли крышку сундука, кованую железом; мы попытались его приподнять, но не смогли даже сдвинуть, так он закис в земле. Дождь хлестал, не переставая. Вода срывала листья и веточки, и мы затапывали их в чёрную жижу ямы. Ветер подсекал дождевые нити, и они больно жалили нас, врываясь под крону. Схватившись за нижний край сундука, я обломал ноготь на безымянном пальце, но боли не почувствовал.

Наконец нам удалось приподнять сундук – показались обрывки полусгнившей одежды, на мгновение мы отпрянули, но Мишка крикнул:

– В-вытаскиваем!

И мы, теснясь, и мешая друг другу, рванули сундук от земли.

Ещё один мощнейший громовой раскат потряс небо.

– А-а-а! – закричали мы, слившись в едином усилии, привалили сундук к краю ямы и едва удерживали; ноги скользили в жидкой грязи.

Я ещё успел заметить, как Мишка открыл рот, как вдруг из зарослей послышался пронзительный визг:

– Уи-и-и!!!

Именно так визжала свинья, которую зарезали у бабушки во дворе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

– У-и-и-и!!! – это был визг Жосана.

С ним были Кола, Егор, Радик Липский и ещё пару парней. И – с ними была Лера.

Она шла чуть поодаль от Жосана, и хотя лицо её скрывал капюшон штормовки, я узнал её.

Они напоминали водолазов, крадущихся по дну моря среди коралловых зарослей; их скрывало поваленное дерево, поэтому мы их и не заметили сразу.

– Нашли-и-и! – верещал Жосан. – Нашли, засранцы! Решили мой клад заграбастать?! Это какая же крыса пронюхала, а, Кола? – бросил он через плечо.

К нему подошёл Кола, презрительно сплюнул под ноги и сказал с вызовом:

– Говорил я тебе, что нас кто-то подслушивает.

Встряхнувшись, он стал крутить головой, разминая шею, как перед выходом на ринг.

– Интере-есно кто? – процедил сквозь зубы Жосан и, заметив, как Хас втянул голову в плечи, бросил ему, – уж не ты ли та самая крыса?!

– Ну что, тюфяк, допрыгался! Сейчас мы из тебя пыль-то повыбиваем, будешь знать, чмо, как подслушивать, – и Кола со всей силы хряснул кулаком о ладонь.

Повернувшись к своим, он захохотал, как гиена:

– А классно мы их вставили, по самые гогошары, га-га-га! Ну что, кроты, – повернулся он к нам, – теперь мы вам устроим праздничек!

– Я тебе не тюфяк, понял! И сам ты, сам ты чмо! – выкрикнул неожиданно Хас.

Он стоял с ледорубом в руках у дальнего края ямы. Мотнув головой, он стряхнул град капель со лба, а потом неловко утёр скулу плечом; насадка ледоруба матово блеснула.

Мишка сжимал кулаки, исподлобья глядя на Жосана, Марио изумлённо вертел головой.

Я смотрел на Леру и никак не мог понять, что *она* здесь делает.

Мы стояли в нескольких метрах друг от друга: я в яме, по щиколотку в грязи, а она в серебристом потоке ливня, и мне казалось, что всё это – продолжение того странного сна, что я всё ещё не выпутался из его душной, липкой паутины.

– Что?! – воскликнул опешивший Кола.

Вид у него был как у кота, которого бросили в тазик с водой, а потом вытащили оттуда и, держа за загривок, вдруг щёлкнули костяшками пальцев по носу, – что ты сказал, ты, ты... – он как-то весь выгнулся и подался к Хасу, выпучив глаза.

– Подожди, потом им займёмся, – удержал его за локоть Жосан и бросил нам с угрозой, – ну, чего уставились, вытаскивайте давайте!

– Не повезло вам, пацаны! – хохотнул возбуждённо Кола и вновь хрястнул кулаком о ладонь. – Хорошо, что заметили их, да? – повернулся он к Жосану.

– Заглохни! – осадил его тот. – Вы долго там торчать будете, чего вылупились, давайте, вытаскивайте! А мы пока подумаем, что с вами делать! – крикнул он.

– А морда у тебя не треснет?! – крикнул я срывающимся голосом, и почувствовал, как вновь с шумом кровь прилила к голове.

Всё то, что заставляло меня раньше содрогаться: когда называли мою фамилию на уроке, когда приходилось проходить водоворот под мостом, когда меня подзывали старшеклассники, когда я сталкивался с Жосаном в городе, – всё это куда-то улетучилось, выгорело во мне, а пепел развеялся по ветру, и не осталось ни былинки, ни пылинки, ни паутинки, ни щепотки страха. Страх во мне кончился.

Запугивания Жосана не стоили ни гроша. Я чувствовал, как мои товарищи изменились. Теперь мы были не каждый сам по себе. Теперь мы были вместе, теперь мы стояли непоколебимо, как крепость. Даже Хас, теперь и он пойдёт с нами до конца. Я заметил, как он весь ошетинился.

Марио придвинулся к самому краю ямы и всё порывался что-то сказать, но, видимо, та быстрота, с которой мелькали у него в голове картинки, опережала язык. Так и хотелось крикнуть ему: «Эй, Марио, закрой рот, а то ворона залетит». Но было не до шуток, поверьте.

Боковым зрением я уловил, как Мишка попятился под крону, где лежали наши рюкзаки, но вскоре я его потерял из виду.

Покалывало подушечки пальцев, налетел шквал, но мне стало вдруг весело, да, весело, волна необъяснимого восторга несла меня!

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

– Вы что, не поняли?! Валите отсюда! Валите, пока целы! – воскликнул вдруг Хас.

Краем глаза я заметил, как трясся в его руках ледоруб.

– Ах ты гадёныш! – дёрнулся к нему Жосан.

– Дай-ка я ему зубы посчитаю, – подался вперёд Егор.

– С-стой там, где стоишь! – неожиданно из-под кроны закричал Мишка.

– Это кто там ещё вякает? Мишка, это ты, что ли? Давно в дыню не получал?! – двинулся к нему Егор, но Жосан положил ему руку на плечо.

Егор обернулся и понимающе кивнул. Жосан был хитёр, что-то он уже придумал, так, наверное, решил Егор. Он засунул в карманы свои пудовые кулаки и угрюмо вперился в Мишку взглядом. Сейчас он напоминал дрессированного питбуля, ждущего команды «фас» от хозяина.

– Пстой, Швед, пстой, – произнёс Жосан, – не торопись. Пусть вытащат сундук сначала, зачем в грязи ковыряться, правда, Тим? – бросил он мне вдруг.

Но я его не слышал. Я до боли сжал сапёрную лопатку, изготовившись рубануть любого, кто приблизится, и смотрел мимо него на Леру. Это она все подстроила – ошарашила меня внезапная догадка. Но почему, почему, почему?! Неужели ради этого смазливового богатенького хлыща, неужели ради него?!

Вот он стоит, ухмыляется, довольный, уверенный в своём праве сильного, уверенный, что ему всё сойдёт с рук. Прилизанный маменькин сынок, за которого всегда всё делали, которому всегда всё подносили на серебряной тарелочке, которому не нужно было думать о том, что надеть на школьный вечер, как правильно произнести слово, чтобы тебя не высмеяли, которого всегда могли родяки отмазать, и который украл у нас самое дорогое, самое драгоценное... Пришёл, увидел и украл.

Конечно, мы тоже хороши, кладоискатели. Но мы за всё заплатили сполна: мы могли утонуть, нас чуть не разорвали собаки, Марио едва не укусила змея, а меня до сих пор водило от солнечного удара. Мы, наконец, откопали этот сундук, и теперь он принадлежал нам по праву. А этот тип украл у нас, украл у меня, у меня, не заплатив

за это ни гроша. Но он ответит, – уж я позабочусь об этом. Кровь во мне бунтовала, обида жгла нестерпимо, и я крикнул:

– Предательница! Это ты всё подстроила! Променяла нас на этого урода!

– Что-о? Что ты сказал?! – обалдело переспросил Жосан, откинув капюшон куртки.

Именно «урод» сорвал его с катушек, очень уж он любил себя, красивого. Лицо его перекосила судорога, и он пошёл на меня с кулаками.

– Что слышал, урод! Иди, иди ко мне, рожа!

Злоба пылала в глазах его. Я видел эти глаза: один дымчатый чёрный, а другой жёлтый, как топаз. За ним угрюмо двинулись Кола и Егор, а Радик с друзьями, ещё не понимая, что происходит, топтались на месте, опасливо озираясь.

– Ну, всё, debil, тебе конец. Сейчас я буду выбивать тебе зубы! – прорычал Жосан.

В этот момент я ещё успел подумать о своих плохих зубах, которыми мучаюсь с самого детства, но вдруг в мерном шуме ливня что-то, фыркая и разбрасывая снопы искр, с протяжным свистом пролетело над нами, плюхнулось в лужу далеко впереди, – и: «Ба-бах!!!» – раздался оглушительный грохот – и мир раскололся на сотни звенящих осколков.

Взметнулся фонтан брызг и грязи, под нами вздыбилась земля, и на какое-то время мы оглохли. С верхушки осины, которая росла на краю прогалины, будто гигантской косой срезало несколько веток, и они, медленно планируя, опускались на землю...

Смешно подпрыгнул Жосан, испуганно завертел головой Кола, Егор присел, будто ему врезали по шее, а Радик и двое других парней упали прямо лицом в грязь, и так и лежали, прикрыв головы руками.

– Стоять! – вспорол плёнку глухоты Мишкин возглас. – Стоять, или я вас всех угрохаю!

Все ошалело уставились на Мишку, – в руке у него была ещё одна граната. Он только что поджёг фитиль, и тонкая просмоленная нить из пакли задымилась, шипя и разбрасывая снопы искр.

Этот бенгальский огонь до сих пор брызжет у меня в мозгу. До сих пор я вижу, как судорога пробегает по лицу Жосана. Вижу, как он смешно вращает головой. Испуганный малыш, вот кто он был теперь. Маленький мальчик, у которого отобрали игрушку, а из-за угла вдруг выглянуло привидение и стало подманивать его. А он ещё не понял, то ли ему бежать к мамочке, то ли плакать навзрыд. Весь гонор, вся прыть улетучилась – как корова языком слизала.

– Эй, парень, не дури! Затуши! – крикнул Мишке Егор, трясая головой, как полоумный.

– Валите к чертям отсюда! Пять секунд, и я вас угрохаю! – замахнулся Мишка.

Напряжение схватки преобразило его – горели рыжим пламенем волосы, горели ярким, синим блеском глаза. Он был такой рыжий, что его было видно, наверное, за километр отсюда.

Егор был совсем не похож на него, коренастый, медлительный, с водянистыми бесцветными глазами, он походил на скандинава, его так и звали «швед».

– Да ты что, свисток свихнулся?! Чуть брата не уколошил! – взревел Егор.

– Вали отсюда, колченогий! Раз! – начал считать Мишка, глядя на брызжащий искрами фитиль.

– Послушай, – вмешался в перебранку Жосан, губы у него так и прыгали, как пиявки, на белом лице клоуна.

– Корешок, успокойся, успокойся. Да затуши ты, блин, эту дрянь! Что вы будете делать с этим теперь?! – затараторил он. – Сдадите государству, – а вам за это кукиш! А я бы продать помог. Зачем тебе эти сосунки, брось ты их, мы с ними ничего не сделаем, обещаю. Ну, Мишка, давай, решайся, ну, ты же разумный парень.

И тут заговорил Марио. До этого он всё время только вскидывал руки, пытаясь что-то сказать, а теперь его прорвало, наконец, и он выпалил:

– Да пошёл ты! Вали, пока цел!

Именно в это мгновение совсем близко завывала тревога. Вой взметнулся, как вопль, как жёлтое знамя над полем боя. Первым подорвал Кола. Промычав что-то нечленораздельное, он громко взвизгнул, подпрыгнул, и, нелепо взмахнув руками, так стартанул, что, наверное, побил мировой рекорд по спринту. За ним сломя голову понёсся Радик с парнями. Они подскочили, как лягушки, и, не оглядываясь, понеслись через чащобу к реке. После секундного замешательства Швед тоже пустился наутёк.

Но Жосан остался. Он – как остоленел. Осталась и Лера.

Мишка выдернул фитиль из цилиндра, бросил его в лужу, и тот, зашипев, скрутился спиралью, фыркнул и перестал искрить.

– Дураки, вы ничего не знаете! – заслонила Лера собой Жосана.

Слёзы текли по её лицу, или это был дождь, не помню.

– Забирай свою подстилку и улепётывай! – крикнул я.

Звук тревоги нарастал.

– Ну всё, тебе конец, сам напросился, – отстранив Леру, процедил сквозь зубы Жосан. – Придурки...сейчас тут солдатня будет. Теперь клад никому не достанется, никому! – сорвался он на всхлип.

Несколько мгновений он ещё сверлил меня взглядом, потом схватил Леру за руку, и потащил её за собой, шлёпая прямо по лужам и неловко дёргая плечом. Обернувшись, он крикнул:

– До скорой встречи, дебил!

Я поднял ком земли и хотел запустить в него, но побоялся попасть в Леру, поэтому лишь ответил вдогонку:

– Чеши, урод!

Лера покорно трусила рядом с ним, лишь один раз обернулась и что-то крикнула нам, но мы не разобрали её слов. Вскоре они скрылись за деревьями; и рёв сирены погас.

Мы с Мишкой переглянулись, взгляд у него был чужой и тяжёлый. Ливень неожиданно кончился. Земля чавкала под ногами, дождь смыл нанос земли, и сквозь

маслянистый чернозём вновь желтела носовая кость черепа, а в его пустых глазницах сияли два оконца воды.

– Хы-а... – натужно засипел я.

Марио перехватил мой взгляд и попятился.

– Вон они! – показал Мишка, не обращая на нас внимания.

Вдоль берега, по направлению к крепости, медленно шёл катер, на котором, сбившись в кучу, стояли Жосан и компания. Я заметил, как Жосан тряс за грудки Колу. На борту катера ярко алела надпись «Бриз».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

– Эй, давайте быстрее! – крикнул нам Мишка и прыгнул в яму.

Из земли повылезали дождевые черви, и мы утрамбовали их в грязь, пока выталкивали сундук наверх.

Штыком сапёрной лопатки Мишка энергично очищал крышку сундука; мы с Хасом тёрли её травой, Марио скрёб стилетом, – но всё без толку, замка мы не обнаружили.

Руки у меня тряслись, как у пьяницы. Честно говоря, я уже плохо соображал, что происходит.

– Надо что-то сделать, надо что-то сделать! – на корточках прыгал возле сундука Марио.

Мишка размахнулся ледорубом и со всей силы грохнул им о сундук. Раздался скрежет, и в крышке образовалась вмятина с пятак. Размахнувшись ещё раз, он вновь грохнул им по крышке, полумесяц ледоруба скользнул и сорвал кусок грязи, показался утопленный заподлицо замок. Выхватив у Марио стилет, Мишка вставил его в отверстие и ударил по ручке ледорубом так, что замок треснул. Ещё несколько ударов, и крышка откинулась.

Первым нырнул в сундук Марио. Мне показалось, что его короткие волосы на затылке зашевелились.

– Да тут пусто! – воскликнул он.

– А ну, дай-ка, – отпихнул его Мишка.

– Это ты всё взорвал, заика, мои сокровища взорвал! Клад, где мой клад?! – кинулся на Мишку Марио, но мы с Хасом его вовремя оттащили.

Правда, Марио так больно укусил меня, что я со всей злости двинул ему по шее.

– Да успокойся ты! – заорал я, но он, как помешанный, упал на землю, и стал молотить по ней кулаками, разбрызгивая грязь во все стороны:

– Ненавижу, ненавижу! Вы украли мой клад! – кричал он.

– Там что, пусто? – спросил я Мишку.

– Да нет, что-то есть.

Мишка стоял на корточках, лицо его от напряжения стало кирпично-красным, рыжие волосы клочками торчали во все стороны.

– На, держи, – бросил он маленький плоский кожаный футляр Марио.

Марио с жадностью схватил его и попытался открыть зубами.

– Да стой ты, – выхватил у него футляр Хас, – вот же застёжка сбоку.

Он откинул латунную застёжку – на бархатном ложе, в золотой рамке, инкрустированной разноцветными камешками, лежал медальон, размером с брелок от ключей. Сквозь прозрачную глазурь медальона на нас глядели удивлённые глаза молодой девушки в восточном одеянии.

– И это всё, и это всё?! – восклицал Марио, повернувшись к Мишке.

А тот вскоре выудил со дна сундука кинжал в деревянных ножнах и два старинных бронзовых пистоleta.

– Да, а что, мало? Смотри, какой супер! – поднял Мишка двумя руками пистолет с круглым набалдашником на рукоятке и прицелился им в Марио. – Настоящий! – довольно присвистнул Мишка, посмотрел в ствол, потом дунул туда. – Это полка для пороха, вот сюда он накладывается, а это замок, рычаг для взвода, – указал он на штырь, выступающий сбоку.

Забыв обо всём на свете, Мишка присел на край сундука и зачарованно рассматривал пистолет. Он был счастлив. Он получил то, что искал. Он сидел, раскачивался в такт своей речи, он ни разу не заикнулся, – все это заметили, даже Марио, который подходил к каждому с медальоном и причитал:

– Неужели это всё, неужели это всё?!

Наверное, Мишка перестал заикаться ещё в момент схватки, но мы заметили это только сейчас. Наверное, так бывает. Человек болеет, а потом «бах» – что-то происходит, и он выздоравливает.

Чудо, это было чудо, и мы стали его свидетелями. Мы подскочили к Мишке, начали его тискать и тормошить, он ничего не понимал, увёртывался от нас, едва удерживая пистолет в руке.

– Ты говоришь, ты говоришь, ты не заикаешься, совсем, совсем, слышишь, – толкал его Марио.

Взявшись за руки, мы стали танцевать вокруг него, неуклюже подпрыгивая на стёртых до крови ногах, крича и подвывая, будто дикари.

Это была радость, это была настоящая радость. И чудо, и всё!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Неожиданно стало необычно тихо. Слышно было только, как редкие дождевые капли, шурша в листве, тяжело шлёпаются в лужи.

– Ура! – ещё раз крикнул Марио, но тут же осёкся.

Мне почудилось, что кто-то следит за нами из-за плотной стены леса. Показался среди деревьев бородач, но я тряхнул головой, и видение исчезло. Мишка обернулся и стал напряжённо вслушиваться. Вдалеке послышался собачий лай.

– Бежим! – воскликнул Марио, прижимая к груди футляр с медальоном.

– Мы не можем так всё бросить, – глухо произнёс Мишка.

Он попытался столкнуть сундук в яму. Лай собак, одной, другой, третьей приближался.

– Мишка, ты что, сдурел?! – взвизгнул Марио.

– Испугался? – спросил Мишка и посмотрел на того диким, блуждающим взглядом.

Сам не зная почему, я вдруг врезал ему по плечу так, что у него остался багровый след от ладони.

– Эй, парень, очнись! – заорал я.

Он вздрогнул, провёл рукой по лицу и произнёс с сожалением:

– Эх, жаль лодка далеко, – и добавил, – если не закопаем, он нас найдет.

– Его-то мы задобрим, а этих вряд ли, – мотнул я головой в сторону.

– Ты думаешь?

– Уверен.

– Вы что, совсем рехнулись?! Да нас тут сейчас точно слопают! – заорал Хас.

В подтверждение его слов, хриплый, захлёбывающийся лай раздался буквально в сотне метров от нас, и, едва успев похватать рюкзаки, мы рванули, удирая во все лопатки.

Кто он был, этот человек, похороненный здесь? Что за девушка была изображена на медальоне? Почему таким странно знакомым показалось мне это лицо? Вопросы вспыхивали у меня в голове, но ответа на них не было.

Справа теперь над нами возвышался курган, его вершина едва виднелась над кронами деревьев: это был обычный холм, с плоской вершиной, густо поросший кустарником. Только на мгновение мы замешкались и вновь понеслись вперёд, потому что лай приближался.

Я заметил, как на бегу, Мишка подхватил футляр с медальоном из рук Марио, когда тот упал, перелетев через валежник.

– А-а-а!!! Помогите!!! – орал Хас.

Сколько мы бежали, не помню. Кажется, я тогда бы и марафон пробежал с мировым рекордом. Только зря мы так парились. На этот раз нам не повезло. Когда

мы выскочили на опушку леса, нас поджидало уже несколько полицейских машин. Сзади приближался лай собак, путь к отступлению был отрезан.

Удивительно, но в полиции нас приняли, как родных, – не угрожали, даже угостили конфетами, составили протокол. Хас, Мишка и я держались спокойно, ни от чего не отказывались, рассказали всё. А Марио плакал, он был очень расстроен и постоянно всхлипывал.

У нас всё отобрали, всё до последней отвёртки. С Мишкой ещё отдельно беседовали, я услышал только пару фраз типа «заведём дело» и «колония» – сквозь тёплую, обволакивающую дрему полусна-полуяви.

Нас положили спать на полу в помещении рядом с дежуркой, а Мишку ещё долго терзали. В какой-то момент и он лёг рядом.

Перед рассветом, когда чуть засинело за окном, приехал на уазике отец.

Он приехал сам, без водителя. Отец был очень возбуждён, размахивал руками, он приехал без фуражки и без кителя, поэтому звания видно не было, и он всё время поправлял сержанта, который ему что-то втолковывал: «Да майор я, майор», – и поглядывал на меня с интересом. Удивительно, но мне он не сказал ни одного плохого слова.

Домой ехали мы больше часа: сначала по ухабистой просёлочной дороге, потом по шоссе, потом через мост, и уже на рассвете въехали в город. Всю дорогу, пока мы то дремали, то всматривались в сиреневые предрассветные сумерки, отец гнал машину. Он посадил рядом с собой Хаса, а Марио и нас с Мишкой – на заднее сидение. Всю дорогу отец молчал. Он только качал головой и посмеивался. Не знаю почему, но он был очень доволен. Это было удивительно. Иногда мы с Мишкой переглядывались, и я пожимал плечами, а он мне показывал большой палец.

Во двор мы въехали, когда солнечный диск уже поднялся над рекой. Часов семь было, не больше. Небо на востоке стремительно наливалось розовым цветом, из подворотни вышел дворник с вёдрами и застыл, наблюдая, как мы подкатали к подъезду.

Я смотрел, как удалялись Хас и Марио. Они ни разу не оглянулись. Только перед дверью в подъезд Марио замешкался и крикнул:

– Увидимся в школе!

При этом он попытался состроить рожу, но вышло у него это совсем не смешно. Что сказать, настроение у нас было не очень. Мишка ещё постоял какое-то время у машины, поглядывая то на отца, то на меня, потом протянул мне руку, я пожал её крепко и вдруг ощутил, как он мне что-то вложил в ладонь.

На ладони у меня лежал медальон.

– Ну ты даёшь! – только и выдохнул я.

Он слегка подтолкнул мою ладонь и сказал:

– Брату покажи, может, он узнает, кто это.

Он хотел ещё что-то добавить, но передумал. Всё и так было ясно.

– До свиданья, дядя Гриша! – попрощался он.

Захлопнув дверцу, отец махнул рукой:

– Будь здоров, старик, держи хвост пистолетом!

Мишка кивнул, развернулся и потопал домой. Он шёл прямо, уверенно, высоко держа голову. Мы смотрели ему вслед и молчали. Он шёл легко, пружиня шаг, будто и не было десятков километров пути, двух бессонных ночей, стёртых в кровь ног...

Отец молчал. Да и что он мог мне тогда сказать?

Дома нас встретили в дверях мама и Ритка. Ритка была удивлена до крайности, шары у неё так и повывскакивали, как на пружинках. Она вообще-то соня, но ради такого случая вскочила с постели чуть свет.

Мне показалось, что за эти два дня мама ещё больше постарела. Она охала, бестолково суежилась вокруг, прикрывала рот рукой, и когда я снял с себя футболку, взяла её с такой брезгливостью, будто это была дохлая кошка, потом подержала её пару секунд и бросила на пол в коридоре.

– Раздевайся, раздевайся прямо здесь и – в ванную, и сразу в ванную, – причитала она.

– Вот, доставил, в целости и сохранности, – гордо произнёс отец.

Он быстро разулся и побежал на кухню, хлопнула пробка бутылки, и пиво забулькало у него в горле.

– Эх! – крикнул отец. Ну и натерпелся я в полиции, не поверишь.

Это были последние слова отца, которые я услышал в то утро.

Кое-как я дошлёпал до ванной, забрался в горячую воду, намылил голову и, наверное, уснул, потому что меня растормошила мама.

– Ты чего, Тим, давай я тебе помогу.

– Нет, я сам, я сам, – сказал я ей, – выйди, пожалуйста.

Она вышла, я нырнул, смыл пену и мыло, потом вылез из ванной, поскользнулся и чуть не приложился виском о косяк, но удержался, быстро протопал к себе в комнату и свалился в свежее накрахмаленное бельё, которое пахло снегом.

Я лежал какое-то время, всматриваясь в потолок. За окном занимался день, солнечный свет, дробясь о широкие листья катальпы, наполнял комнату, как вода освещённый аквариум, и вскоре вокруг всё задрожало разноцветными бликами. Был последний день августа, кончилось самое жаркое лето в моей жизни, а через день мне исполнялось тринадцать лет.

Я ещё услышал, как кто-то тихо приоткрыл дверь и сказал: «Он уснул». Кажется, это была Ритка, а потом я действительно провалился в сон.

Мне снилось, как я ускорился на байдарке, пытаюсь догнать буксир, но резко накатила волна, и лодка накренилась, и я всё время табанил, чтобы не перевернуться, а потом волна стала выше и заслонила небо, и я слышал ещё голоса и видел лучистые блики сквозь зелёную воду, и в дымке вновь показалась крепость...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Как мне потом рассказали, три дня я прометался в бреду. Вызвали врачей, но они только разводили руками. А меня трясло, тошнило, и температура всё время держалась около тридцати восьми.

Помню только склонившиеся надо мной лица брата, мамы, но в основном брата... Он почти всё время был рядом. А меня всё трясла лихорадка, и мерещились рыжие собаки, которые гнались за мной по снежному полю.

Через неделю, когда я более-менее очухался, брат уехал, а перед отъездом сказал, что, оказывается, мы нашли захоронение одного из сподвижников Мазепы, а самого гетмана похоронили с почестями сначала в предместье Бендер, на кургане, но потом его прах по настоянию старшин перевезли в Галац, румынский город на берегу Дуная. Ещё брат сказал, что все предметы, которые мы нашли, будут скоро выставлены в городском музее, а пока их исследуют специалисты, но он и сам уже кое-что выяснил.

– А кто эта девушка на медальоне? – спросил я его, кивнув на медальон, который лежал рядом с подушкой.

– Думаю, она – племянница турецкого наместника. Но какая связь между ею и черепом, который вы откопали, пока загадка. Ведь по вере она была мусульманка, а в то время между христианами и мусульманами была особенная вражда. Как и где они могли встретиться, – пока не понятно. Наверное, у них был роман. Думаю, связь была короткой, и убили его из-за угла, время было смутное, бурное, сам понимаешь.

Но это мне мало что объяснило. Я кивнул и больше ни о чём не спрашивал.

Иногда ко мне заходили друзья. Странно, но мне почему-то совсем не хотелось с ними видиться. Теперь мы были герои, и они пересказывали многое из того, что о нас говорили в школе. Из нас, по-моему, только Марио купался в лучах славы, а Мишка, Хас и я отнеслись к такой известности довольно сдержанно. Скоро Хас и Марио перестали меня навещать.

Иногда заходил Мишка, мы сидели с ним на балконе и подолгу молчали, смотрели в парк, прислушивались к голосам на берегу, а иногда играли в новую для нас игру – шахматы. Нас научил играть отец, и мы могли часами сидеть над доской. Но потом и Мишка перестал приходить, может, что-то случилось, но звонить ему мне не хотелось. Честно говоря, я был очень слаб и только в конце сентября пошёл в школу.

Там на меня все смотрели, как на диковинку. Или мне так казалось? Даже учителя старались не задавать лишних вопросов, как и родители дома, что меня, впрочем, вполне устраивало.

Не знаю почему, но теперь Хас сидел за другой партой, а со мной посадили Юрку Белых, спокойного, разумного мальчика, без фокусов. Я не застал в классе Леру. Оказывается, она перевелась в другую школу.

Сказать, что меня это огорчило, я не могу, и всё же было немного грустно, мне её не хватало. По привычке я бросал взгляд на её парту, но там теперь сидела некрасивая девочка Вера Малышева, она всё время деланно прихорашивалась, поправляя свои завлекалочки, и искоса поглядывала на меня.

На лбу у неё всегда горели красным светом прыщи, которые она, видимо, дома усердно давила и припудривала, отчего смотреть на неё совсем не хотелось.

Постепенно всё втянулось в свою колею. Учёба, дом, учёба, дом, на гребную базу я ещё не ходил. Наше приключение стало забываться, но вскоре меня всё-таки накрыла тень прошлого.

ЭПИЛОГ

В начале октября, когда от реки повеяло холодом, а с деревьев слетела первая листва, я спешил на тренировку, как вдруг позади раздался оглушительный треск – из проулка выскочили на мопедах Жосан и Кола.

До развилки, где начинался спуск к гребной базе, оставался один квартал, по сторонам высились дома за глухими заборами. В отчаянье я бросился бежать по тротуару, но вскоре получил сильный толчок в спину, споткнулся и хлопнулся об асфальт, разодрав ладони. Я не успел ещё подняться, как они уже были рядом: Жосан въехал на бордюр, откинул стойку и, погладив хромированный бак ослепительной «Явы», пошёл на меня. Целый месяц я ждал этой встречи, проигрывал её в мельчайших деталях, носил в карманах песок для этого случая, но случилось всё

совсем не так, как я ожидал. Я поднялся и почувствовал, что ноги у меня стали ватные, а во рту появился острый металлический привкус.

Всего за день до этого Мишка мне рассказал, как они его избили возле трансформаторной будки за школой, вывихнули руку – через неделю после нашего возвращения. Мишка скрывал это от меня, не хотел расстраивать, а потом всё как-то улеглось, да и повода рассказывать не было.

Хасу и Марио, видимо, тоже досталось, – я видел след от фонаря под глазом у Марио, а у Хаса до сих пор дёргается плечо. Но они смолчали. Видимо, их так запугали, что они решили держать язык за зубами. Может быть, поэтому они отдалялись от нас с Мишкой всё больше, и мы ещё ни разу не собрались поиграть в карты, как раньше.

Пока Жосан, ухмыляясь и поигрывая ключами на пальце, подходил ко мне, Кола отрезал путь к отступлению. Инстинктивно я опустил руку в карман и схватил горсть песка, крепко зажав её в кулаке. Я приготовился драться, хотя шансов, конечно, у меня не было. Я видел, с какой ненавистью надвигается на меня Жосан, но страха во мне не было, правда, страха не было. Я спокойно смотрел в его один жёлтый, как у кошки, а другой чёрный, как уголь, глаз, я не мог смотреть одновременно в оба глаза...

– Ну что, debil, вот мы и встретились! – крикнул он срывающимся фальцетом.

Противно захохотал Кола. Я заметил краем глаза, что он уже готов броситься на меня. Гиена, он хохотал, как гиена. До меня ещё только доходил смысл его слов, когда какая-то сила, как камень из пращи, метнула меня вперёд. Мгновенно я швырнул горсть песка в глаза Коле и, прыгнув на Жосана, ещё услышал его визг и ругань.

Я получил страшный удар в лицо, слёзы брызнули из глаз, но я не свалился, устоял, прыгнул ему в ноги, дёрнул под себя, и он упал навзничь, увлекая меня за собой, а потом во мне проснулся самый настоящий зверь. Я вдруг вцепился ему в горло зубами и рванул, что есть силы, и почувствовал, что в рот мне сочится тёплая, солоноватая струйка крови. Я увидел ещё, как в ужасе расширились его глаза, а

потом что-то тяжёлое опустилось мне на затылок, и я упал, как в перину, и голова у меня стала лёгкая, как перышко на ветру, и сквозь пелену забытья я ещё услышал пронзительный визг Жосана.

Меня спас мой тренер, Донченко, он в это время ехал на велосипеде на гребную базу и увидел нашу драку. Он успел схватить Колу за руку в тот момент, когда тот вновь занёс гаечный ключ. Он быстро скрутил его, а Жосана заставил вызвать неотложку, потому что я был без сознания.

Тот попытался возражать, но Донченко сказал ему просто:

– Выбирай, будешь либо соучастник, либо свидетель.

Жосан, видно, прикинул хвост к носу, и поспешил исполнить всё в точности.

Так я попал сюда. Сейчас я чувствую себя неплохо, только голова иногда болит, если пасмурно, а дождя нет. Все вокруг меня теперь ходят на цыпочках, особенно мама, она боится, чтобы я не свихнулся. Однажды я слышал, как она жаловалась кому-то по телефону, что у отца в роду есть парочка, как она их назвала «чикнутых» поэтов. «Боюсь, – говорит, – чтобы моим это не передалось».

Бедная мама, теперь я её ничем не смогу порадовать. Отчего-то мне вдруг нестерпимо захотелось писать стихи. Точнее, они сами складываются, стоит мне взять карандаш и придумать первую строку, а дальше всё идет, как по накатанному, знать бы только последнее слово, ключ, и тогда всё складывается само собой. Но только маме я пока не буду говорить об этом. Зачем?

Приходила Лера. Она стала другая. Глаза немного чужие, взрослые. Она рассказала, что Кола сидит в СИЗО, идёт следствие, но это я и сам знал.

Вертелся тут пару дней назад один прыщавый следак с перхотью на пиджаке, всё расспрашивал, как меня так угораздило. А я «не помню» да «не помню». А он мне:

– Дурак, чего ты их выгораживаешь? Они же ещё с кем-то расправятся. Чего ты выгораживаешь этих кретинов?!

Но только я больше не хотел ничего о них говорить. Зачем пацанам жизнь портить... Я их всех простил, и Жосана, и Колу, и Леру. У меня теперь другая идея, у меня теперь другое желание...

Лера мне рассказала ещё, что взяли Шефа по делу Витьки Меркулова. Будто бы это он пырнул Витьку ножом, потому что тот не хотел отдавать карточный долг. А карточный долг – дело святое, отдать должен, иначе – хана. Они там оттягивались у Шефа на даче, которая как раз недалеко за островом, резались в секу, на второй день нашей экспедиции, и кончилось всё тем, что Витьку кинули ракам на подкормку. Так что Шеф теперь с Колой соседи. Но Кола-то что, – он малолетка, да ещё его мать всё звонит родакам, плачет, чтобы они заявление забрали. Но отец непреклонен. Отвечает ей, что он сам теперь её сыну череп проломит. Но дело не в этом. Кола-то всё равно вывернется. А вот Шефу теперь капец, десяточка минимум светит, может, теперь встретится с Васькой одноглазым, Мишкиным братом, они когда-то дружили, одноклассники. Весёлая у нас школа, я вам скажу, да уж, скучать не приходится.

Иногда Лера читает мне дневник своего отца; вот уже двенадцать лет, как он сидит в дурдоме. Попал туда после авиакатастрофы, в которой погибла её мама. По словам Леры, мама её была наследницей знатного турецкого рода.

Месяц назад её отец сбежал из клиники, хотел рассказать ей, что когда она вырастет, то получит большое наследство. Но его поймали и вновь упрятали в психушку. Там главврач, кстати, отец Жосана. Но ему теперь не до шизиков, надо сыночка отмазывать.

Лера говорит, что стала дружить с Жосом, чтобы помочь своему отцу, но кто в это поверит, всё это лабуда, теперь-то можно насвистеть что угодно. Она приходит и всё больше молчит, и смотрит на меня задумчиво. А я болтаю ни о чём: о том, что скоро прикидки на чемпионат города, о том, что Мишка стал со мной заниматься английским, чтобы я не отставал сильно. Я говорю с ней о чём угодно, но только не о нас. Почему, не знаю.

Иногда я не хочу, чтобы она вообще приходила, но как ей об этом скажешь, – обидится. Поэтому я и говорю ни о чём, терплю её присутствие, так сказать, а сам всё думаю: «Уйди, пожалуйста, ну, уйди, пожалуйста».

Нет, она мне по-прежнему нравится, очень. Но только мне почему-то неловко с ней рядом. И не так, как раньше. И хотя я себе говорю, что всё это чешуя, глупости, чего не бывает, живи и радуйся, и всё такое, но теперь внутри у меня, как в пустом чёрном колодце самой морозной зимней ночью. Почему-то мне кажется, точнее, я даже уверен, что теперь нас уже ничего не связывает. Но мне всё равно, честно, у меня теперь другая идея, у меня теперь другая история, но о ней я пока болтать не буду, а то, я заметил, скажешь о чём-нибудь, а потом это – раз – и не сбудется.

Единственное, что меня ещё гложет иногда, это то, что я сейчас должен лежать здесь, и не могу выйти на воду, и не могу почувствовать, как пенится подо мной прохладная вода реки.

Единственное, что я хочу ещё сделать, и чтобы это именно она увидела, – это сесть на волну к буксиру. Это ребячество какое-то, конечно. Но я знаю, что теперь я смогу это сделать легко. Я знаю метод – если хочешь что-то сделать, думай только о том, что делаешь, и старайся это сделать легко, и тогда у тебя всё получится, да, всё получится, потому что все преграды только в тебе, и страх только в тебе, а когда просто делаешь, то страха нет, и тогда всё получается, да, всё получается.

Когда она уходит, и я лежу один в тишине и покое густеющих октябрьских сумерек, и на зеркало тишины падают жемчужные капли ночи, я прислушиваюсь к хрустальным звонам и просматриваю, как в кадрах замедленного кино: вот медленно спускаюсь по мокрому, скользкому трапу с байдаркой на плече, иду осторожно, чтобы не поскользнуться и не занозить ступню, вот я выхожу на бон, устанавливаю лодку на воду, свежий ветер с реки гонит волну, и байдарка качается, вот я хватаюсь за передний выступ кокпита, сажусь на сляйд, пробую, чтобы он был хорошо установлен и не ёрзал, вот я пристёгиваю к кокпиту блестящий фартук, отталкиваюсь от бона, течение разворачивает лодку, но я загребая и выравниваю её, а потом, легко погружая лопасть весла в воду, плотно налегаю на него, ускоряюсь и

быстро пересекаю реку под железнодорожным мостом, течение резко бьёт в бок байдарку, но я продолжаю грести, только чуть весло проскальзывает в пене водоворота, а потом меня выбрасывает из него течением. И вот впереди появляется буксир, толкающий огромную баржу с песком. Я ускоряюсь, набираю в лёгкие побольше воздуха и делаю с десяток мощных гребков, нос лодки задирается, пока я пытаюсь сесть на первую волну, меня разворачивает, крутит, волна пытается меня сбросить, вывернуть, выбросить из лодки, я табаню, выравниваю байдарку, и меня уже несёт в отработке буксира, но это только первая волна, самая пологая, а впереди ещё две, и третья – самая высокая, самая крутая, но я её точно пройду, а потом подниму руки с веслом над головой и, окутанный золотым сиянием ветра, закричу: *«Я свободен! Я свободен! Я свободен!»*.